Город Иваново-Вознесенск
или бывшее село Иваново
и Вознесенский посад
Владимирской губернии

сост. Я. П. Гарелин.

с 17-ого в. до 19 февраля 1861 г.

г. Шуя.

1884

ГОРОДЪ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЪ

ИЛИ

БЫВШІЕ СЕЛО ИВАНОВО и ВОЗНЕСЕНСКІЙ ПОСАДЪ

(ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ).

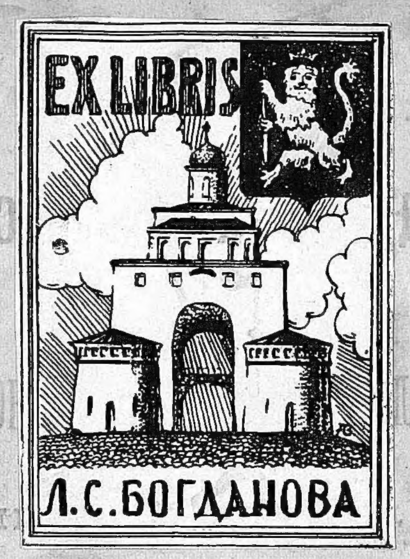
ВЪ 2 ЧАСТЯХЪ.

Составилъ Я. П. Гарелинъ.

ЧАСТЬ I.

Съ XVII столѣтія до 19-го Февраля 1861 года.

ГОР. ШУЯ.
Лито-Типографія Я. И. Борисоглѣбскаго.
1884.

Дозволено Цензурою. Москва. 1884 года 13 Октября.

Цензоръ К. Леонтьевъ.

ГОРОДЪ
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЪ
или
БЫВШІЕ СЕЛО ИВАНОВО и ВОЗНЕСЕНСКІЙ ПОСАДЪ
ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Составилъ Я. П. Гарелинъ.

Г. ШУЯ.
Лито-Типографія Я. И. Борисоглѣбскаго.
1885.

Описаніе бывшаго села Иванова и Вознесенскаго посада составлено мною частію по печатнымъ источникамъ, а болѣе по личнымъ наблюденіямъ въ продолженіи слишкомъ тридцати лѣтъ, когда были еще живы наши Ивановскіе старожилы. Они въ своей памяти свято хранили старину и живо представляли давно прошедшее время. Такимъ образомъ, желаю я сохранить эти памятники, какъ новый матеріалъ для исторіи отечественной промышленности и минувшаго быта. Трудъ свой я раздѣляю на двѣ части: въ первой помѣщаю село Иваново и Вознесенскій посадъ до реформы Великаго Царя-Освободителя, 19-го Февраля 1861 года, и во второй—село Иваново и Вознесенскій посадъ послѣ реформы и городъ Иваново-Вознесенскъ до 1884 года.

Я. Гарелинъ.

Иваново-Вознесенскъ

21-го Августа 1884 года.

ГОРОДЪ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЪ.

Глава I.

Топографическое описаніе.

Мѣстоположеніе. Почва. Орошеніе. Климатъ и растительность.

Центръ мануфактурной промышленности Владимірской губерніи, безъуѣздный городъ Иваново-Вознесенскъ, расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Уводи, которая, образуя въ этомъ мѣстѣ дугу, раздѣляетъ городъ на двѣ части: по правой сторонѣ раскинуто первоначальное поселеніе, бывшее село Иваново съ слободами Дмитровской и Ильинской, по лѣвой сторонѣ расположенъ совсѣмъ еще юный Вознесенскій посадъ съ слободой Троицкой. Со всѣми пригородными слободами, вошедшими въ черту города, Иваново-Вознесенскъ занимаетъ площадь около 12 кв. верстъ. Расположенъ онъ на равнинѣ, покатой по направленію лѣваго берега Уводи и нѣсколько приподнятой на правомъ берегу. Благодаря характеру мѣстности городъ только съ двухъ сторонъ представляетъ привлекательное зрѣлище—съ сѣверо-восточной стороны, гдѣ прежде былъ боръ (боръ этотъ принадлежалъ графу Шереметеву и проданъ имъ гг. Гарелинымъ, которые и вырубили его), глазамъ зрителя представляется прекраснѣйшая картина: на первомъ планѣ рѣка, по берегамъ которой въ видѣ гирлянды тянется рядъ фабрикъ; за ними постепенно поднимается городъ, блестя золочеными главами церквей и выставляя мѣстами высокія фабричныя трубы въ перемѣжку съ крышами

домовъ. Видъ съ западной стороны, отъ Дмитровской слободы, еще эффектнѣе—широкой дугой, обращенной къ зрителю отверстіемъ, раскинулся городъ, поднимаясь высоко множествомъ фабричныхъ трубъ, такъ что отсюда можно составить объ Иваново-Вознесенскѣ понятіе, какъ о фабричномъ городѣ. Картина въ лѣтнее время прекрасно оттѣняется зеленью деревьевъ, потому что хотя большихъ садовъ въ городѣ и нѣтъ, но зелени очень и очень достаточно. Съ другихъ сторонъ городъ имѣетъ самый заурядный видъ. Внутри Иваново-Вознесенскъ является обыкновеннымъ уѣзднымъ захолустнымъ, хотя и обширнымъ городкомъ, представляющимъ нѣчто среднее между городомъ и богатымъ селомъ. Въ немъ насчитывается въ настоящее время до 75 улицъ и 20 переулковъ, большая часть которыхъ не мощена. Большихъ садовъ нѣтъ, такъ какъ жители занимались или хлѣбопашествомъ, или работали на фабрикахъ, такъ что некогда было и подумать о такомъ удовольствіи, какъ садъ; къ тому же крупныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ и время и стремленіе къ садоводству, здѣсь почти не оказывалось. Будущая краса города—бульваръ—устроенъ лѣтъ пять тому назадъ и потому въ настоящее время не можетъ доставить полнаго удовольствія обывателямъ, но всѣ липки принялись очень хорошо и теперь уже прогулка по бульвару можетъ доставить пріятное развлеченіе. Къ сожалѣнію, мѣстные обыватели питаютъ къ такого рода удовольствіямъ какое-то пренебреженіе и даже считаютъ до нѣкоторой степени неприличнымъ водить туда свои семейства. Городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ пустошами, принадлежащими какъ самому городу, такъ и частнымъ владѣльцамъ, и поселками рабочихъ, устроенными на землѣ частныхъ лицъ. Пустоши частью покрыты лѣсомъ, частью заняты полями и выгонами. Къ числу особенностей города нужно отнести существованіе внутри его владѣній двухъ деревень—Иконникова и Глинищева. Изъ нихъ первая почти совсѣмъ уже поглощена

городомъ, такъ какъ чуть не со всѣхъ сторонъ окружена городскими постройками; другая готовится къ той же участи, потому что, по существующему проэкту отвода участковъ для новыхъ построекъ, назначена для этого та именно полоса земли, принадлежащей городу, среди которой помѣщается Глинищево.

Мимо Иваново-Вознесенска проходитъ линія Шуйско-Ивановской желѣзной дороги, которая проведена отъ станціи Новки Нижегородской линіи до города Кинешмы. При городѣ находится станція, являющаяся связующимъ звеномъ обоихъ участковъ этой линіи, такъ какъ Шуйско-Ивановская желѣзная дорога состоитъ изъ двухъ участковъ—Новки-Иваново и Иваново-Кинешма. Оба участка почти одинаковаго протяженія (85 и 87 верстъ). Подробности объ этой дорогѣ будутъ сообщены въ своемъ мѣстѣ.

Почва мѣстности, на которой расположенъ Иваново-Вознесенскъ съ своими окрестностями, принадлежитъ къ числу требующихъ особеннаго усердія со стороны земледѣльца. Почва суглинистая (красная глина), съ довольно богатымъ содержаніемъ песку. Толщина пахатнаго слоя отъ 3 до 5 вершковъ. Песокъ является главнымъ элементомъ въ подпочвѣ, представляя собою слой отъ 2 до 5 саженъ толщины. Мѣстами, кромѣ красной глины, встрѣчается еще сѣрая, которая очень удобна для выдѣлки цемента и огнеупорнаго кирпича. Къ сожалѣнію, на это не обращено никакого вниманія и остается пока мертвымъ капиталомъ. Затѣмъ находится мѣстами, хотя и не въ большомъ количествѣ, желѣзо и на днѣ Уводи сѣрнистый колчеданъ. Главное богатство города заключается въ большомъ количествѣ торфа, которому предстоитъ играть въ будущемъ видную роль, благодаря нещадному истребленію лѣсовъ. Городъ владѣетъ очень хорошимъ торфомъ въ количествѣ 15 десятинъ, а во владѣніяхъ частныхъ лицъ его имѣется столько, что нечего бояться недостатка въ топливѣ. Торфъ мѣстами уже разрабатывается.

Въ водѣ для обыденнаго употребленія городъ особенной нужды не чувствуетъ, такъ какъ почти на всѣхъ улицахъ устроено по нѣсколько колодезей. Подпочвенный слой песку покоится на пластѣ глины, поэтому вода задерживается и ее постоянно можно найти на глубинѣ 5—6 саженъ. За то въ такихъ случаяхъ, какъ пожары и вообще, когда воды требуется большое количество, отсутствіе водопровода даетъ себя знать. Правда, есть здѣсь и рѣка, и ручьи, но они особенной пользы принести не могутъ. На протяженіи 6 верстъ черезъ весь городъ протекаетъ рѣка Уводь по направленію съ северо-запада къ юго-востоку, дѣлая за Туляковымъ мостомъ и фабрикою гг. Гарелиныхъ два крутыхъ поворота. Черезъ рѣку устроено три деревянныхъ общественныхъ моста; кромѣ того на нѣкоторыхъ фабрикахъ устроены переходы и мосты съ одного берега на другой. Вода въ Уводѣ известковатая, что было очень удобно для красильнаго производства и послужило къ постройкѣ по берегамъ этой рѣки большаго количества фабрикъ. Но фабриканты, выпуская въ рѣку всѣ фабричные отбросы, испортили воду до того, что первоначальныя ея качества потерялись и вода сдѣлалась негодною для питья. Во время пожаровъ трудно пользоваться рѣчной водой, такъ какъ проѣзды къ рѣкѣ всѣ застроены. Въ этомъ случаѣ приходится довольствоваться водой изъ колодезей, прудовъ и рѣчекъ. Рѣчекъ внутри города двѣ: одна начинается на южномъ концѣ города изъ прудковъ и бочаговъ крутаго оврага, за дамбою Московской улицы (такъ называемый Шодчинскій мостъ), течетъ на сѣверо-востокъ; пройдя затѣмъ мимо хлѣбныхъ рядовъ, рѣчка подъ улицей, въ деревянной трубѣ, дѣлаетъ поворотъ по направленію оврага къ сѣверо-западу и дойдя до насыпи, устроенной по обѣ стороны Тулякова моста, круто поворачиваетъ опять на сѣверо-востокъ и впадаетъ въ Уводь. Черезъ эту рѣчку устроено двѣ дамбы: Шодчинскій мостъ и дамба у Покровскаго собора и одинъ каменный мостъ,

Приказный (у Воздвиженской церкви на базарную площадь). Рѣчка носитъ названіе „Потокъ“ и встарину считалась *золотой* по слѣдующей причинѣ: отъ самаго Шодчинскаго моста до устья по теченію у каждаго домовладѣльца отдѣлено было, такъ называемое, „мѣсто“ передъ домомъ на берегу, гдѣ производилось бѣленье сначала холста и полотна, а затѣмъ, когда льняная ткань вытѣснена была бумажною, то миткаля. На каждомъ мѣстѣ выстилались двѣ—три штучки, то-есть два—три ряда. Бѣленьемъ занимались женщины и зарабатывали рублей по 10 въ недѣлю. Тоже самое производилось потомъ и на безъимянномъ ручьѣ и на Сластихѣ. Теперь отъ этихъ „мѣстъ“ уцѣлѣли кое-гдѣ одни лишь знаки. Другая рѣчка, Безъимянный ручей, начинается на западной окраинѣ города, проходитъ по направленію оврага съ запада на сѣверо-востокъ, и протекая по другой сторонѣ вышеупомянутой насыпи у Тулякова моста, впадаетъ выше этого моста въ Уводь. На этой рѣчкѣ устроены: дамба и каменный мостъ. Для пользованія водой во время пожаровъ устроены на обѣихъ рѣчкахъ запруды. Овраги, по которымъ протекаютъ рѣчки, очень круты, что не мѣшаетъ впрочемъ возводить по ихъ склонамъ постройки, такъ какъ, благодаря этой крутизнѣ, вода во время половодья не представляетъ никакой опасности.

Кромѣ указанныхъ овраговъ по теченію рѣчекъ Потока и Безъимяннаго ручья, внутри городскихъ владѣній, но внѣ самого города существуетъ еще нѣсколько овраговъ. Одинъ изъ нихъ находится на юго-восточной сторонѣ города, на границѣ съ Боголюбовской слободой. Оврагъ этотъ даетъ мѣсто ручью, носящему названіе Варгина. То мѣсто, гдѣ этотъ ручей впадаетъ въ Уводь, носитъ названіе Сластихи. Вообще, по нижнему теченію Варгины и вдоль праваго крутаго берега Уводи, ниже устья Варгины, пробивается масса ключей съ превосходной водой, которая могла бы съ успѣхомъ замѣнить большинство нынѣшнихъ колодезей, если бы ее провести въ

городъ. На сѣверной окраинѣ городскихъ владѣній находится Опрянинъ или Пранинъ оврагъ, съ названіемъ котораго связано преданіе о знаменитомъ разбойникѣ, бывшемъ когда-то грозой здѣшнихъ мѣстъ, но отъ времени потерявшемъ всякій историческій обликъ. Въ Опряниномъ оврагѣ беретъ начало и протекаетъ по нему маленькая рѣчка Ледянка. Течетъ она по направленію оврага съ сѣверо-запада на юго-востокъ и впадаетъ въ рѣчку Талку. Талка проходитъ по широкой ложбинѣ, которая тянется съ сѣвера на югъ, раздѣляетъ часть городскихъ владѣній по обѣ стороны Шуйско-Ивановской желѣзной дороги, гдѣ, для болѣе удобнаго устройства каменной трубы въ громадной насыпи полотна желѣзной дороги, пришлось измѣнить прихотливо извивающееся русло Талки на однообразную прямую линію. Талка впадаетъ въ Уводь съ лѣвой стороны у фабрикъ гг. Гарелиныхъ.

Чтобы покончить съ водоснабженіемъ Иваново-Вознесенска, упомянемъ еще о прудахъ, не имѣющихъ возможности служить водой для обывательскаго употребленія въ видѣ питья, но доставляющихъ помощь во время пожаровъ и водопой для стада. Всѣ пруды не велики и ихъ не много—шесть прудовъ. Первый прудъ въ Вознесенской части города, на городской торговой площади, подъ горой, у фабрики И. Н. Гарелина, длиною 15, шириною 11 саженъ, глубина аршина 3; второй близъ Шиповскаго механическаго завода, на выгонной землѣ, въ отлогомъ оврагѣ пустоши Минѣевой, длиною 25, шириною 18 саженъ, глубина аршина 2; третій—въ Ивановской части города, на углу Часовенной и Краснопрудской улицъ, на площадкѣ; длиною этотъ прудъ 29, шириною 28 саженъ, замѣчательной глубины; весной изъ него образуется, на нѣсколько дней ручеекъ, который течетъ въ Потокъ; прудъ существуетъ очень давно, по крайней мѣрѣ на планѣ села Иванова 1814 года онъ уже обозначенъ и тогда уже отъ него улица получила названіе Краснопрудской; четвертый прудъ

въ Дмитровской слободѣ на землѣ наслѣдниковъ А. Ѳ. Зубкова, длина и ширина 10 саженъ, глубина 2 аршина; пятый—близъ большой Ярославской дороги, на равнинѣ, на границѣ собственно городской и выгонной земли, а шестой—въ пустошѣ Березовикъ, лежащей отдѣльно отъ прочихъ городскихъ владѣній; прудъ этотъ 20 саженъ длины, 7 ширины и аршина 2 глубины, представляетъ въ настоящее время единственный остатокъ существовавшей здѣсь въ концѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія слободы купца Бѣлова.

Назадъ тому болѣе 50 лѣтъ Иваново-Вознесенскъ стоялъ, будучи еще селомъ, окруженный со всѣхъ сторонъ дремучими лѣсами. Теперь отъ этихъ лѣсовъ уцѣлѣли самые жалкіе остатки. Правда, и въ доброе старое время лѣса поражали своимъ однообразіемъ, но это было могучее однообразіе, и если шелъ, напр., сосновый лѣсъ, то сосны были такія, что не охватить ихъ одному. Были и смѣшанные лѣса—ель, сосна, береза, встрѣчалась изрѣдка осина, отдѣльными деревьями черемуха; на лощинахъ, на не высокихъ мѣстахъ, въ изобиліи гнѣздился малинникъ, доставляя лакомство могучему обитателю чащи—медвѣдю; попадались кусты смородины, не говоря уже о лѣсныхъ мелкихъ ягодныхъ растеніяхъ. Въ такомъ привольѣ жили здѣсь въ большомъ количествѣ, кромѣ медвѣдя и волка, лисицы, куницы, норки, барсуки, которыхъ теперь отыскать больше, чѣмъ трудно. Водилась во множествѣ и птица, доставляя вмѣстѣ съ звѣремъ возможность во всякое время года охотиться любителямъ. Въ рѣкѣ водилась всевозможныхъ сортовъ рыба—попадались лещи, щуки, язи, окуни, ерши, лини; мелкой рыбы было множество, такъ что ее ловили рѣшетами. По обилію раковъ Уводь спорила съ Нерлью. Но вотъ появляются въ Ивановѣ фабрики. Топлива сначала выходитъ не особенно много, такъ какъ о паровыхъ машинахъ еще не знали. Но въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно послѣ 1812 года, фабричное дѣло получило здѣсь необыкновенное

развитіе и началось вмѣстѣ съ тѣмъ истребленіе лѣсовъ, а кстати и переселеніе звѣрей и птицъ, находящихъ неудобство въ совмѣстной съ человѣкомъ жизни. О медвѣдяхъ что-то уже со всѣмъ не слышно въ здѣшнихъ краяхъ; изъ другихъ звѣрей остались одни волки, дающіе знать о себѣ по зимамъ, зайцы и бѣлки, ежи и нѣкоторыя мелкія животныя; изрѣдка попадаются лоси, забѣгающіе сюда изъ дальнихъ мѣстностей; о тетеревахъ тоже почти ничего не слышно, хотя прежде охота на нихъ съ чучелами и на току принадлежала къ одной изъ интереснѣйшихъ для охотниковъ. Изъ птицъ остались у насъ воробьи, галки, вороны, которые всѣ принадлежатъ къ городскимъ птицамъ; ястреба, коршуны, сороки, которые тоже не любятъ особенно далеко уходить отъ человѣческаго жилья, въ надеждѣ на лакомую добычу; дикіе голуби и мелкія лѣсныя птицы. Въ рѣкѣ ближе, чѣмъ за четыре версты вверхъ по теченію и за пять верстъ ниже о порядочной рыбѣ и думать нечего. Вода въ рѣкѣ въ самомъ городѣ совершенно испорчена фабричными отбросами и если попадаетъ сюда во время полой воды рыба, то она лѣтомъ вымираетъ или старается выбраться куда-нибудь въ чистую воду. Посмотримъ на тѣ измѣненія въ явленіяхъ мѣстной природы, какія произошли послѣ истребленія крупныхъ лѣсовъ и тѣ климатическія условія, при которыхъ совершается здѣшняя жизнь.

Въ то время, какъ существовали громадные лѣса вокругъ Иванова, влага, задерживаемая ими, образовала топи и болота, остатки которыхъ и теперь еще находятся въ окрестностяхъ Иваново-Вознесенска. Болотныя испаренія содѣйствовали появленію болѣзней, особенно лихорадокъ, отъ которыхъ сильно страдалъ народъ; падежи скота являлись неизбѣжно повторяющимся несчастьемъ черезъ каждые два-три года, а иногда и ежегодно. Проѣздъ изъ Иванова чрезвычайно затруднялся топями, изъ которыхъ одна, на 6-й верстѣ по

дорогѣ въ село Пупки, такъ называемая Положаки, просыхала немного только въ самые знойные годы. Съ уменьшеніемъ лѣсовъ площадь болотъ значительно сократилась; болѣзни и падежи встрѣчаются несравненно рѣже; вѣтеръ свободно разноситъ болотныя испаренія и содѣйствуетъ высыханію болотъ. Въ настоящее время жизнь мѣстной природы идетъ при установившихся климатическихъ условіяхъ, которыя позволяютъ намъ выдѣлить описываемую мѣстность изъ ряда другихъ, окружающихъ ее на двѣ-три сотни верстъ, и причислить ее къ разряду обладающихъ смѣшаннымъ климатомъ.

Иваново-Вознесенскъ лежитъ на граничной межѣ между сѣверной и средней полосой. Волга, находящаяся отъ Иваново-Вознесенска на разстояніи 60 верстъ, является границей между сѣверной полосой и переходной отъ средней къ сѣверной. Выше Волги не растетъ уже пшеница, огурцы, салатъ, вишни, кленъ и нѣкоторыя корнеплодныя растенія. По своему растительному царству городъ съ окрестностями можетъ быть отнесенъ скорѣе къ сѣверной, чѣмъ къ средней полосѣ. Преобладающими лѣсными породами являются хвойныя: суковатая ель, мелкая сосна, затѣмъ можжевельникъ, береза, недостигающая крупныхъ размѣровъ; полевые цвѣты, не имѣющіе той яркой окраски, какая свойственна имъ въ южной и даже средней полосѣ, и преобладаніе желтыхъ цвѣтовъ—вотъ характерныя особенности здѣшняго края. Утренніе заморозки, заходящіе иногда за половину мая и начинающіеся съ половины августа, тоже признакъ сѣверной холодной полосы. Перечисленіе главныхъ лѣсныхъ породъ подтверждаетъ это мнѣніе. Кромѣ перечисленныхъ лѣсныхъ породъ встрѣчаются еще дико растущія калина, рябина и черемуха; изъ ягодныхъ растеній, водящихся въ изобиліи въ лѣсахъ, извѣстны земляника, черника, гонобобель, брусника, малина и смородина; изъ лѣсныхъ цвѣтовъ ландыши и дикая лилія. Такимъ образомъ преобладающими являются или быстро

поспѣвающія ягоды, или способныя выдерживать утренники, которые, какъ было выше замѣчено, начинаются рано. На поляхъ воздѣлывается рожь, пшеница, ячмень, овесъ, ленъ, греча и картофель; первое мѣсто между ними занимаетъ рожь, затѣмъ идетъ овесъ и уже въ незначительномъ размѣрѣ остальныя. Полевые цвѣты не отличаются ни разнообразіемъ красокъ, ни богатствомъ видовъ. Наиболѣе встрѣчаются: полынь, чертополохъ, репейникъ, подорожникъ, дрема, щавели разныхъ сортовъ, колокольчики фіолетовые и блѣднорозовые, незабудки, ромашка, буковица, звѣробой, мята, крапива и другіе. Словомъ, все, что можно встрѣтить чуть не въ любой полосѣ нашего необъятнаго отечества. Въ садахъ и огородахъ, при помощи искусственной культуры, водятся сирень, акація, серебристый тополь, цвѣты, требующіе тщательнаго ухода, и изъ плодовыхъ деревьевъ яблоня, рябина, вишня, растущая только въ мѣстахъ, закрытыхъ отъ холодныхъ вѣтровъ. Прослѣдимъ картину ежегодной жизни здѣшней природы, которая представляетъ много интереснаго и позволяетъ намъ выяснить, почему мы считаемъ Иваново-Вознесенскъ съ его окрестностями выдающимся изъ ряда вонъ сравнительно съ окружающими его со всѣхъ сторонъ мѣстностями.

Отъ вѣтра зависитъ климатъ—вотъ выраженіе, которое цѣликомъ можно примѣнить къ Иваново-Вознесенску. Въ воздухѣ существуетъ два главныхъ теченія: полярное—изъ холодныхъ странъ въ теплыя, и тропическое въ обратную сторону. Постоянныя колебанія, борьба этихъ теченій, производятъ различные вѣтры. Тропическое теченіе воздуха съ юга и запада къ полюсу отличается большимъ изобиліемъ влажности, что въ зимнее время производитъ повышеніе температуры, а въ лѣтнее время пониженіе. Полярное теченіе, направляясь съ сѣверныхъ морей, большую часть года покрытыхъ льдами, или съ восточнаго материка, необладающаго возможностью дать много влаги, отличается сухостью и

производитъ зимой сильное пониженіе температуры вмѣстѣ съ ясностью неба; а лѣтомъ страшныя жары. По наблюденіямъ надъ вѣтрами въ теченіи тридцати слишкомъ лѣтъ оказывается, что зимой главнымъ образомъ дуютъ тропическіе вѣтры, поддерживая зимнюю температуру на высотѣ —8°, лѣтомъ же полярные, повышая эту температуру иногда до +35°. На сколько можно судить по наблюденіямъ, главнымъ вѣтромъ въ здѣшней мѣстности является западный, который и измѣняется последовательно въ другіе вѣтры, смотря потому, какое беретъ перевѣсъ теченіе, холодное или теплое. Большую помощь вѣтрамъ доставляютъ хотя и мелкіе лѣса, окружающіе городъ, задерживая холодные вѣтры и умѣряя лѣтній зной влагой, которая скопляется, благодаря имъ.

Послѣ весенняго равноденствія, передъ которымъ дули полярные вѣтры, принесшіе съ собой Срѣтенскіе и Афанасьевскіе морозы, начинаются съ половины марта тропическіе вѣтры, теплое теченіе, принесенное изъ странъ, близкихъ къ жаркому поясу. Солнце дѣйствуетъ своими лучами на землю болѣе продолжительное время, и лучи падаютъ болѣе вертикально. Таяніе снѣга идетъ быстро и въ первыхъ числахъ апрѣля рѣка уже выходитъ изъ береговъ. Бываетъ и болѣе раннее вскрытіе и разливъ рѣки, какъ было, напр. въ 1854 г. (26 марта) или въ 1882 году (14 марта), но это бываетъ рѣдко, нормальнымъ числомъ для вскрытія рѣки нужно считать 8 апрѣля. При первыхъ признакахъ перемѣны вѣтра съ холоднаго на теплый, начинается пролетъ и прилетъ птицъ. Пролетаютъ первыми на дальній сѣверъ лебеди; вслѣдъ за ними являются грачи, принося на хвостѣ желанное тепло. Грачи рѣдко являются въ тотъ день, когда чуть не на всей Руси простой народъ печетъ изъ тѣста грачей и который святому, память котораго чествуется въ этотъ день, далъ названіе Грачевника въ простонародномъ календарѣ. Большею частью грачи являются въ двадцатыхъ числахъ марта. Вмѣстѣ

съ тропическими вѣтрами начинаются дожди, рѣки выходятъ изъ береговъ, земля оттаиваетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ массы поднимающихся испареній происходитъ пониженіе температуры и возникаетъ борьба между полярнымъ и тропическими теченіями. Борьба продолжается отъ 7 до 10 дней, потому что переходъ отъ тропическихъ къ полярнымъ вѣтрамъ совершается не вдругъ—посредникомъ является западный вѣтеръ. Небольшія рѣки обыкновенно бываютъ въ разливѣ отъ 7 до 10 дней, именно тотъ періодъ, въ который происходитъ борьба между воздушными теченіями, которая собственно имъ и опредѣляется. Между тѣмъ малыя рѣки уже вошли въ берега, большія въ полномъ разливѣ; на сѣверѣ Россіи вскрываются озера и болота, пониженіе температуры увеличивается еще больше, апрѣльское солнце не можетъ своими лучами содѣйствовать пополненію теплоты, полярное теченіе беретъ верхъ надъ тропическимъ и начинаются апрѣльскіе холода и заморозки. Это продолжается иногда до конца апрѣля. Въ концѣ апрѣля рѣки уже входятъ въ берега, земля просыхаетъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей и сухихъ вѣтровъ, нижніе слои воздуха нагрѣваются и происходитъ опять поворотъ тропическихъ вѣтровъ. Но это продолжается очень не долго. Въ апрѣлѣ на югѣ начинаютъ поднимать землю подъ яровое, въ здѣшнихъ краяхъ начинаются огородныя работы—заготовленіе земли подъ картофель и другія огородныя растенія,—опять поднимаются испаренія и, охлаждая воздухъ, даютъ перевѣсъ полярнымъ вѣтрамъ, которые и господствуютъ нерѣдко въ теченіи всего мая и даже половины іюня, подкрѣпляемые еще тѣмъ, что Бѣлое море вскрывается въ это время. Холода бываютъ такъ сильны, что растенія, иногда въ полномъ цвѣту, лишаются не только цвѣту, но и листьевъ, какъ это было, наприм. въ 1881 году (морозъ былъ 14 и 15 мая и побилъ зелень и цвѣтъ). Іюль мѣсяцъ, а также послѣднія числа іюня, пользуются сравнительнымъ безвѣтріемъ. Въ августѣ

мѣсяцѣ усиливаются полярные вѣтры, но не на долго—опять происходитъ борьба между полярнымъ и тропическимъ теченіями и тропическіе вѣтры берутъ перевѣсъ. Вообще нужно сказать, что въ переходное отъ лѣта къ зимѣ время воздушныя теченія такъ непостоянны, измѣнчивы, что сказать что нибудь опредѣленное о нихъ не возможно. Въ зимніе мѣсяцы господствующими вѣтрами являются тропическіе, и это ставитъ Иваново-Вознесенскъ въ исключительное положеніе передъ другими континентальными мѣстностями: зимы здѣсь не отличаются своею суровостью и если бываютъ порядочные морозы, то никогда не бываютъ продолжительны, а обыкновенно температура колеблется между 5^0 и 8^0 R.

Наблюденія надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ рѣки, прилетомъ и отлетомъ птицъ, послѣдовательнымъ ростомъ и отживаніемъ растеній и ходомъ полевыхъ работъ, не имѣетъ, къ сожалѣнію, постоянной ежегодной связи между собою, но позволяютъ все-таки составить такую картину круглаго года, въ которой мѣняются только нѣкоторыя отдѣльныя части, но которая въ цѣломъ болѣе или менѣе однообразна.

Вскрытіе рѣки начинаетъ собою годъ. Къ этому событію привязываются уже въ длинной послѣдовательной нити всѣ остальныя годовыя событія, всѣ времена года съ ихъ работами и отдыхомъ, съ расцвѣтаніемъ и увяданіемъ природы. Съ 1844 года наблюденія надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ рѣки и прилетомъ и отлетомъ птицъ производилъ изъ чистой любознательности покойный священникъ Покровской церкви села Иванова (потомъ собора въ Иваново-Вознесенскѣ) о. М. Георгіевскій. По его наблюденіямъ, рѣка вскрывается обыкновенно около 8 апрѣля; раньше этого времени были вскрытія въ 1883 году (30 марта), въ 1854 году (26 марта), въ 1858 году (21 марта) и въ 1882 году (14 марта). Раннее вскрытіе ведетъ обыкновенно за собой утренніе заморозки, доходящіе даже до 30 мая, какъ это было въ 1857 году—

въ этомъ году зелень на деревьяхъ почти вся погибла отъ утреннихъ морозовъ при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, продолжавшемся около недѣли. Ранній разливъ рѣки влечетъ иногда вторичный разливъ отъ продолжительныхъ сильныхъ дождей, какъ это было въ 1854 и 1882 годахъ. Вода рѣдко поднимается выше трехъ аршинъ и дней черезъ 7—10 входитъ въ берега. Въ 1880 году рѣка въ разливѣ была двѣ слишкомъ недѣли, а въ 1883 году—одинъ только день. Самымъ позднимъ днемъ вскрытія рѣки является 26 апрѣля 1852 года.

Послѣ грачей, первыхъ вѣстниковъ весны, являются жаворонки и скворцы, которые прилетаютъ около 25 марта, а иногда и въ первыхъ числахъ апрѣля. Затѣмъ начинается вполнѣ весеннее переселеніе птицъ съ юга на сѣверъ—являются утки и гуси, на поляхъ и лугахъ показываются чибисы; прилетаютъ рыбаки—чайки, которые кружатся надъ рѣкой и озерами, зорко высматривая себѣ добычу; по лугамъ и болотамъ важно шагаютъ журавли; въ лѣсахъ и болотистыхъ мѣстностяхъ размѣщаются на лѣтнее житье породы куликовъ: вальдшнепы, кроншнепы, дупеля и бекасы. Рѣка входитъ между тѣмъ въ берега; появляются по немногу и другія птицы, преимущественно изъ мелкихъ. Снѣгъ почти уже стаялъ и уже въ садахъ и огородахъ показывается первая зелень—одуванчики, клубника, ночная фіалка, крапива, репейникъ; сквозь сухіе стебли прошлогодней травы пробивается молодая зелень, на которой съ удовольствіемъ отдыхаютъ глаза, насмотрѣвшіеся на однообразный до утомительности снѣжный покровъ. Въ лѣсахъ тоже идетъ оживленная дѣятельность. Цвѣтутъ—прострѣльникъ, зяблица, мать-мачиха. Въ рѣкѣ и озерахъ, по вскрытіи воды, рыба начинаетъ метать икру, при чемъ, по замѣчанію охотниковъ, въ закрытыхъ мѣстахъ метаніе икры производится позднѣе, въ открытыхъ раньше. Термометръ показываетъ постоянное усиленіе тепла

подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей и теплыхъ вѣтровъ; на деревьяхъ разбиваются почки, а проростаніе травъ бываетъ иногда такъ сильно, что въ концѣ апрѣля цвѣтутъ даже одуванчики, какъ это было въ 1857 году. Послѣ Егорьева дня (23 апрѣля) выгоняютъ въ поле коровъ, хотя въ большинствѣ случаевъ пищи для нихъ тамъ почти совсѣмъ еще нѣтъ. Въ это время начинается борьба между полярнымъ и тропическимъ вѣтромъ, оканчивающаяся побѣдою на сторонѣ перваго и дѣятельность природы пріостанавливается. Въ 1857 г. въ маѣ были такіе холода, что погибъ не только цвѣтъ на деревьяхъ, но и листъ. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра—майскіе холода, не всегда дѣйствуя особенно гибельно на растительность, уничтожаютъ вредныхъ насѣкомыхъ, которыя приносятъ столько ущерба, подтачивая корень и съѣдая листья хлѣбныхъ и другихъ полезныхъ для человѣка растеній.

Въ концѣ апрѣля или началѣ мая обыкновенно тропическіе вѣтры берутъ опять верхъ, хотя и не на долго. Пользуясь этимъ возвратомъ къ теплу, сажаютъ корнеплодныя растенія—свеклу, морковь, рѣдьку, лукъ, рѣпу, которыя не особенно боятся холодовъ. Да холода эти и не бываютъ особенно продолжительны. Со второй половины мая начинается обыкновенно настоящее тепло—появляются насѣкомыя, прилетаютъ ласточки; липы и акаціи покрываются листьями; цвѣтутъ вишни, яблони, черемуха и кленъ начинаетъ разбивать почку; по вечерамъ летаетъ множество жуковъ, появленіемъ которыхъ опредѣляется у крестьянъ время посѣва овса и ячменя. Въ лѣсахъ жизнь въ полномъ разгарѣ: слышно пѣніе соловья, малиновокъ, иволги, однообразная пѣсня кукушки; на поляхъ сѣется горохъ, пшеница, овесъ и ячмень; въ огородахъ садятъ огурцы, капусту; въ садахъ, во время цвѣтенія акаціи и послѣ разбивки листьевъ клена (въ 20 числахъ мая—это особенно тщательно наблюдаютъ садоводы), высаживаютъ въ грунтъ георгины, левкои и пр. Обработка

яровыхъ полей завершается посѣвомъ льна и гречи, безъ опасенія утреннихъ заморозковъ, которые въ первыхъ числахъ іюня бываютъ очень рѣдки. Луга пестрѣютъ цвѣтами, озимые хлѣба тянутся въ дудку, затѣмъ показываются изъ земли яровые хлѣба и въ лугахъ и поляхъ появляются перепела и карастели. Въ это время уже не особенно страшны полярные вѣтры, потому что, пробѣгая по пространству, гдѣ весна въ полномъ разгарѣ, они теряютъ свой холодъ и являются съ совершенно другимъ характеромъ; страшны они развѣ въ томъ отношеніи, что разгоняя облака производятъ засуху, но къ счастью подобные случаи довольно рѣдки, во первыхъ потому, что окрестности Иваново-Вознесенска изобилуютъ болотами и потому испареній и влаги бываетъ такъ много, что никакіе полярные вѣтры не въ состояніи разогнать дождь; а во вторыхъ потому, что въ это время устанавливается повсюду въ природѣ равновѣсіе и вѣтры дуютъ самые слабые.

Іюнь мѣсяцъ является здѣсь мѣсяцемъ цвѣтовъ. Въ садахъ деревья въ полномъ цвѣту; въ лѣсу цвѣтутъ ландыши, земляника, черника, клубника. Воздухъ самый благотворный, термометръ, даже ночью, рѣдко опускается ниже 13^0. Въ рѣкѣ вода нагрѣвается до 20^0 и съ утра до вечера наполнена купающимися. Въ поляхъ пестрота—цвѣтутъ незабудки, колокольчики, анютины глазки, васильки; рожь начинаетъ колоситься и черезъ недѣлю послѣ этого цвѣтетъ (временное пониженіе температуры—рожь цвѣтетъ, говорятъ въ простонародьи), ячмень вытягивается въ трубку; къ концу мѣсяца трава въ полномъ соку и около Петрова дня до Казанской (между 29 іюня и 8 іюля) ее обыкновенно косятъ. Этотъ мѣсяцъ представляетъ здѣсь лучшее время года—жары еще не начинались, дышется легко, сердце радуется при видѣ дѣятельности природы, но періодъ этотъ продолжается всего съ мѣсяцъ и наступаетъ іюль съ его жарами, заставляющими прятаться глубже внутри комнатъ и не позволяющими даже

вечеромъ подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ воздухъ, раскаленный дневнымъ зноемъ, успѣваетъ нѣсколько остыть къ утру, чтобы днемъ опять накалиться до невозможности.

Іюль мѣсяцъ—мѣсяцъ созрѣванія ягодъ. Въ лѣсу созрѣваетъ земляника, черника, красная и черная смородина, а къ концу мѣсяца гонобобель, костяника и морошка. Въ половинѣ мѣсяца вызрѣваетъ рожъ и уборка ея начинается около 20 числа. Мѣсяцъ августъ въ первой своей половинѣ является продолженіемъ іюля. Къ 1-му числу созрѣваетъ ячмень, затѣмъ овесъ, а около Успенья (15 числа) ленъ и греча; въ садахъ созрѣваютъ яблоки, рябина, въ лѣсахъ брусника. Начинается посѣвъ озимаго хлѣба. Лучшимъ временемъ для этого считается промежутокъ между вторымъ и третьемъ Спасомъ (между 6 и 16 числами). Къ концу августа поспѣваетъ калина и клюква и показываются первые признаки осени: листъ на деревьяхъ желтѣетъ и опадаетъ. Иногда въ концѣ августа бываютъ уже порядочные морозы, какъ въ 1881 году (27 августа) и въ 1882 году (31 августа). Осень начинаетъ мало по малу вступать въ свои права. Съ запада тянутся сѣрыя тучи, опускаясь густыми массами до нижнихъ словъ атмосферы—это періодъ перехода отъ тропическихъ къ полярнымъ вѣтрамъ. Мелкія птицы улетаютъ въ теплыя страны—отправляются ласточки, за ними скворцы и жаворонки вслѣдъ за уборкою хлѣба, а затѣмъ всѣ породы куликовъ.

Сентябрь мѣсяцъ—время отлета птицъ и окончательнаго прекращенія дѣятельности растительнаго царства. Послѣ осенняго равноденствія (12 сентября) отправляются гуси, утки, журавли, потому что съ 11 числа „всякому лѣту аминь“. Грачей тоже не видать. Деревья теряютъ послѣдній листъ, а въ послѣднихъ числахъ сентября термометръ понижается до 0^0 и ниже—запасайся, значитъ, зимнимъ платьемъ. Нѣкоторые годы выдаются тѣмъ, что сентябрь сильно напоминаетъ о наступающей зимѣ. Въ 1881 году густой снѣгъ

покрылъ землю 10 сентября и пролежалъ девять дней. Въ 1882 г. снѣгъ покрылъ землю 27 сентября, а въ 1883 году, выдающимся вообще по своимъ рѣзкимъ атмосферическимъ явленіямъ, снѣгъ выпалъ 13 сентября и пролежалъ два дня (снѣгъ покрылъ землю на четверть).

Наступаетъ непостоянный октябрь, быстрая смѣна морозовъ и оттепелей, снѣга и дождя, когда опредѣленнаго направленія вѣтровъ никакъ невозможно указать. Иногда со второй половины октября выпадаетъ сильный снѣгъ и устанавливается санный путь, какъ это было въ 1852 году, но ноябрьскіе оттепели и дожди снова портятъ дорогу. Санный путь окончательно устанавливается въ послѣднихъ числахъ ноября, а иногда и въ первыхъ числахъ декабря. Первая половина ноября—продолженіе октябрской неурядицы—непостоянная погода, слякоть, порча дороги. Вотъ характерные признаки этихъ двухъ мѣсяцевъ. Во второй половинѣ ноября зима беретъ уже свои права—рѣка покрывается льдомъ, большею частью устанавливается санный путь. Погода дѣлается болѣе постоянною и начинается господство тропическихъ вѣтровъ, непозволяющихъ термометру опускаться ниже -10^0. Послѣ половины декабря полярные вѣтры берутъ верхъ и приносятъ рождественскіе и крещенскіе морозы. Затѣмъ опять дѣлается болѣе или менѣе постоянная температура (колебанія между -5^0 и -9^0) до самыхъ срѣтенскихъ и афанасьевскихъ морозовъ. Это послѣдніе зимніе морозы, а затѣмъ въ теченіи февраля господствуютъ тропическіе вѣтры и связанныя съ ними оттепели. Мартъ мѣсяцъ относится къ переходнымъ отъ зимы къ лѣту и отличается непостояннымъ колебаніемъ ртути отъ $-3^1/_2{}^0$ до -18^0.

Такъ проходитъ годъ и затѣмъ повторяется опять таже картина съ небольшими измѣненіями. Здѣсь нѣтъ весны и осени, какія привыкли видѣть въ южной и средней полосахъ,—есть здѣсь лѣто и зима, продолжающіеся почти по

четыре мѣсяца, и переходныя времена отъ лѣта къ зимѣ и отъ зимы къ лѣту. Эти переходныя времена отличаются непостоянствомъ погоды и рѣзкими переходами отъ тепла къ холоду и на оборотъ. Такое непостоянство вредно отзывается на здоровьѣ людей и иногда бываетъ гибельно для растенiй, но оно чрезвычайно характерно для здѣшней мѣстности.

Въ заключенiе остается сказать объ облакахъ и дождяхъ, появляющихся вмѣстѣ съ тѣмъ или другимъ направленiемъ вѣтра. Тропическiе вѣтры всегда приносятъ съ собою тучи, пасмурную погоду и продолжительные дожди; полярные, на оборотъ, проясняютъ небо и дѣлаютъ воздухъ сухимъ и прозрачнымъ. Южные вѣтры съ проливными дождями и грозовыми тучами появляются сравнительно рѣдко; западные вѣтры постоянно приносятъ съ собою тихiе теплые дожди лѣтомъ и изморозь и мокрый снѣгъ зимою, такъ какъ, во время движенiя своего съ береговъ Атлантическаго океана, тучи, встрѣчая на пути высокiя горы и большiе лѣса, являются къ намъ съ значительно облегченной тяжестью и разрѣшаются, какъ сказано выше, тихимъ дождемъ. Опустошительныхъ и разрушительныхъ бурь здѣсь почти не бываетъ, по крайней мѣрѣ онѣ случаются, можетъ быть, одинъ разъ въ пятьдесятъ лѣтъ. Въ iюлѣ мѣсяцѣ на другой или третiй день послѣ сильныхъ дождей съ громомъ, бывающихъ послѣ продолжительной засухи, выпадаютъ не рѣдко, при слабыхъ южномъ, юго-восточномъ или юго-западномъ вѣтрахъ, тихiе теплые дожди, образовавшiеся изъ мѣстныхъ испаренiй, что доказываютъ небольшiя облака, кружащiяся надъ мѣстностью и закрывающiя не болѣе половины видимаго горизонта и то не на продолжительное время. Вообще среднимъ числомъ насчитывается здѣсь 124 дня въ году такихъ, когда выпадаетъ влага въ томъ или другомъ видѣ, т. е. въ видѣ дождя или снѣга и града. О влiянiи вѣтровъ

на температуру намъ приходилось уже говорить, а потому считаемъ вопросъ о климатическихъ условіяхъ здѣшней мѣстности достаточно исчерпаннымъ.

Глава II.

Ивановцы до реформы 1861 года.

Вступленіе. Языкъ. Дореформенный Ивановецъ въ праздники. Дореформенный Ивановецъ въ обыденной жизни. Повѣрья, обычаи и обряды, въ особенности свадебные обряды. Сборникъ повѣрій въ селѣ Ивановѣ.

На сколько своеобразна природа мѣстности, гдѣ расположенъ Иваново-Вознесенскъ съ своими окрестностями, на столько же своеобразенъ и народъ, населившій эту мѣстность. Откуда явились первые поселенцы и почему выбрано было ими такое глухое мѣсто, неизвѣстно,—но именно потому, что мѣсто выбрано было очень глухое, надо думать, что поселеніе было вынужденное. Нужно припомнить эпоху двухъ Ивановъ III и IV, личности которыхъ въ народномъ представленіи слились въ одного Ивана Грознаго, вспомнить упорную борьбу перваго съ Великимъ Новгородомъ и разселеніе обоими государями чуть не всего Новгородскаго люда по различнымъ областямъ тогдашней Руси, при чемъ особенно много Новгородцевъ отправлено было въ Суздальскую область, въ составъ которой входилъ и теперешній Шуйскій уѣздъ,—нужно припомнить все это, и намъ возможно будетъ объяснить, какимъ образомъ засѣлъ здѣсь дѣятельный, энергичный народъ, вызвавшій такую кипучую жизнь, которая поставила село Иваново въ ряды первыхъ по мануфактурной промышленности,—народъ, стянувшій къ себѣ все, что было трудолюбиваго въ окрестностяхъ и уступившій этому пришлому люду, натекамъ, свое мѣсто послѣ того, какъ кончилась его

миссіонерская задача. Преданія о первыхъ жителяхъ села Иванова гласятъ двояко—одни говорятъ, что это были переселенцы изъ Новгорода, другіе выводили ихъ изъ Галича (нынѣ уѣздный городъ Костромской губерніи). Оба они не противорѣчатъ другъ другу, такъ какъ весь сѣверъ тогдашней Россіи отъ Бѣлаго моря по самую Волгу былъ занятъ Новгородцами, плотно засѣвшими по теченію большихъ рѣкъ, какъ Волга, Сѣверная Двина и другія. Отсюда уже расходились въ разныя стороны и забирали всѣ удобныя мѣста, „во славу Бога и Великаго Новгорода", и отсюда же ихъ вытѣсняла „московская кривда." До насъ дошли два чрезвычайно важныхъ акта, изъ которыхъ видно, что поселенцы села Иванова въ XVII уже столѣтіи являлись тѣми же самыми Новгородцами, какими прослыли жители Великаго Новгорода, то есть безпокойными, горячими людьми, всюду разъѣзжавшими, чтобы нажить торговлей копѣйку, и ловкостью своею въ торговыхъ дѣлахъ рѣшительно забивавшими мѣстныхъ обывателей. Первый актъ, уже въ XVII вѣкѣ выставляющій Ивановцевъ „розбойными людьми" есть прошеніе жителей города Шуи отъ 1644 года тогдашнему владѣльцу села Иванова князю Якову Куденетовичу Черкасскому на жителя села Иванова Черкашенинова „съ товарищи." Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Въ 1643 году на армарку Николы-Шахмы собрался 9 мая народъ, въ томъ числѣ Шуяне и Ивановцы, такъ какъ въ томъ и другомъ мѣстѣ народъ былъ промышленный и торговый. Во время ярмарки Шуяне и Ивановцы поспорили; одинъ изъ Ивановцевъ „посацкой человѣкъ" Безсчастный Черкашениновъ созвалъ товарищей, напалъ съ ними на Шуянъ и двоихъ изъ нихъ прибилъ до полусмерти. Шуяне подали жалобу. Что было вслѣдствіе этой жалобы, неизвѣстно, но только Безсчастный затаилъ на Шуянъ злобу и дождавшись Борисоглѣбской ярмарки (24 іюля) въ Шуѣ, на слѣдующій годъ, собралъ около себя „человѣкъ ста два" и въ самый разгаръ

ярмарки явился въ Шую. Переполохъ вышелъ страшный — кто успѣлъ, затворился въ домъ, кто заперся въ лавочкѣ, улицы опустѣли и по нимъ расхаживала на просторѣ толпа подъ предводительствомъ Черкашенинова, вооруженная самымъ разнокалибернымъ оружіемъ, начиная съ кола и кончая саблей, которой грозно размахивалъ самъ Черкашениновъ, сидя на конѣ во главѣ своей шайки и грозясь разнести весь городъ. Толпа бушевала два дня, наконецъ это ей надоѣло и она убралась восвояси. Выдержавши двухдневное осадное положеніе, Шуяне подали князю Черкасскому просьбу о томъ, чтобы онъ смиловался надъ ними, наказалъ бы своего человѣка за безчинство и заступился за нихъ *). Кому бы могла придти въ голову такая грандіозная мысль, выдержать въ осадѣ цѣлый городъ съ порядочнымъ уже и въ то время населеніемъ, да еще во время ярмарки, когда множество пришлаго люда,—кому какъ не тѣмъ, которые, собравшись въ большомъ количествѣ, овладѣвали цѣлыми областями, исключительно слѣдуя поговоркѣ: „храбрость города беретъ“. Такъ и хочется сказать, что это эпизодъ изъ цѣлой серіи разсказовъ объ удальствѣ Новгородской вольницы. И надо полагать, что это не первый случай, что Черкашениновъ былъ уже извѣстенъ за отчаяннаго человѣка, потому что вся масса народа, собравшагося на ярмарку, не оказала ему никакого отпора, а поскорѣе заперлась и высидѣла взаперти два дня.

Это фактъ, выставляющій Ивановцевъ со стороны „розбойной“ и показывающій, что они ѣздили по ярмаркамъ; и другой, сохранившійся отъ 1666 года, представляетъ намъ Ивановцевъ торговцами, отбивающими у другихъ торговлю. Въ 1666 году тому же князю Я. К. Черкасскому подана была управляющаго Ялагина въ отвѣтъ на грамоту князя о переемныхъ пошлинныхъ деньгахъ, вытребованныхъ тѣми же Шуянами за то, что Ивановцы „по часту въ Шую съ

*) В. А. Борисовъ. Описаніе г. Шуи и окрестностей.

торженцомъ и товаренцомъ волочатся *). Видно, что у Шуянъ дѣла шли не очень хорошо отъ ловкой конкуренціи Ивановцевъ и они не зная, что дѣлать, просили хоть пошлину взыскивать.

Дальнѣйшія свѣдѣнія объ Ивановцахъ такого рода, о которыхъ намъ придется говорить въ исторіи развитія фабричной промышленности или же и совсѣмъ никакихъ свѣдѣній не имѣется, такъ что приходится представить Ивановцевъ нынѣшняго столѣтія и изобразить ихъ бытъ до того момента, когда слишкомъ 20 милліоновъ русскихъ подневольныхъ людей скинули по волѣ Монарха вѣковыя оковы крѣпостничества и вступили въ свободную жизнь. Въ жизни Ивановцевъ въ это время совершился громаднѣйшій переломъ и прежняя жизнь со всѣмъ, что ей принадлежало, съ языкомъ, съ обрядами и обычаями мало по малу уступаетъ мѣсто нововведеніямъ, обусловленнымъ и новымъ положеніемъ и новыми взглядами. Но сохранить все прежнее на память потомству должно составлять нашу прямую обязанность и мы приступаемъ теперь къ этой работѣ. Начнемъ съ языка или, вѣрнѣе сказать, съ говора.

Если бы кому пришлось слышать разговоръ Вологжанина съ Ивановцемъ, не зная, откуда они родомъ, тотъ сказалъ бы, что они урожденцы одной мѣстности,—до такой степени похоже произношеніе и манера говорить въ этихъ двухъ мѣстностяхъ, раздѣленныхъ цѣлой губерніей. Во всей Владимірской губерніи село Иваново было единственнымъ мѣстомъ, гдѣ господствовало вологодское нарѣчіе—въ лежащихъ рядомъ селахъ и деревняхъ говорили уже „по володимерски", и только въ послѣднее время вологодское нарѣчіе вытѣсняется отсюда, уступая мѣсто обще-великорусскому, какимъ замѣняются въ настоящее время всѣ областныя. Главнымъ отличительнымъ признакомъ мѣстнаго нарѣчія является пѣвучесть

*) Idem.

интонаціи и усиленное употребленіе буквы *о*, которая замѣняетъ собою звукъ *а* почти повсюду, гдѣ надъ нимъ нѣтъ ударенія, а также и другіе звуки, главнымъ образомъ въ собственныхъ именахъ, которымъ у насъ на Руси вообще приходится подчиняться въ произношеніи областному говору. Здѣсь, наприм., никогда не скажутъ *Андрей*, *Абрамъ*, *Александръ*, но *Ондрей*, *Обрамъ*, *Олексанъ*, *онисъ* вмѣсто *анисъ*, *Олена*, вмѣсто *Елена*, *полатка* вмѣсто *палатка*. Старательно избѣгаютъ стеченія нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ и выпускаютъ часть ихъ при произношеніи, что впрочемъ замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ, наприм. *Богъ дасъ*, вмѣсто *Богъ дастъ*. Ассимиляція распространена въ высшей степени, *оммanъ* вм. *обманъ*, *овварыться* вм. *обвариться*; буква *е* выговаривается какъ *йо*, напр. *Ёгоръ;* буква *щ* какъ *шш*, *пишшитъ* вм. *пищитъ*. Существительныя, кончающіяся на *знь*, измѣняютъ это окончаніе на *сть*—*жисть* вм. *жизнь*.

Прилагательныя, кончающіяся на *ый*, произносятся на *ой*—*скромной парень;* кончающіяся на *ій*, выговариваются на *ей*—*крайней день*, за исключеніемъ тѣхъ, которыя передъ *ій* имѣютъ *г*, *к* и *х*,—въ этомъ случаѣ *ій* произносится какъ *ой*,—*всякой*, *долгой*. Большая часть прилагательныхъ употребляется съ усѣченнымъ окончаніемъ: *на немъ красна рубаха; идетъ послѣдня недѣля*. Если прилагательное на *ый* употребляется съ усѣченнымъ окончаніемъ и при этомъ происходитъ стеченіе согласныхъ, то между этими согласными вставляется звукъ *е*, который и принимаетъ на себя удареніе: *бодёръ* вмѣсто *бодръ*, *добёръ* вмѣсто *добръ*.

Мѣстоименіе *ты* въ косвенныхъ падежахъ утрачиваетъ при произношеніи букву *б*: *нѣтъ ли у тея дрожжецъ;* точно также и возвратное мѣстоименіе *себя*: *бережетъ про сея*. Въ косвенныхъ падежахъ притяжательныхъ мѣстоименій—*мой*, *твой*, *свой*—пропускается звукъ *е*—*мово*, *твово*, *свово; мому*, *твому*, *свому*.

Глаголы, кончающіеся въ неопредѣленномъ наклоненіи на *чь*, произносятся на *кчи—стерекчи* вм. *стеречь; берекчи* вм. *беречь*. Кончающіеся въ настоящемъ времени на *аю* и *яю* спрягаются слѣдующимъ образомъ:

Единственное число.

1 лицо	*(вѣдаю) вѣду*	*гуляю.*
2 лицо	*вѣдашь*	*гуляшь.*
3 лицо	*вѣдатъ*	*гулятъ.*

Множественное число.

1 лицо	*вѣдамъ*	*гулямъ.*
2 лицо	*вѣдатё*	*гуляитё.*
3 лицо	*вѣдутъ*	*гуляютъ.*

Также спрягается и будуще время совершеннаго вида. Глаголы, кончающіеся въ настоящемъ времени на *гу* и *ку*, спрягаются слѣдующимъ образомъ:

Единственное число.

1 лицо	*бѣгу*	*тку.*
2 лицо	*бѣгошь*	*ткошь.*
3 лицо	*бѣготъ*	*ткотъ.*

Множественное число.

1 лицо	*бѣгомъ*	*ткомъ.*
2 лицо	*бѣжитё* и *бѣгóтё;*	*ткитё* и *ткóтё.*
3 лицо	*бѣгутъ*	*ткутъ.*

Вообще во второмъ лицѣ множественнаго числа глаголы, оканчивающіеся на *ите*, переносятъ удареніе на послѣдній слогъ, при чемъ *е* звучитъ какъ *ё—хотитё, сидитё*. Приводимъ примѣры разговорнаго языка. „*Вѣдашь ли, хто даве приходилъ?—Нѣтут-ко, не вѣду!—Ондрюшка Ильичевъ! — Ну какъ не такъ, што мгошь и сама не вѣдашь, онъ къ Ёгорью*

уѣхалъ намедни!"—Или: *„Што у тея самъ-то* (т, е. мужъ) *подѣлыватъ? Роботатъ ли гдѣ?—Роботатъ, матка, набиватъ у Никонушка, ужъ вотъ сёма недѣля пошла, слава теѣ Господи!"*—Или: *„Помъ-ка* (пойдемъ-ка), *дѣвоха, на рѣку глядѣть, больно шипко вода-те текотъ. Гляко, гляко, мать ты моя, сколько наруду-те бѣгитъ. Эй, дѣвки, постойтё, што больно бѣжитё!"* и т. п.

Вспомогательный глаголъ *быть* въ 3 лицѣ единственнаго числа звучитъ, какъ *есь* и *ести*—*„есь ли у тея робота-те? Ести"*.—Въ глаголахъ страдательныхъ, возвратныхъ, взаимныхъ и общихъ мѣстоименіе *ся* превращается въ *са* и *съ*,—*„стараюса* и *стараюсъ, боюса* и *боюсъ,"* между тѣмъ какъ въ Ярославской губерніи и въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи *ся* выговаривается весьма отчетливо и смягчается въ *сь*, *боюсь*, *садись*.

Въ разговорной рѣчи имена существительныя женскаго рода въ винительномъ падежѣ, зависящемъ отъ дѣйствительнаго глагола, часто имѣютъ форму именительнаго,—*надо изба мести, мука сѣять*. Какъ это напоминаетъ извѣстное раскольничье выраженіе—*душа спасти!* Творительный множественнаго часто имѣетъ форму дательнаго—*нездоровъ ногамъ, беретъ рукамъ*.

Къ мѣстоименіямъ *я, ты* и *себя*, употребленнымъ въ дательномъ падежѣ единственнаго числа, придается частица *ка*, когда эти мѣстоимѣнія составляютъ субъектъ предложенія—*мнѣ-ка хочтся* и т. п. Къ глаголамъ, употребленнымъ въ повелительномъ наклоненіи, для выраженія усиленной просьбы прибавляется частица *се*—*розскажи-се*. Когда предметъ просьбы не такъ интересенъ и просьба обращается къ лицу не равному по положенію, какъ въ первомъ случаѣ, а къ низшему, то прибавляется частица *ка* или, по мѣстному выраженію, *ко*—*„роскажи-ко!"*—Въ глаголахъ страдательныхъ, взаимныхъ, среднихъ и общихъ частица *ко* въ такихъ

случаяхъ занимаетъ мѣсто совсѣмъ вопреки правиламъ,—*посторони-ко-тесь, отдай-ко-тесь.*— Изъ междометій особенно интересны два: *аи* и *ты-то*. Первое употребляется, какъ выраженія удивленія, второе во всевозможныхъ случаяхъ, принимая весьма часто иронический смыслъ.

Вотъ главныя особенности мѣстнаго нарѣчія. Для того, чтобы вполнѣ выяснить всю обособленность Ивановскаго говора, „*съ заводами*," какъ говорятъ здѣсь про такой выговоръ, надо послушать его на мѣстѣ,— на бумагѣ невозможно выразить интонаціи, которая, по правдѣ сказать, особенно рѣзко выдѣляетъ Ивановцевъ изъ всѣхъ жителей Владимірской губерніи.

„Ивановцы безпечальный народъ," такъ выразился о жителяхъ села Иванова намъ извѣстный ученый, академикъ В. П. Безобразовъ. Если посмотрѣть на Ивановцевъ въ праздничные дни, то дѣйствительно безпечальнѣе ихъ трудно было найти.—Проработавши цѣлую недѣлю, народъ въ праздники спѣшилъ погулять и многіе начинали веселье задолго до того момента, когда открываются оффиціально питейные дома, отыскивая въ нихъ лазейки съ задняго крыльца. Послѣ обѣдни все село приходило въ движеніе,—по улицамъ разгуливали разряженныя толпы, тамъ и сямъ слышались звуки гармоніи, увы! исчезнувшей почти совсѣмъ въ настоящее время, благодаря усердію одного изъ мѣстныхъ полиціймейстеровъ. Около 12 часовъ дня движеніе утихало—время обѣда. Затѣмъ нужно было отдохнуть, о чемъ впрочемъ заботились только старшіе, а молодежь усаживалась около воротъ и пощелкивая зернышки подсолнечника, самое лакомое угощеніе чуть не во всей Россіи, бесѣдовала объ интересующихъ ихъ предметахъ. Около четырехъ часовъ по направленію къ бору, который нынѣ, къ сожалѣнію, срубленъ, тянулась длинная вереница пѣшеходовъ всевозможныхъ возрастовъ, любуясь экипажами и лошадьми богачей, которые стремились туда же, и дѣлая безцеремонныя

замѣчанія о владѣльцахъ этихъ, недоступныхъ для ихъ кармана, предметовъ. Въ бору народу набиралось множество—богатые проѣзжались въ своихъ экипажахъ, а не имѣющая этой роскоши публика смотрѣла на нихъ. Между тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ подъ деревьями разсѣлись въ живописныхъ группахъ любители „гулянья съ интересомъ“ выпиваютъ и закусываютъ, не обращая вниманія на остальную публику, раздаются коегдѣ пѣсни, шумный разговоръ; часть публики отправлялась домой, тѣмъ болѣе, что для многихъ наступала пора чаепитія. Къ вечеру оставались въ бору только сильно подгулявшіе, которые никакъ не могли окончить праздника безъ настоящей выпивки,—гулянье переносилось въ село, на окраинахъ котораго затѣвались хороводы. Гулянье оканчивалось около 11 часовъ, потому что вставать надо было рано, идти на фабрику, а то запишутъ штрафъ, на что такъ охочи хозяева. Такъ проходили лѣтомъ всѣ воскресные дни въ Ивановѣ.

Въ праздничное время, а иногда и въ будни, ѣздили зажиточные Ивановцы на рѣчки Талку и Харинку, въ лѣсъ, попить чайку и погулять. Обыкновеніе это не оставлено и до сихъ поръ; такія гулянья носили названіе „поѣздокъ на ближнюю и дальнюю рѣчки.“ Но кромѣ этихъ обычныхъ гуляній существуютъ еще, такъ сказать, спеціальныя гулянья, сохранившіяся у насъ въ старинныхъ поселеніяхъ Руси. И надо правду сказать, чѣмъ стариннѣе поселеніе, тѣмъ строже соблюдаются эти праздники, какъ единственный иной разъ памятникъ этой дорогой старины. Въ этомъ мы можемъ сослаться на нашего извѣстнаго этнографа С. В. Максимова. Въ Ивановѣ мы встрѣчаемъ также эти остатки прежнихъ временъ, отъ которыхъ сохранилась поговорка: „будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.“ Такихъ праздниковъ здѣсь порядочно: во первыхъ общее торжество 8 іюля день Казанской Божіей Матери и другое такое же всеобщее торжество, соединенное на этотъ разъ съ ярмаркой, 14 сентября день

Воздвиженія Креста Господня. Въ эти дни является обыкновенно очень много народу изъ окрестныхъ мѣстъ, который и принимаетъ участіе въ торжествахъ и пирушкахъ. Затѣмъ идутъ уже уличные, такъ сказать, праздники—гуляньи, 9-е, 10-е и 11-е воскресенья,—первое, такъ называемое, гулянье на Сластихѣ, по Краснопрудской улицѣ, около кладбища; второе, носящее специальное названіе „основа,“ происходитъ на одной изъ длиннѣйшихъ улицъ, Новой Задней, на которой въ настоящее время разбитъ бульваръ, и третье—на мѣстности, называемой „Разгуляй,“ около кладбища, но съ другой стороны, чѣмъ на Сластихѣ. Затѣмъ существовали и остались до сихъ поръ гуляньи—въ Вознесенскомъ посадѣ, въ день Вознесенія Господня, около церкви, и въ Троицынъ день въ Троицкой слободѣ, въ Ильинъ день на Новой улицѣ и не такъ значительно—въ Ѳомино Воскресенье на кладбищѣ и 1-го мая въ бору, одно изъ самыхъ послѣднихъ по времени установленія. Всѣ эти гулянья одинаковаго характера—сходились на мѣсто гулянки съ различныхъ концовъ села и ходили въ доль улицы, показывая свои наряды и осматривая чужіе. Молодежь, находившись вдоволь молча, начинала пѣсни—гулянка, значитъ, начиналась въ полномъ смыслѣ—къ этому времени подвижные лари „съ гостинцами“ уже успѣвали принести порядочный доходъ своимъ владѣльцамъ, прибывшіе съ дальнихъ концовъ села увидались съ знакомыми, живущими на этой улицѣ, а нѣкоторые даже и въ гости зашли, такъ что на улицѣ осталась только молодежь и тѣ изъ пожилыхъ, у которыхъ, къ несчастью, не оказалось на праздникѣ знакомыхъ. Гулянье продолжалось обыкновенно часовъ до 8,—за это время успѣвали и нагуляться и напѣться, молодые люди повидались и поговорили, кому съ кѣмъ нужно было, сидѣвшіе въ гостяхъ тоже распрощались съ хозяевами—улица начинала пустѣть и часу въ десятомъ на ней остаются только слѣды этого гулянья въ видѣ массы скорлупъ

и обертокъ конфектъ, да еще кое-гдѣ бродили сильно подгулявшіе. Есть еще тоже старинное гулянье, но мирнаго характера, безъ пѣсенъ и хожденій съ гулянья въ гости—это на Пасхѣ во кругъ ограды Покровской церкви (нынѣ собора), которое происходитъ во всю недѣлю Пасхи. Здѣсь кончается угощеньемъ „гостинцами,“ которые покупаются тутъ же у ограды въ устроенныхъ подвижныхъ лавочкахъ или „палаткахъ.“

Такъ проводились праздничные и воскресные дни лѣтомъ. Зимой о продолжительныхъ и разнообразныхъ гуляньяхъ по улицамъ нечего и думать—уличныя гулянья по праздникамъ ограничивались только тѣмъ, что народъ устанавливался шпалерами вдоль улицъ, любуясь на длинный рядъ богачей, катающихся по улицамъ на дорогихъ лошадяхъ и разряженныхъ, какъ говорится, въ пухъ и прахъ. Разумѣется, публика самая взыскательная,—замѣчанія и знаки одобренія или порицанія, выражаемые словесно, слышатся ежеминутно. Но катанье продолжалось обыкновенно часа полтора, много два, а за это время не успѣешь не только наговориться, но и повидаться—то, какъ слѣдуетъ, приходилось дожидаться такихъ большихъ праздниковъ зимнихъ какъ святки и масляница, когда представляется для веселья полнѣйшій просторъ, да кромѣ того еще масса удовольствій, которыя необходимо связаны въ умѣ каждаго съ этими праздниками.

Недѣли за полторы до Рождества въ лавкахъ появлялись предвѣстники ожидаемаго веселья—вывѣшивались для продажи маски (хари, по мѣстному выраженію). Молодежь начинала по немногу запасаться костюмами, которые, впрочемъ, не отнимаютъ много времени, такъ какъ вся сила заключается въ надлежащей группировкѣ обыденныхъ нарядовъ, а самое важное сговориться, куда идти „ряженами.“ Впрочемъ, переговоры эти мало помогаютъ дѣлу, потому что въ большинствѣ случаевъ отправляются „на огонекъ“ въ полной

увѣренности, что если имъ и не вездѣ рады будутъ, то вездѣ примутъ, а этого и надо—заинтересовать и вызвать одобреніе ужъ ихъ дѣло. Наконецъ, наступили святки (онѣ начинаются 26 декабря, т. е. на второй день праздника), начались вечеринки и вотъ изъ дома въ домъ шагаютъ толпы ряженыхъ съ своей, обыкновенно, музыкой, которая, не отличаясь количествомъ инструментовъ, такъ какъ въ составъ оркестра входитъ одна гармонія или балалайка, вполнѣ удовлетворяетъ какъ артистовъ, такъ и зрителей. Компанія собирается обыкновенно большая, такъ какъ разыгрываются вещи, требующія порядочнаго количества участниковъ. Разыгрывали или атамана разбойниковъ и похищеніе дѣвицы или лодку. Въ первомъ требуется красная дѣвица, роль которой поручается какому-нибудь безбородому юношѣ, а за неимѣніемъ такого или для пущаго эффекта, роль дѣвицы исполняется мужичиной громаднаго роста, съ большой бородой. Лодка разыгрывалась такъ: садились на полу въ два ряда ряженые, а въ переди становился исполняющій роль кормчаго и затягивалъ: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ", —остальные подхватывали пѣсню, дружно размахивая руками и изображая такимъ образомъ гребцовъ. Обыкновенно обѣ вещи соединялись вмѣстѣ, такъ что послѣ похищенія дѣвицы изображали лодку. Смотря по тому, какое впечатлѣніе производили артисты на зрителей, такое бывало и угощеніе. Обычный исходъ путешествій былъ таковъ—всѣ артисты напивались мертвецки пьяными и по утру, если не просыпались въ кутузкѣ, готовились къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Дѣвушкамъ выпадала на долю иная забота, иныя удовольствія—время гаданья, обычай, освященный вѣками. Гаданья были самыя разнообразныя— и смотрѣнье въ зеркало, и литье олова и воска, и подслушиванье подъ окнами, и бросанье башмака и какъ самое легкое, повидимому, и самое употребительное, спрашиванье у перваго встрѣчнаго проходящаго или даже и проѣзжающаго его имени въ полной

увѣренности, что такъ будутъ звать суженаго-ряженаго. Всѣ эти гаданья обще-русскія, такъ что подробно описывать ихъ нечего.

Какъ бы то ни было, праздники прошли, наступилъ крещенскій сочельникъ, когда ничего нельзя ѣсть до освященія воды, а затѣмъ и Крещенье, нужно было искупаться въ рѣкѣ послѣ водосвятія, чтобы смыть съ лица погань, которая произошла отъ того, что надѣвали „хари". Впрочемъ, большинство довольствовалось тѣмъ, что умывалось святой водой и считало себя достаточно этимъ очищеннымъ. Время до масляницы проходило не замѣтно. Масляница самая тяжелая недѣля въ году, потому что цѣликомъ посвящена ѣдѣ и питью. Печенье блиновъ начинается съ понедѣльника, но „широкая масляница" начиналась только съ четверга, когда прекращались вездѣ работы и занятія. Съ этого дня разгулъ вступалъ въ періодъ полнаго развитія—за послѣдніе четыре дня масляницы столько съѣдалось и выпивалось, что надо удивляться выносливости русскаго человѣка. Съ четверга же начинали кататься по улицамъ, при чемъ изъ окрестныхъ селеній являлись крестьяне на своихъ лошадяхъ, разубранныхъ лентами и бубенчиками; крестьянки въ красныхъ сарафанахъ, шубкахъ и разноцвѣтныхъ платкахъ чинно сидѣли въ саняхъ—тоже выѣхали людей посмотрѣть и себя показать. Длинная вереница экипажей всѣхъ сортовъ чинно двигается по заранѣе опредѣленному кругу, а въ сосѣдней улицѣ вдругъ раздается шумъ и гамъ—часть толпы отхлынула туда, узнать, въ чемъ дѣло.—Оказалось, что мальчишки наняли у какихъ-то сильно подвыпившихъ мужичковъ лошадей и мчались по улицѣ, стараясь перегнать другъ друга, и во время этой гонки нахлыстывали не только лошадей, но и сѣдоковъ въ сосѣднихъ саняхъ. Зрители хохочутъ и подзадориваютъ ребятъ на дальнѣйшія безчинства. Послѣдній день масляницы—„прощенное воскресенье". Ѣздятъ къ родственникамъ и близкимъ знакомымъ и, отвѣшивая земные поклоны, просятъ прощенія за

всѣ обиды. Ѣздятъ также на могилы родныхъ и кланяясь говорятъ: „простите, родимые наши, до Свѣтлаго праздника!“ О чрезвычайныхъ празднествахъ будетъ сказано ниже, а теперь посмотримъ на Ивановца въ обыденной жизни.

Крѣпостное право, тяготѣвшее надъ Ивановомъ, какъ и надъ доброй половиной населенія Россіи, наложило на Ивановцевъ свою печать, заглушило у нихъ тѣ качества, которыя ставили ихъ такъ высоко надъ сосѣдями и заставили въ концѣ концовъ идти вслѣдъ за тѣми, которые были ихъ учениками въ дѣлѣ пробиванія себѣ дороги личной энергіей. На сколько были предпріимчивы Ивановцы XVII столѣтія, на столько потомки ихъ въ XIX столѣтіи вялы и способны идти только за другими. Время было не такое, когда можно было жить такъ, какъ жили при первыхъ порахъ закрѣпощенія,—былъ XVIII вѣкъ вѣкомъ сильнѣйшаго развитія крѣпостнаго права, да къ тому же Иваново перешло къ новымъ владѣльцамъ, отъ Черкасскихъ къ Шереметевымъ, пошли разные новые поборы, въ родѣ, напр., подати съ бабъ льномъ, когда ленъ и не воздѣлывался совсѣмъ въ Ивановѣ; управляющіе изъ дворовыхъ людей и бурмистры изъ крестьянъ же гнули въ дугу бѣдныхъ Ивановцевъ,—и пріѣзжіе изъ волости начинаютъ забирать все большую и большую силу, а коренные обыватели за немногими исключеніями уступать мѣсто имъ (иногороднихъ крестьянъ и купцовъ мѣстные обыватели старались, какъ натековъ, тѣснить). При такомъ положеніи вещей, при увеличеніи мануфактурной дѣятельности, тѣснимый съ одной стороны помѣщикомъ, съ другой фабрикантомъ, Ивановецъ озлобился, сдѣлался угрюмымъ, и, стараясь какъ-нибудь уменшить свое горе, пристрастился къ пьянству, которое и развилось здѣсь въ большихъ размѣрахъ. Нужно сравнительно небольшаго предлога, чтобы крестьянинъ загулялъ: храмовой праздникъ,—значитъ, недѣлю надо гулять; крестины, похороны—тутъ полагается по одному дню, а при свадьбѣ

самое меньшее недѣля. И ужъ во время этого гулянья никакія заботы, никакія дѣла не тревожатъ его,—даже хозяйство въ забросѣ. Встрѣча съ пріятелемъ на базарѣ относится также къ радостнымъ случаямъ, такъ что выпивается не мало по этому случаю и ставится послѣдняя копѣйка ребромъ. Все это ни мало не содѣйствовало благосостоянію жителей, а потому натеки совершенно вытѣснили ихъ, какъ съ лучшихъ мѣстъ въ селѣ, отодвигая ихъ на окраины, такъ и въ мѣстномъ прозводствѣ, предоставляя имъ послѣднія мѣста на фабрикахъ и заводахъ.

Жители здѣшніе вообще не рослый народъ, отъ 2 ар. 2 вершк. до 2 ар. 7 вершковъ, и не могутъ похвалиться ни стройностью стана, ни гибкостью членовъ, ни наружнымъ очертаніемъ и здоровымъ цвѣтомъ лица; русые или свѣтлорусые волосы, сѣрые или каріе глаза, развинченная походка— вотъ отличительные признаки мѣстнаго обывателя. Густота населенія и недостатокъ земли, къ тому же требующей усиленныхъ занятій, чтобы она могла доставлять порядочные урожаи, рано заставили большую часть населенія идти на фабрики, а необыкновенный ростъ Иванова и еще большее, вслѣдствіе этого, сокращеніе пахатныхъ участковъ окончательно превратили его въ фабричное населеніе. Вліяніе фабрики сказывается сильно на продолжительности жизни. Крайнимъ предѣломъ жизни, судя по метрическимъ книгамъ, есть годы между 50 и 60. Кромѣ фабричной жизни, гдѣ самый родъ занятій гибельно дѣйствовалъ на здоровье, причинами недолговѣчности служили еще скудная и грубая пища и тѣснота и неопрятность жилыхъ помѣщеній. Обыкновенную пищу здѣшняго крестьянина въ будни составляли—черный хлѣбъ и въ видѣ роскоши ячменныя лепешки на водѣ, сѣрыя щи безъ приправы, вареный горохъ, пареная рѣпа или бушма, рѣдька, изъ которой приготовлялось такое большое количество блюдъ, что они даже сложились въ особую поговорку—рѣдька

триха, рѣдька ломтиха, рѣдька съ квасомъ, рѣдька съ масломъ, рѣдька такъ; гречневая каша, какъ необходимое кушанье при какихъ угодно обѣдахъ, завершеніе ѣды. Работники на фабрикахъ, приходящіе изъ сосѣднихъ деревень, часто оставались безъ горячей пищи, довольствуясь сухояденіемъ, при чемъ квасъ игралъ значительную роль, позволяя изъ чернаго хлѣба создавать разнообразныя кушанья. Въ скоромные дни ѣда нѣсколько видоизмѣнялась, такъ какъ къ обѣду прибавлялись молоко, творогъ, сыворотка, яица и то въ незначительномъ количествѣ—все это, главнымъ образомъ, идетъ въ продажу. Въ праздники разрѣшается нѣкоторая роскошь: въ постные дни покупаютъ рыбу—вяленый судакъ игралъ самую важную роль, потому что и дешево и сердито, а въ скоромные дни можно было встрѣтить говядину. Впрочемъ, нужно оговориться,—такую роскошь разрѣшали только по очень большимъ праздникамъ и въ торжественныхъ случаяхъ жизни, какъ-то, на крестинахъ, поминкахъ усопшихъ и свадьбахъ, а въ обыкновенной-то жизни несложная кухонная книга заключалась вся въ поговоркѣ: хрѣнъ да рѣдька, да парена рѣпка.

Вторымъ чрезвычайно важнымъ факторомъ, способствующимъ и вырожденію и обезсиленію стариннаго удалаго новгородскаго типа, является жилище. Обыкновенное устройство дома было таково: передняя изба, сѣни и задняя горница, которая строилась обыкновенно безъ печи. Въ передней, гдѣ очень много мѣста занимала печь, жило все семейство, изъ сколькихъ бы человѣкъ оно ни состояло. Печь ставилась большею частью прямо на переклады, такъ что когда домъ старѣлся, онъ склонялся на одну сторону. Горница или холостая стая служила для склада различныхъ предметовъ, необходимыхъ въ хозяйствѣ, и развѣ въ лѣтнее время служила для пріема гостей. У каждаго окошка въ жилой избѣ помѣщался ткатскій станокъ, на которомъ работали женщины;

тутъ же въ избѣ на зиму помѣщали мелкихъ домашнихъ животныхъ, требующихъ тщательнаго ухода за собою, подъ печью обыкновенно помѣщались куры. Воздухъ, при отсутствіи вентиляціи, портился до невозможности и въ такой атмосферѣ жили и выростали поколѣнія.

Третьимъ факторомъ, вліявшимъ на жителей Иванова гибельнымъ образомъ, являлся рядъ занятій на фабрикахъ. Скудная производительность земли не давала возможности при самой усиленной дѣятельности, не только въ теченіи года, но половину года прокормить крестьянину свою семью. Хлѣбъ былъ къ тому же очень дешевъ, на фабрикѣ же за работу платили хорошо и работа была круглый годъ. По неволѣ приходилось забросить землю и идти на фабрику. Все населеніе Иванова превратилось такимъ образомъ изъ землепашцевъ въ фабричныхъ рабочихъ; каждый почти домъ представлялъ собою маленькую ткацкую, такъ какъ большая часть женщинъ занималась дома тканьемъ миткаля, при чемъ дѣвочки-подростки приготовляли цѣвки; взрослые мужчины цѣлый день на фабрикѣ—набивали (печатали) ситцы, а мальчики отъ 12—15 лѣтъ растирали для нихъ краски (штрифовали); только старики и старухи занимались почти исключительно хозяйствомъ. Работа на ситцевыхъ заведеніяхъ вліяла на здоровье гибельнымъ образомъ, такъ какъ при набивкѣ ситцевъ, особенно, такъ называемыхъ, саксонскихъ, въ составъ красокъ входили ртуть и мышьякъ, а также закиси и окиси металловъ; кромѣ того работа производилась стоя. Пробывши цѣлый день въ мастерской (а пришлымъ изъ деревень приходилось и цѣлую недѣлю жить тамъ) мастеровой до того пропитывался испареніями красильныхъ веществъ, что на далекомъ разстояніи, по одному запаху, можно было опредѣлить, какимъ мастерствомъ онъ занимался. По этому запаху невѣсты выбирали себѣ жениховъ—вотъ этотъ красной краской набиваетъ, а этотъ желтой; красной ужасно пахнетъ,

а желтой полегче, но за то набойщикъ красной краской получаетъ больше. Благодаря этому гибельному вліянію испареній отъ красокъ, трудно было встрѣтить набойщика съ полнымъ, свѣжимъ лицомъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ проходила жизнь Ивановцевъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Полное развитіе крѣпостнаго права, обращеніе изъ земледѣльца въ фабричнаго и сопряженныя съ этимъ тяжелыя условія существованія, подрывающія здоровье, все это не мало способствовало превращенію буйнаго, проворнаго, дѣятельнаго Новгородца XVII вѣка въ угрюмаго, вялаго, работающаго только, что заказано и мало заботящагося объ улучшеніи своего быта Ивановца XIX вѣка. Самый строй религіозной жизни былъ таковъ, что крѣпко держалъ Ивановца въ однажды поставленныхъ рамкахъ и не позволялъ ему выходить изъ нихъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Иваново представляло сплошное раскольничье поселеніе. Въ немъ нашли себѣ пріютъ секты самаго различнаго характера—и поповщинцы, и перекрещенцы, и спасово согласіе, и нѣтовщина и другія, не столь распространенныя.—Каждая секта имѣла свои молельни—секта поповщинцевъ занимала зданіе, бывшее фабрикой у Сокова, у другихъ сектантовъ молельни помѣщались въ домахъ богатыхъ фабрикантовъ. Изъ раскольничьихъ поповъ особенно извѣстенъ былъ попъ Герасимъ, жившій въ Ивановѣ около 1822 года. Онъ любилъ выпить и выпивши шумѣлъ по селу, настойчиво ругая чиновниковъ за ихъ взяточничество. За это онъ много разъ подвергался заключенію, но богачи-раскольники постоянно выручали его. Каждая секта имѣла своихъ уставщиковъ и пѣвчихъ; богослуженіе отправлялось избранными лицами, мужчинами или женщинами, смотря по тому, какъ требовала секта. Раскольничьи попы, обоего пола уставщики и пѣвчіе поповщинскаго толка ходили по приходу не только во время Пасхи, но и въ прочіе большіе праздники, но только безъ иконъ (хожденіе съ иконами

мѣстныхъ приходскихъ священниковъ было отмѣнено въ 1816 г., такъ какъ при ношеніи иконъ богоносцы изъ мѣстныхъ обывателей угощались вмѣстѣ съ причтомъ и совершали разныя безобразія). Со второй половины нынѣшняго столѣтія расколъ замѣтно сталъ слабѣть, чему не мало способствовало распространеніе образованія среди населенія и постоянный приливъ натековъ. Если разсмотрѣть хорошенько составъ раскольничьихъ сектъ и причины, по которымъ онѣ держались такъ долго здѣсь, то убѣдимся, что неразвитость мѣстныхъ обывателей имѣетъ въ этомъ случаѣ большое значеніе. Раскольниковъ вообще можно раздѣлить на три разряда—къ первому относились старики, толкователи книжнаго писанія и отеческихъ преданій; ко второму достаточные люди изъ промышленнаго и земледѣльческаго сословія, которые поддерживали расколъ посредствомъ пожертвованій за здравіе себя и семейства и за упокой душъ умершихъ сродниковъ; третій разрядъ лица, придерживавшіяся раскола изъ угожденія тѣмъ, отъ кого они зависѣли въ жизни, и тѣ, которыя любили пожить на чужой счетъ. Для послѣднихъ все равно, какъ ни быть, лишь бы жить. Лесть, ханжество, лицемѣріе—отличительныя свойства перваго и послѣдняго классовъ раскольниковъ. „Кормильцы наши и поильцы! Спаси ихъ, Христе!“ отзывалились они о своихъ благодѣтеляхъ и, получая щедрую подачку, жили припѣваючи. Раздача милостыни практиковалась въ обширныхъ размѣрахъ, но такимъ образомъ, что поощрялось только бездѣльничество и пьянство. Собиралъ богатый обыватель громадную толпу нищихъ (иногда до 1000 и болѣе человѣкъ), обыкновенно въ дни поминовенія умершихъ родителей и родственниковъ, и начинался дѣлежъ копѣекъ по 10, 15 и даже болѣе на человѣка. Получившіе милостыню призывали на дающихъ всевозможныя блага земныя, а умершимъ желали царства небеснаго и отправлялись большею частью въ кабакъ, гдѣ милостыня сейчасъ же и пропивалась. Иногда употреблялась

раздача, такъ называемой, „тихой милостыни.“ Эта милостыня давалась особенно бѣднымъ семействамъ деньгами и одеждой въ ночное время, какъ бы для того, чтобы скрыть отъ получающихъ имя благодѣтеля.

При такомъ складѣ жизни мѣстныхъ богачей многочисленное въ прежнее время сословіе странниковъ и странницъ находило здѣсь всегда пріютъ и ласковый пріемъ. Въ рѣдкомъ богатомъ домѣ нельзя было найти нѣсколькихъ человѣкъ этихъ странниковъ и странницъ, которые, подъ именемъ Митей, Арсентьюшекъ, Маврушей, Палагеюшекъ и т. п., являлись будто бы изъ дальнихъ мѣстъ и разсказывали о своихъ странствованіяхъ всевозможныя небылицы, исторгая изъ глазъ чувствительныхъ слушательницъ цѣлые ручьи слезъ. Странники отличались обыкновенно мудростью, такъ какъ брались предсказывать особенно молодымъ людямъ ихъ судьбу. Разумѣется, имъ безъусловно вѣрили, тѣмъ болѣе, что трудно было понять, какой настоящій смыслъ имѣло извѣстное предсказаніе. Проживши благополучно зиму, собравшись силами для дальнѣйшихъ подвиговъ, перелетныя птицы съ наступленіемъ весны собирались странствовать къ различнымъ святымъ мѣстамъ, кто въ Соловки, кто въ Кіевъ, кто въ старый Іерусалимъ—рѣдкіе уходили къ ближайшимъ святынямъ или давали обѣщаніе, въ угоду благодѣтелямъ, зайти въ эти мѣста и принести оттуда какую-нибудь святыню, въ видѣ пузырька масла мощей, или образка, или камешка со дна рѣки Ердани и земли съ мѣстъ, ознаменованныхъ подвигами святыхъ. Получивши деньги и снабженные вещами отъ доброхотныхъ дателей, странники отправлялись, чтобы къ зимѣ вернуться опять безо всего съ разсказами о необыкновенныхъ трудахъ и лишеніяхъ, которые имъ пришлось вынести во время странствованій.

Образованіе находилось въ рукахъ раскольничьихъ начетчиковъ, лицъ духовнаго званія, какъ-то: дьячковъ, пономарей,

вдовъ священно-служителей и т. п. Ученье весьма несложно— гражданская печать являлась исключеніемъ, первое мѣсто занимала церковная; писать учили рѣдко, а цифири еще рѣже. Ученье начиналось или съ 1 ноября съ Козьмы и Даміана безсребренниковъ или съ 1 декабря съ пророка Наума молитвой этимъ святымъ, затѣмъ отправлялись къ „мастеру" или „мастерицѣ," такъ назывались сѣятели просвѣщенія въ Ивановѣ, приносили имъ пряникъ и заставляли будущаго ученика или ученицу кланяться три раза въ землю. У каждаго ученика была указка, а у нѣкоторыхъ и подручники (мягкая четырехъугольная подушечка, которая подкладывалась подъ локоть). Ученье начиналось съ азбуки, на изученіе которой со всѣми ея хитростями, съ складами, съ повтореніемъ стараго, „съ задами," какъ гласитъ ученый терминъ, съ титлами и знаками препинанія, представляющими собой такую хитрую вещь, что на изученіе ихъ употреблялось около мѣсяца,— на прохожденіе всей этой премудрости полагалось около года. Затѣмъ приступали къ часослову; вмѣстѣ съ часословомъ учили каноны о здравіи и за упокой. Завершеніемъ образованія являлся псалтирь. Послѣ прочтенія псалтиря курсъ ученія былъ конченъ и мастеру или мастерицѣ оставалось только поздравить родителей съ благополучнымъ окончаніемъ научнаго образованія ихъ дѣтища. Мастера за трудъ свой получали сравнительно немного—за „выучку," то есть, за весь курсъ ученія, продолжающагося года два, платили имъ около 5—6 рублей; главную плату составляли подарки къ праздникамъ и въ день ангела учителей. Подарки были самаго разнообразнаго вида, смотря по достоянію родителей учащагося люда — нѣсколько аршинъ ситца, чай, сахаръ—это непремѣнные дары; поросята, гуси и другіе продукты праздничнаго продовольствія обязательно доставлялись зажиточными, при чемъ непремѣнной обязанностью считалось отвозить эти подарки самимъ ученикамъ.

Посѣщеніе родителей ученика мастерицами и женами мастеровъ считалось для тѣхъ особенной честью и дорогихъ гостей не знали, гдѣ усадитъ и чѣмъ подчивать. Особенно усердствовали въ этихъ случаяхъ матери, такъ какъ въ просьбахъ, обращаемыхъ къ учителямъ, мужчины и женщины совершенно расходились,—мужчины просили почаще и побольше сѣчь ребятишекъ, женщины, наоборотъ, по возможности пальцемъ ихъ не трогать. Читать учились по книгамъ старинной печати. Здѣсь книжныхъ лавокъ не было, но книги и рукописи были въ большомъ количествѣ, такъ какъ уважая книги, отпечатанныя до Никона, старообрядцы закупали ихъ на Ростовской, Нижегородской и Холуйской ярмаркахъ. Рукописи представляли собою различные сборники, „цвѣтники", очень древняго письма на пергаментѣ, на заморской (голландской) бумагѣ, какъ называли здѣсь такія рукописи любители стариннаго письма. Съ 50-хъ годовъ эти старинныя книги и рукописи вытѣснены были мало по малу гражданскою печатью—и встрѣчаются въ книгохранилищахъ или у раскольниковъ. Вообще на образованіе здѣсь смотрѣли очень оригинально—когда обучающійся доходилъ до псалтиря, этимъ гордились точно также, какъ иногда родители въ настоящее время гордятся тѣмъ, что сынъ ихъ въ университетѣ. Сами ученики псалтирь считали какимъ-то чрезвычайно важнымъ предметомъ научнаго образованія и когда добирались до него, то не могли нахвастаться этимъ вдоволь.—Эти самородныя школы имѣли здѣсь чрезвычайно сильное вліяніе, такъ какъ ученье продолжалось круглый годъ и въ свободное время къ родителямъ-учителямъ изъ духовнаго званія являлись ихъ дѣти-семинаристы, которые вносили въ рутинное дѣло образованія свѣжіе элементы. О многихъ такихъ учителяхъ-семинаристахъ сохранилась у нѣкоторыхъ старожиловъ благодарная память.

Необыкновенно быстрое развитіе мануфактурной про-

мышленности въ Ивановѣ вызвало усиленный притокъ рабочаго люда изъ окрестностей. Хозяева и рабочіе рѣзко отличались другъ отъ друга. Къ категоріи хозяевъ относились люди, добившіеся своей энергіей возможности вести дѣло самостоятельно, люди не рѣдко полуграмотные, деспотичные въ семейной жизни и весьма часто прижимающіе своихъ рабочихъ, налагая на нихъ штрафы за всякій промахъ, за всякую ничтожную ошибку.—Молодежь изъ нихъ отличалась задорными привычками, проходящими впрочемъ съ годами или съ неудачами въ ихъ стремленіяхъ. Рабочіе представляли собой массу, къ которой принадлежали люди самыхъ различныхъ характеровъ,—вообще же ихъ можно раздѣлить на три разряда, довольно рѣзко отличавшихся одинъ отъ другаго. Къ первому разряду принадлежали—колеристы, механики, рисовальщики, гравера, накатчики, прикащики и конторщики. Разрядъ этотъ стоялъ довольно высоко въ отношеніи къ образованію: часть ихъ получала даже спеціально-техническое образованіе, какъ, напр., механики; другіе также былъ развитой народъ въ силу того, что само занятіе требовало отъ нихъ болѣе обширныхъ знаній, чѣмъ отъ простаго рабочаго. Ко второму разряду относились—рѣзчики, слесаря, столяры, кузнецы, приказчики 2 разряда, пристава, мытильщики, заварщики, набойщики, ткачи, сновальщики, штрифовальщики, шпульники и шлихтовальщики. Въ этомъ разрядѣ можно было найти всевозможныя степени образованія, начиная съ такого, которое подходитъ къ спеціально-техническому, и кончая полною безграмотностью. Въ третьемъ разрядѣ считались сторожа и чернорабочіе, которые употреблялись въ качествѣ механической силы при различныхъ производствахъ. Среди лицъ первой категоріи всегда можно было найти, какъ мы уже сказали, лицъ съ спеціальнымъ образованіемъ; въ общемъ же всѣ они представляли собою, такъ сказать, интеллигенцію, слѣдили отчасти за литературой, выписывали газеты и журналы

и, что всего дороже, читали ихъ. Благодаря порядочному, а иногда и хорошему вознагражденію за трудъ, имъ представлялась возможность поддерживать себя на извѣстной высотѣ образованія и даже идти впередъ. Вторая категорія держалась только того, что имѣла, не будучи въ состояніи, благодаря постоянной работѣ и платѣ, позволяющей только прожить безъ особенныхъ лишеній, двигаться впередъ. Третья категорія рабочихъ составляла сословіе, котораго побаивались всѣ. Получая за трудъ свой ничтожную плату, вѣчно рискуя потерять мѣсто, они озлобились и при каждомъ удобномъ случаѣ мстили хозяевамъ за свое угнетенное положеніе. Лучшими изъ нихъ считались помѣщичьи крестьяне, такъ какъ фабричный заработокъ являлся для нихъ существенной поддержкой въ ихъ хозяйствѣ и работа на фабрикѣ позволяла быть далеко отъ отеческихъ попеченій помѣщика. Сами помѣщики, получая порядочные деньги въ видѣ оброка, позволяли крестьянамъ уходить на фабрики. Худшую часть составляли мѣщане, отставные и безсрочно отпускные солдаты, государственные крестьяне, затѣмъ исключенные изъ духовнаго званія и вольноотпущенные. Большая часть ихъ былъ народъ отпѣтый,—особенно отличались въ этомъ случаѣ солдаты, которые никакой власти, кромѣ военной, надъ собой не признавали и съ которыми фабричное начальство обходилось крайне осторожно. Глухая вражда рабочихъ къ хозяевамъ поддерживалась постоянно штрафами, взыскиваемыми за всякую малость. Получая жалованье, „дачку,“ какъ гласитъ фабричный терминъ, иногда половину того, что слѣдуетъ, рабочій относилъ его въ большинствѣ случаевъ не домой, а въ кабакъ и напившись не рѣдко ругалъ хозяина, на чемъ свѣтъ стоитъ. Мстили за дурное обращеніе, гдѣ только возможно—небрежность по отношенію къ хозяйскимъ матеріаламъ, кражи, производимыя на фабрикахъ, не взирая на сторожей, заборъ денегъ впередъ и бездѣльничанье или прогулы по недѣлѣ—все это продѣлывалось

рабочими, такъ какъ они были убѣждены, что какъ ни вертись хозяинъ, а придется ему взять ихъ опять, потому что, не взирая на новѣйшія усовершенствованія, какія пошли на фабрикахъ съ 40 годовъ, рабочихъ рукъ требовалась всетаки масса. Иногда продѣлывались такія вещи: нанимаются рабочіе обыкновенно въ два срока—съ Пасхи до Филиппова заговѣнья (14 ноября) и съ Филиппова заговѣнья до Пасхи; забравши деньги впередъ и оставивши паспортъ у хозяина, рабочій отправлялся домой и на всѣ требованія хозяина о высылкѣ рабочаго отвѣчалъ молчаніемъ и сидѣньемъ дома—рабочій прекрасно зналъ, что сколько ни пиши фабрикантъ, ничего ему не сдѣлаютъ—уговора письменнаго не было. Другіе нанимались съ мѣсячными паспортами, обѣщая перемѣнить ихъ, и проживши мѣсяцъ отправлялись домой, по полученіи разсчета, а иногда и забравши впередъ. Интересы хозяина страдали, между тѣмъ рабочій, разсчитанный за бездѣльничанье и дурные проступки, отправлялся къ другому хозяину, у котораго и жилъ преспокойно, пока и здѣсь не попадался опять.

Женщины-работницы, ткачихи главнымъ образомъ и затѣмъ уже, въ меньшемъ количествѣ, исполнявшія другія работы на фабрикѣ, и въ хорошемъ и дурномъ отношеніи превосходили мужчинъ въ силу самого темперамента. Къ сожалѣнію, мы должны замѣтить, что фабричная жизнь вліяла на женщинъ больше въ дурную, чѣмъ въ хорошую сторону. Въ цинизмѣ онѣ превзошли мужчинъ, встрѣтиться на улицѣ съ толпой идущихъ фабричныхъ женщинъ одному или двоимъ мужчинамъ было чрезвычайно опасно—нужно было обходить ихъ подальше стороной, по крайней мѣрѣ отдѣлывался только полученіемъ по своему адресу нѣсколькихъ шутокъ, не совсѣмъ скромнаго характера, тогда какъ попавши въ толпу, рискуешь получить и толчки, далеко не мягкаго свойства. Благодаря этимъ женщинамъ фабричный рабочій, главнымъ

образомъ изъ пришельцевъ, оставлялъ здѣсь весь заработокъ, который шелъ на пьянство, гульбу и развратъ. Всевозможныя средства пускались въ ходъ, при чемъ не только пришельцы терпѣли вредъ отъ этой жизни, но и собственныя семейства фабричныхъ женщинъ мало по малу втягивались въ безнравственную жизнь, пользуясь даровымъ угощеньемъ на средства, добываемыя женщинами. Необыкновенно сильное развитіе пьянства, сифилисъ во всѣхъ видахъ, перебиванье изо дня въ день по отношенію къ жизни—вотъ прямыя послѣдствія такой жизни. Незаконнорожденныхъ въ дореформенномъ Ивановѣ насчитывалось до 8%—далеко недостовѣрная цифра, такъ какъ сюда вошли только записанные въ метрическихъ книгахъ. При всемъ нежеланіи лечиться отъ сифилиса въ больницахъ, ежегодно являлось туда около 4% и при томъ почти исключительно мужчины. Ограничиваемся пока этими свѣдѣніями о жизни рабочихъ, такъ какъ надѣемся посвятить этому вопросу отдѣльную главу.

На ряду съ такимъ глубокимъ нравственнымъ паденіемъ, что встрѣчалось главнымъ образомъ у пришлаго элемента, чрезвычайно отрадно встрѣтить картину старинной патріархальной жизни у кореннаго населенія; не смотря на всѣ недостатки такой жизни, она все же несравненно лучше безшабашной, безнравственной жизни, обусловленной фабрикой. Неограниченное почтеніе и уваженіе къ старшимъ сохранялось во многихъ семействахъ, не смотря на дурные примѣры, которые видѣлись повсюду и которые легче воспринимаются, чѣмъ хорошіе. Главѣ семейства подчинялись и повиновались какъ жена и дѣти, такъ и другіе родственники; даже въ общественныхъ собраніяхъ, при обсужденіи вопросовъ, касающихся мѣстныхъ интересовъ, всегда давалось предпочтеніе голосу старшихъ по лѣтамъ, не смотря на то, что иногда опытность ихъ была ограничена, да и самый предметъ разсужденія не слишкомъ былъ доступенъ для ихъ пониманія.

Удивительнѣе всего, что, при такомъ отношеніи къ старшимъ, Ивановецъ, вѣжливо раскланивающійся на улицѣ даже съ незнакомыми почтенными людьми, въ обращеніи и разговорѣ былъ очень грубъ и способенъ на дерзости—остатокъ стариннаго, независимаго характера, а съ другой стороны и вліяніе фабрики. Другая черта, отдѣляющая Ивановца отъ жителей другихъ мѣстностей—это рѣзкая обособленность отдѣльныхъ семействъ и вообще отсутствіе общительности. Ходили другъ къ другу въ гости только по большимъ праздникамъ, напр., на Рождествѣ, въ храмовые праздники, или во время торжественныхъ семейныхъ праздниковъ, какъ-то: въ имянины, крестины, на свадьбу или для выполненія печальнаго обряда поминовенія усопшихъ. Въ это время гостей старались принять какъ можно радушнѣе, угощали такъ, чтобы гость и сытъ и пьянъ былъ, употребляли на угощенье послѣдній грошъ, а иногда даже и занимали для этого,—но ограничиться обыкновеннымъ угощеніемъ, простенькимъ—Боже сохрани! Это стыдъ и позоръ для семьи,—отъ однихъ пересудовъ она не будетъ знать, куда дѣваться. Въ обыкновенные праздники лѣтомъ, когда молодежь собиралась на улицѣ, заводила хороводы или игры и пѣла пѣсни, старики и старухи тутъ же по близости собирались у какого-нибудь облюбованнаго дома, на завалинкѣ и мирно толковали о своихъ дѣлахъ; расходились обыкновенно рано, такъ какъ здѣсь ложились съ курами и съ курами же вставали. Ложиться спать принято было зимой въ 8 часовъ, а лѣтомъ никакъ не позже 10. О зимнихъ собраніяхъ въ видѣ посидѣлокъ здѣсь не имѣли понятія, но всетаки собирались, такъ называемые „дѣвишники.“ Собранія такого рода были „по случаю оказіи,“ напр., дѣвушка была имянинницей, тогда собирались къ ней ея подруги и то не въ будни, а въ ближайшій праздникъ. Приходили и парни и тогда вечеринка была настоящая.

При посѣщеніяхъ какъ со стороны гостей, такъ и со

стороны хозяина исполнялись различныя обрядности, которыя составляли свой кодексъ церемоній. При входѣ въ комнату гость клалъ три поклона предъ иконами; при его входѣ хозяинъ и другіе гости, находящіеся въ комнатѣ, вставали съ своихъ мѣстъ и оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока вновь прибывшій не сдѣлаетъ обычнаго привѣтствія хозяину и гостямъ и не займетъ предложеннаго ему хозяиномъ мѣста. Затѣмъ когда собирались гости, у зажиточныхъ подавался чай, а у небогатыхъ прямо приступали къ дѣлу, т. е., подавали водку, домашнюю брагу, пиво и закуску. Женщины и дѣвицы сидѣли за особымъ столомъ—для нихъ подавали орѣхи, пряники и другія лакомства, а также вино, брагу и пиво. Гостей усаживали за столъ по старшинству или по близости родства съ хозяиномъ, при чемъ соблюдалось строгое мѣстничество и считалось обидой для гостя, если его неправильно сажали дальше отъ передняго угла и ближе къ дверямъ; въ переднемъ углу сажалось всегда какое-нибудь почетное лицо. Обычное привѣтствіе вновь прибывшаго гостя хозяину и другимъ гостямъ было таково: „хозяину съ хозяюшкой и съ дѣтками доброе здоровье, а вамъ миръ въ бесѣдѣ и мы въ вашу бесѣду!“ Хозяинъ говорилъ на это: „добро пожаловать!“, а гости отвѣчали: „очунно рады! Какъ Богъ милуетъ, живы ли, здоровы ли?“—Вновь прибывшій произносилъ въ отвѣтъ: „Слава-те Господи! Богъ грѣхамъ терпитъ—вашими молитвами, какъ шестами подпираемся!“ Сначала гости сидѣли обыкновенно молча или перебрасывались отрывочными фразами, но затѣмъ мало по малу начинался разговоръ, который принималъ уже довольно шумный характеръ по мѣрѣ угощенія. Гости при угощеніи старались какъ можно больше церемониться, чтобы дать возможность хозяину усерднѣе упрашивать и показать въ подчиваньи всю свою ловкость. Въ дѣлѣ церемоніи женщины проявляли необыкновенную ловкость — изъ-за одной чашки чаю разговору

находилось на четверть часа, если не больше. Чѣмъ усерднѣе упрашивалъ хозяинъ гостя, тѣмъ больше послѣднему чести, такъ что малое упрашиванье считалось большой обидой,— значитъ, тобой не интересуются и приглашенъ ты такъ, между прочимъ. При подчиваньи употреблялись присловья, которыя могутъ составить интересную иллюстрацію къ кодексу церемоній. Такъ при усаживаньи говорили: „сядемъ-ко рядкомъ, потолкуемъ-ко ладкомъ,“ или: „сядемъ да побаемъ, да шшецъ (щей) похлебаемъ, винца выпьемъ,“ или: „изъ кути по лавкѣ и вдоль по скамейкамъ“. Гости отвѣчали на это обыкновенно: „благодарствуемъ за доброе слово!“ При подчиваньи употреблялись слѣдующія поговорки: „Гости милые! У меня ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ и голова съ низкимъ поклономъ! Прошу откушать во славу Божію!“ Иногда хозяинъ обращался къ гостямъ: „Не обезсудьте, честные гости! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Милости прошу къ нашему грошу съ своимъ пятакомъ!“, или: „сядемъ да побаемъ, шшецъ похлебаемъ, отойдемъ да поглядимъ, хорошо ли мы ѣдимъ, сёмъ пересёмъ, какъ бы день перешелъ!“ При подчиваньи виномъ говорили: „Пей-ко, попей-ко, на днѣ-то копѣйка; побольше попьешь, тамъ и грошъ найдешь!“—„Берите и пейте, не за черенъ, не закрай, а за круглое дно!“— „Попьемъ да поѣдимъ, да на бабъ поглядимъ: добрая Ѳедорушка пьетъ до донушка; въ донушко поколотитъ, да еще попроситъ“ и т. д. Подъ такія прибаутки ѣда и питье идутъ веселѣе.

При отсутствіи общественныхъ развлеченій, въ родѣ театра и клуба, на которые впрочемъ при попыткахъ основать ихъ смотрѣли крайне недоброжелательно, богатые жители Иванова пользовались домашними вечеринками, которыя носили громкое названіе баловъ. Балы эти были или по случаю оказіи, т. е., въ имянины или просто для развлеченія. Въ богатыхъ домахъ предъ имянинами соблюдался такой обычай.

Накануне имянинъ развозились отъ виновниковъ торжества по роднымъ и знакомымъ сладкіе пироги съ вареньемъ, которые приготовляли сами хозяйки; при этомъ просили пожаловать на имянины. Иному имянипнику приходилось отвозить такихъ пироговъ до 40.—Вѣсть о предстоящемъ балѣ разносилась обыкновенно за недѣлю—за двѣ до самаго бала, но приглашенія на него дѣлались наканунѣ. Въ особо торжественныхъ случаяхъ, напр., при свадьбахъ, приглашеніе дѣлалось по особо приготовленнымъ литографированнымъ или писаннымъ билетамъ; въ обыкновенныхъ же случаяхъ приглашеніе дѣлалось на словахъ, въ такой формѣ: „такой-то или такая-то приказали кланяться и покорнѣйше просятъ пожаловать къ нимъ съ семействомъ (или безъ него) завтрашній день въ 5 часовъ вечера." Не надо думать, что балъ начинался съ 5 часовъ. Гости съѣзжались между 7 и 9 вечера. При входѣ въ залъ мужчинъ встрѣчалъ хозяинъ, а женщинъ хозяйка. Въ 50-хъ годахъ вошли здѣсь въ обыкновеніе танцы, которымъ и предавалась съ увлеченіемъ молодежь. Было время, и не дальше какъ въ 40 годахъ, когда хозяева не позволяли у себя ни танцовать, ни курить табакъ. У одного богатаго фабриканта къ дверямъ зала прилѣплено было объявленіе, что курить въ домѣ табакъ строго воспрещалось. Первыми курильщиками табаку явились, какъ это ни странно, раскольники въ 1835 году, т. е., изъ числа людей, признававшихъ табакъ зельемъ, выросшимъ изъ могилы блудницы. Мужчинамъ на вечеринкахъ—балахъ не оставалось ничего другаго дѣлать, какъ играть въ карты и угощаться. Но угощаться просто не хотѣлось и вотъ появилась „игра въ архіерейскую," суть которой была въ слѣдующемъ: собирались игроки, человѣкъ 15—20, брали колоду въ 52 карты и бросали жребій, кому вынимать карту. Затѣмъ вынувшій жребій, начиналъ класть карты: если онъ вынималъ, напримѣръ, десятку, то выпивалъ самъ и девять рядомъ сидящіе съ нимъ,

по которую руку смотря по уговору, по рюмкѣ. Если вынималъ шестерку, то самъ и пятеро сосѣдей и т. д. до фигуръ. Если вынималъ туза, то всѣ выпивали по рюмкѣ, даму,— то кому прикажетъ, валета,—выпивалъ самъ сдатчикъ, короля—выпивалъ самый почетный гость или хозяинъ. Всѣхъ хуже приходилось сдатчику. Можно себѣ представить, сколько разъ могли перемѣняться сдатчики. Пожилыя женщины во время танцевъ сидѣли обыкновенно въ залѣ, любуясь на танцующую молодежь и вспоминая времена, когда жизнь ихъ проходила среди скуки, одиночества и строгой подчиненности. Но это сидѣнье скоро надоѣдало и хозяйка предлагала гостьямъ сходить въ молельню, посмотрѣть на Божье милосердіе, т. е., на образа. Въ молельной же въ уголку у дверей приготовленъ былъ столъ съ разными винами и закусками, такъ что послѣ осмотра образовъ выпивали и закусывали и весьма изрядно.

Теперь остается намъ упомянуть еще о двухъ вещахъ, разнообразящихъ монотонную жизнь Ивановцевъ. Это—кулачные бои и капустники. Между 20-ми и 40-ми годами нынѣшняго столѣтія кулачные бои были здѣсь въ большомъ ходу. Нѣкоторые фабриканты поощряли такую забаву и держали у себя особыхъ бойцовъ изъ числа рабочихъ. У толпы были особые излюбленные бойцы, которые за свою ловкость и силу пользовались большимъ авторитетомъ и уваженіемъ. Въ послѣднее время кулачные бои не имѣли уже прежняго кровопролитнаго характера и служили для фабричныхъ средствомъ размять свои члены, разслабленные однообразнымъ трудомъ. Да фабричный сдѣлался уже не похожимъ на прежняго удальца—пьянство и развратъ сдѣлали изъ него какого-то хилаго, слабаго человѣка, у котораго стремленій больше къ кабаку, чѣмъ къ проявленію молодечества и показыванію силы. Хорошо, если грубая забава смѣняется удовольствіемъ для ума и сердца, но замѣна одного зла еще болѣе дурнымъ,—

это такая вещь, что право приходится пожалѣть о прежнихъ кулачныхъ бояхъ.

Капустникъ—время рубки капусты для зимняго запаса. Рубка совершалась обыкновенно помочью—собирались родные и знакомые. Это своего рода праздникъ, на который собиралась главнымъ образомъ молодежь, парни и дѣвицы. Рубильщиковъ угощали чаемъ, лакомствами, виномъ и ужиномъ, другой платы, конечно, не полагалось. При рубкѣ пѣли пѣсни и работа шла успѣшно. Въ результатѣ всегда бывало нѣсколько свадебъ, такъ какъ сюда парни являлись высматривать себѣ невѣстъ. Это уже послѣднее осеннее празднество послѣ Воздвиженья—въ концѣ сентября кончались всѣ полевыя и домашнія хозяйственныя работы, направленныя къ составленію запаса на зиму. Начиналась зима съ ея немногозначительными праздниками, не представляющими, за исключеніемъ святокъ и маслянницы, ни какого интереса для крестьянина; начиналось повсюду щелканье челнока, такъ какъ съ конца сентября запасались клубьями у фабрикантовъ и коммиссіонеровъ-свѣтелочниковъ и вся зима проходила въ тканьѣ миткаля, чѣмъ занимались женщины и дѣвицы, а мужчины работали на фабрикахъ или возили туда дрова. Даже малолѣтки и тѣ или дома мотали шпули или поступали также на фабрики.

Повѣрья, обряды и обычаи.

Мрачный колоритъ мѣстнотси, занятой Ивановомъ; вѣковые дремучіе лѣса, подавлявшіе человѣка своимъ могучимъ видомъ; глубокіе омуты, вырываемые паденіемъ воды на многочисленныхъ мельницахъ по Уводи, устройствомъ которыхъ такъ охотно занимались Ивановцы, что видно даже изъ акта XVII столѣтія; процвѣтаніе или гибель домашняго скота при одинаковыхъ повидимому условіяхъ жизни; вѣтры, ломающіе и вырывающіе съ корнемъ громадныя деревья—все

это наводило на размышленія, заставляло умъ допытываться, откуда все это, по чьему повелѣнію совершается; видѣли то хорошее, то дурное вліяніе этихъ таинственныхъ силъ на человѣка, и не будучи въ состояніи представить себѣ эти силы отвлеченно, представляли ихъ въ человѣческомъ образѣ, съ различными отличительными признаками, смотря по мѣсту, гдѣ полагали жилище этихъ силъ, духовъ. Такимъ образомъ, возникло представленіе о лѣшихъ, водяныхъ, домовыхъ и вѣтряныхъ. Одни изъ нихъ безусловно враждебны человѣку, какъ лѣшіе, другіе смотря по обстоятельствамъ, какъ домовые, водяные и вѣтряные. *Лѣшій*, владыка лѣсовъ, находился въ постоянной враждѣ съ человѣкомъ. И не мудрено, человѣкъ лишалъ его жилища, вырубая лѣса. За то при встрѣчѣ съ человѣкомъ въ лѣсу, лѣшій обходилъ его, и сколько тогда ни ходи человѣкъ, не вырваться ему изъ этого заколдованнаго круга. Единственнымъ средствомъ разрушить эти чары—надѣть на изнанку все платье. Лѣшій любилъ иногда погулять по своимъ владѣніямъ и тутъ онъ измѣнялъ свой ростъ—въ лѣсу онъ вровень съ деревьями, на луговинѣ ростомъ съ траву. По разсказамъ, рѣдкіе могли его видѣть, но появленіе его всегда оканчивалось худо—или видѣвшіе его сходили съ ума, или за появленіемъ его на опушкѣ лѣса былъ лѣсной пожаръ. *Домовые* заботились и ухаживали за домашними животными, холили и заплетали гриву у любимыхъ лошадей. Они были большіе прихотники и любили извѣстную масть у лошади и цвѣтъ шерсти у коровы, и если цвѣтъ этотъ не нравился имъ, то били и мучили бѣдныхъ животныхъ, такъ что приходилось ихъ сбывать поскорѣе—не ко двору, значитъ, пришлись. Вообще домовые считались покровителями извѣстнаго дома, при чемъ каждый домъ имѣлъ своего домоваго. Если чѣмъ-нибудь обидишь домоваго или дѣдушку, какъ его называли, такъ онъ накажетъ и накажетъ такъ, что, для избавленія отъ этого наказанія, надо умилостивить его чѣмъ-нибудь.

Водяные или *синяки* считались друзьями и покровителями мельниковъ, безъ чего не могли бы существовать мельницы и плотины. Они, выходя изъ воды, помогали мельникамъ въ работахъ, направляя водяной токъ; нерѣдко послѣ своихъ трудовъ, они отдыхали на водяномъ колесѣ, забавляясь правильнымъ теченіемъ воды. *Вѣтряные* были не такого мрачнаго характера, какъ лѣшіе, но любили иногда подшутить надъ человѣкомъ,—поднимутъ вихрь, обдадутъ человѣка пылью, шапку иной разъ сорвутъ; но если ихъ разсердить, то они могли надѣлать вреда—и крышу съ дома могли сорвать, крылья у мельницы сломать и т. п. Съ вѣтряными любили водить дружбу колдуны и ворожеи, которые на свиданье съ ними отправлялись на перекрестки дорогъ, какъ любимѣйшее мѣстопребываніе вѣтряныхъ. Но вѣтряные являлись не только въ видѣ вихря, въ видѣ черныхъ клубковъ,—иногда они летали въ видѣ огненнаго змія и потомъ превращались въ людей и животныхъ.

Таковы главнѣйшіе представители стихійной силы, образы которыхъ сложились у народа во всей Руси почти одинаковымъ способомъ, съ небольшими мѣстными измѣненіями. Существовало еще, по мнѣнію Ивановцевъ, въ большихъ рѣкахъ водяное страшилище—чудо-юдо-рыба-ракъ, безформенное, потому что фантазія даже затруднилась придать образъ этому чудовищу,—согласились только въ одномъ, что этому чудовищу подчинено все живущее въ водѣ. За этими главарями шли уже второстепенныя силы, которыя частью принадлежали къ духовному міру, частью относились къ людямъ. Къ числу первыхъ нужно отнести *обмѣнковъ* или *оммѣнковъ*, по мѣстному произношенію, *лихорадки* или *лихоманки* и *проклятыхъ* при жизни людей, которымъ по смерти суждено скитаться по землѣ, пока не получатъ разрѣшенія отъ этого проклятія. Ко второму разряду припадлежали олицетворенія человѣческой силы и ловкости, въ лицѣ Ильи Муромца, Полкана,

Волота, или хитрости, въ лицѣ Горемы. *Оммѣнокъ*—плодъ лѣшихъ. Лѣшій, постоянно озабоченный мыслью о томъ, какъ бы принести зло врагу своему человѣку, подслушивалъ нелѣпыя желанія матерей, укачивающихъ своихъ маленькихъ ребятъ. Стоитъ только матери, раздраженной упорнымъ плачемъ ребенка, произнести въ запальчивости—„а лѣшій тя побери!"—, какъ онъ ужъ тутъ, забираетъ ребенка, а на его мѣсто кладетъ свое дѣтище. Оммѣнки отличались силой и злостью, доставалось отъ нихъ бѣдной матери, потерявшей по своему желанію дитя и получившей въ замѣнъ это чудовище. Слово „оммѣнокъ" бранное, хуже даже, чѣмъ *скѣсъ*, которое употреблялось вмѣсто *чорта*. Слово *чортъ* было не въ ходу, его заботливо избѣгали, говоря въ замѣнъ этого—*черный* или *лукавый*., а то и просто *онъ*. *Лихорадки* или *лихоманки*, комохи или трясавицы—дочери египетскаго царя Фараона; числомъ ихъ 12 и каждая имѣла свою спеціальность. Чтобы избавиться отъ нихъ имѣлись заговоры и даже молитвы, нарочно для этого сочиненныя. Къ *проклятымъ* относились также самоубійцы, въ числѣ которыхъ считались и *опойцы*. На долю послѣднихъ выпала тяжелая обязанность возить воду на томъ свѣтѣ или служить вмѣсто лошадей чертямъ въ ихъ безпрестанныхъ поѣздкахъ по бѣлу свѣту. Такъ разсказывали люди, удостоившіеся видѣть ихъ въ такомъ положеніи, что выпадало на долю также пьяницъ.

Постоянная зависимость человѣка отъ силъ природы, невозможность самолично избавиться отъ дурнаго вліянія этихъ силъ и желаніе обратить ихъ въ свою пользу, рано заставили человѣка изыскивать средства для этого. Но не всякій способенъ на такой подвигъ, нужно для этого близкое знакомство съ силами, умѣнье обращаться съ ними надлежащимъ образомъ. Чѣмъ же можно было направить въ ту или другую сторону эти стихійныя силы? Одно средство только и было—это просьба, обращенная непосредственно къ представителямъ

самой силы и къ сильнѣйшимъ изъ нихъ въ случаѣ, когда требовалась защита отъ второстепенныхъ. И вотъ, явились мольбы, заговоры противъ враждебныхъ силъ, наговоры на различные предметы, съ цѣлью приданія имъ силы противъ несчастныхъ случаевъ,—все это возведено было въ науку, къ которой способны были только сильные, далеко превосходящіе своимъ умственнымъ складомъ окружающую ихъ толпу, или хитрые люди, умѣющіе изо всего извлекать пользу. Такъ появляются вѣдуны, колдуны, ворожеи, которые посвятили всю свою жизнь на изученіе способовъ отвращать отъ человѣка дурное вліяніе силъ природы и привлекать на его сторону благотворное ихъ значеніе. Опытнѣйшіе изъ нихъ занимались врачеваніемъ разныхъ болѣзней при помощи травъ, набранныхъ въ извѣстное время года, главнымъ образомъ, въ ночь на Ивана Купала (24 іюня), ворожили—отгадывали будущее на картахъ, на хлѣбѣ, на угольяхъ, на бобахъ, сопровождая все это таинственными манипуляціями, въ полной увѣренности, что въ нихъ-то и заключалась главная сила. Все это остатки прежнихъ торжественныхъ пріемовъ служенія языческимъ богамъ, утратившіе въ настоящее время всякій смыслъ и удержанные въ силу привычки и унаслѣдованія отъ предковъ. Отъ этихъ же колдуновъ узнавали, что означаетъ то или другое сновидѣніе, они же являлись главными толкователями различныхъ примѣтъ и повѣрій, которыя составляли кодексъ повседневной жизни. Такое значеніе колдуновъ и знахарей давало возможность многимъ жить припѣваючи на счетъ легковѣрныхъ людей и единственнымъ средствомъ противъ этого является просвѣщеніе темной массы. До сихъ поръ сохраняется еще въ простыхъ людяхъ вѣра въ колдуновъ и ворожей, увѣренность, что эти люди способны наслать на каждаго корчи, ломанье, порчу, выражаемую въ выкликаньи разными голосами, вѣра въ сглазъ. *Озепъ, озепище, сглазъ, сглазили*—все это станется отъ лихихъ людей; *попритчиться*

также легко можетъ, какъ и озепъ. Единственнымъ леченьемъ отъ этого можетъ быть спрыскиванье наговоренной водой съ уголька. Знахари употребляли въ этомъ случаѣ воду, налитую на зарѣ на уродливые кремневые камешки, найденные въ рѣкѣ; наливали также на такъ называемые чортовы пальцы (ископаемыя раковины аммонита) или на громовыя стрѣлы (песокъ, сплавившійся отъ удара молніи). Иногда во время болѣзни, особенно во время горячки или лихорадки, по совѣту знахаря скидали съ больнаго бѣлье и бросали въ полночь за окно на вѣтеръ, въ увѣренности, что вмѣстѣ съ вѣтромъ улетитъ и болѣзнь.—

Обращаемся къ обычаямъ, уцѣлѣвшимъ здѣсь до реформы 1861 года и отчасти до настоящаго времени. О нѣкоторыхъ намъ приходилось говорить при описаніи праздничныхъ удовольствій, теперь приходится сказать еще о нѣкоторыхъ праздничныхъ обычаяхъ, затѣмъ о такихъ, которые совершались въ обыденной жизни, и закончить настоящую главу описаніемъ свадебныхъ обрядовъ, какъ очень характерныхъ для здѣшней мѣстности. Изъ обрядовъ глубокой старины, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, нужно упомянуть о завиваніи березки въ семикъ. Семикъ вполнѣ весенній праздникъ, который справляется въ четвергъ на недѣлѣ передъ Троицынымъ днемъ; при томъ праздникъ этотъ цѣликомъ принадлежитъ дѣвицамъ, отъ которыхъ зависитъ приглашеніе на праздникъ парней. Празднуется онъ въ садахъ и огородахъ—выбираютъ березку, которую „завиваютъ,“ т. е., украшаютъ разноцвѣтными лентами, при чемъ поются пѣсни. Березка развивается въ Духовъ день послѣ обѣда. Въ Троицынъ день ходили съ цвѣтами къ обѣдни и во время вечерни при чтеніи молитвъ раскаявались тайно со слезами въ своихъ грѣхахъ, стараясь оплакать каждый листочекъ на принесенныхъ цвѣтахъ. Въ Благовѣщенье (25 марта) не начинали никакого дѣла, такъ какъ даже птица не завиваетъ гнѣзда

въ этотъ день. Въ Великій четвертокъ за заутренней при чтеніи 12 Евангелій, послѣ каждаго Евангелія отдѣляли нѣсколько воска отъ свѣчи и носили его на крестѣ для избавленія отъ лихорадки; самыя свѣчи уносили съ собой и лѣтомъ во время грозы зажигали ихъ передъ образомъ. Въ Ильинъ день (20 іюля) молились объ избавленіи отъ грома. Часто во время грома говорили, что Илья пророкъ ѣздитъ по небу. До втораго Спаса (6 августа) не ѣли яблокъ и прочихъ плодовъ (картофель называли землянымъ яблокомъ и считали грѣхомъ ѣсть его; только недавно, сравнительно, вошелъ онъ во всеобщее употребленіе). Въ яблоновый Спасъ, т. е., 6 августа, носили въ церковь плоды для освященія и съ этого дня начинали ѣсть ихъ. Вообще Спасовъ день игралъ большую роль въ хозяйствѣ. Спасовыхъ дней три—1 августа Спасъ на водѣ, 6 августа Спасъ на горѣ, и 16 августа Спасъ на полотнѣ. Носили эти Спасовы дни и спеціальныя названія—первый Спасъ медовый, розговѣнье на свѣжій медъ; второй Спасъ яблоновый, заѣдали яблоки, и третій Спасъ рябиновый, поспѣвала къ этому времени рябина, хотя и не ѣли ее, а выжидали морозовъ, отъ которыхъ она становилась сладкою. 29 августа въ день Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи считали большимъ грѣхомъ ѣсть картофель, яблоки и вообще все круглое. На память Козьмы и Даміана (1 ноября) и на пророка Наума (1 декабря) заучивали ребятъ, полагая, что если съ этихъ дней начать ученье, то ребята будутъ особенно понятливы.

Это повѣрья и обряды, привязанные къ нарочитымъ днямъ. Обыденная жизнь наполнена примѣтами, повѣрьями и обычаями. Подробный сборникъ всѣхъ примѣтъ и повѣрій приложенъ въ концѣ. Здѣсь мы ограничимся немногими обрядами и обычаями, какъ болѣе интересными. Одинъ изъ стариннѣйшихъ обрядовъ, существовавшихъ здѣсь, былъ обрядъ постриженія. Самъ по себѣ обычай этотъ очень древенъ—

онъ существовалъ еще въ языческой Руси. Сущность его заключалась здѣсь въ слѣдующемъ: когда ребенку минетъ годъ, его сажали на шубу, разостланную на полу, называли *годовикомъ* и стригли ему волосы, чтобы они росли гуще и ребенокъ былъ здоровѣе.—Это одинъ изъ немногихъ обрядовъ, уцѣлѣвшихъ чуть не до послѣдняго времени отъ глубокой старины. Когда прорѣзывались зубы, подъ кровать дѣтямъ клали траву плакунъ, чтобы они не плакали, и дрему, чтобы они спокойно спали. Если дѣти долго не ходили, заказывали большую восковую свѣчу и ставили въ фонарь, употребляемый для ношенія предъ иконами во время крестныхъ ходовъ.—Плохо растущихъ дѣтей ставили подъ дождевую капель, чтобы они поскорѣе выросли. Лѣтомъ по утрамъ собирали росу для умыванія лица отъ пятенъ и лишаевъ, а по первой порошѣ собирали снѣгъ умывать лицо, чтобы оно было чисто и бѣло. Вотъ главнѣйшія повѣрья и обряды здѣшней мѣстности.

Жизнь мѣстнаго обывателя со дня рожденія до самой смерти обставлена была массою обрядовъ, часть которыхъ мы уже описали. Къ самымъ любопытнымъ, конечно, принадлежатъ свадебные обряды, о которыхъ мы поговоримъ подробно, предварительно упомянувши о нѣкоторыхъ обычаяхъ, наблюдаемыхъ при крестинахъ и похоронахъ. Когда во время крещенья священникъ обрѣзалъ у младенца волосы и отдавалъ ихъ куму, чтобы онъ бросилъ ихъ въ купель, кумъ замѣчалъ, при этомъ, упадутъ ли волосы (въ кусочкѣ воска) на дно или будутъ плавать; если потонутъ, то ребенокъ не долго наживетъ,—если будутъ плавать, то будетъ долговѣченъ. Когда человѣкъ умиралъ, то ставили блюдечко съ водой и клали полотенце, чтобы душа, разставшись съ тѣломъ, помылась и утерлась, а то пойдетъ по мытарствамъ нечистая, а за нее дадутъ отвѣтъ тѣ, кто не приготовилъ воды. Послѣ обмыванья умершаго, горшокъ, изъ котораго его обмывали, и гребешокъ, которымъ его причесывали, какъ поганые вмѣстѣ

съ снопомъ соломы выбрасывались на межу. Голосить по умершемъ считалось непремѣнной обязанностью и чѣмъ сильнѣе голосили и жалостнѣе причитали, тѣмъ большею считалась горесть отъ утраты и сердобольныя женщины проливали вмѣстѣ съ горюхой обильныя слезы. Приступаемъ къ описанію свадебныхъ обрядовъ.

По достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія, родители старались поскорѣе устроить ихъ—сыновей женить, а дочерей выдать за мужъ. Устроить старались пораньше, чтобы не набаловались. Выборъ невѣсты дѣлался родителями жениха, по большей части, вовсе не спрашивая его мнѣнія. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, домахъ предварительно призывали сына, объявляли ему, что вотъ-де наступила пора и ему обзавестись собственнымъ семействомъ, и предлагали, не желаетъ ли онъ жениться на такой-то. Рѣдко бывало, чтобы женихъ и невѣста воспротивились родительской волѣ. Затѣмъ засылали къ родителямъ невѣсты сватовъ или сваху, прося назначить время свиданія жениха съ невѣстой. По изъявленіи желанія со стороны родителей невѣсты породниться, женихъ въ назначенное время отправлялся къ невѣстѣ *на смотрины;* здѣсь родители жениха и невѣсты окончательно условливались о приданомъ и о времени свадьбы, въ то время, какъ въ другой комнатѣ женихъ и невѣста вели разговоръ, иногда видясь здѣсь въ первый разъ. Послѣ окончательнаго уговора оставалось ударить по рукамъ и помолиться Богу, отчего и называлась эта часть обряда *рукобитьемъ, помолвкой и Богу помолиться.* При сватовствѣ между крестьянами соблюдался обычай, чтобы женихъ обязался отцу невѣсты уплатить извѣстную сумму денегъ въ родѣ выкупа отъ 25 до 75 и даже до 100 р. с., смотря по зажиточности крестьянина и богатству приданаго невѣсты; это называлось здѣсь *выдать на столъ,* такъ какъ всѣ эти деньги шли на угощеніе и на приданое. Когда дѣло сватовства было окончено и рѣшено, при чемъ заключеніе

условія приглашался и женихъ, невѣста являлась для угощенія посѣтителей виномъ и пивомъ. Женихъ съ невѣстой садились за столъ, гости пили за ихъ здоровье, морщились и говорили: „горько!“ Нужно, значитъ, было подсластить—женихъ и невѣста поднимались и цѣловались, въ чемъ и заключалось подслащиванье. При поцѣлуяхъ гости считали, сколько разъ поцѣловались женихъ съ невѣстой, и нарочно сбивали ихъ со счета, чтобы заставить ихъ больше цѣловаться. Женихъ обязанъ былъ каждый день посѣщать невѣсту и приносить подарки или гостинцы по состоянію. Не задолго до свадьбы дѣлали въ домѣ невѣсты *дѣвичникъ*, на который невѣста приглашала своихъ подругъ, а женихъ съ своей стороны холостыхъ знакомыхъ и товарищей. Предварительно ставили на столѣ, покрытомъ скатертью, тарелки съ гостинцами, присланными женихомъ, какъ-то, конфекты, пряники, орѣхи, яблоки и т. п. Въ передній уголъ садились родственники жениха, затѣмъ усаживались дѣвицы—которыя побогаче, тѣ ближе къ переднему углу. Самой послѣдней садилась невѣста, а рядомъ съ ней женихъ; затѣмъ усаживались мужчины. На дѣвичникахъ играли въ фанты, въ карты и т. п., но пѣсенъ пѣли мало. Иногда невѣста съ дѣвицами—подругами выходила въ другую комнату, тогда ея мѣсто занималъ кто-нибудь изъ мужчинъ; возвратясь невѣста должна была выкупать свое мѣсто, такъ какъ не могла сѣсть на другое,—выкупъ производился поцѣлуями, которые и въ этомъ случаѣ считались дюжинами или, по крайней мѣрѣ, полудюжинами.

На дѣвичники приходило очень много постороннихъ зрителей, называемыхъ, по мѣстному выраженію, глядѣльщиками или гулякàми. Считалось большой обидой, если глядѣльщиковъ не было или было мало. Иная хозяйка захлопочется и не замѣтитъ ихъ, а потомъ и жалуется сосѣдкѣ: „Штой-то, матка, гулякòвъ-те у насъ не было?“ Та ее утѣшаетъ: „И полно, матка, сколько ихъ на улицѣ-те было!“ Гуляки не ограничивались

однимъ смотрѣньемъ, а выпрашивали у невѣсты и сидящихъ съ ней подругъ и вообще у всѣхъ гостей, приглашенныхъ на дѣвичникъ, гостинцы. При этомъ у глядѣльщиковъ съ гостями велись разговоры въ родѣ слѣдующихъ:

1-й голосъ. Маланья Трифоновна! Больно хороша! Да-ко гостинчика-то!

2-й голосъ. Тетенька Онисья! Больно хороша! Дай-ко гостинчика!

Гостья. Ну, возьми самъ, коли больно досужъ.

Зритель. Да вѣдь я не гость; намъ недозволятца, а ты госья, теѣ дозволено.

Гостья. Намъ дозволено, да только временемъ.

Зритель. Временемъ не временемъ, а все таки дозволено.

Гостья. Ну, полно, скѣсовъ сынъ, удолятъ-то-са! Хорошъ и безъ гостинцевъ!

Послѣ нѣсколькихъ такого рода требованій, невѣста, сваха или кто-нибудь изъ дѣвицъ подавали что-нибудь со стола попрошайкѣ, конечно, узнанному ими по голосу или по платью. Подобныя сцены всегда въ однообразномъ тонѣ повторялись на всѣхъ дѣвичникахъ, какого бы то ни было класса общества, различаясь только частностями.—

Иногда глядѣльщики (что случалось, впрочемъ, часто) позволяли себѣ нескромныя и обидныя для невѣсты и ея гостей замѣчанія. Представляемъ нѣсколько образчиковъ замѣчаній въ этомъ родѣ и разговоровъ между зрителями.

1-й голосъ. Марья Ивановна! Гдѣ, матка, платье-то взяла? (На невѣстѣ платье, подаренное прежними ея пріятелями).

2-й голосъ. Окулина Савишна! Откуда серги-те добыла? (Вопросъ по той-же причинѣ).

3-й голосъ. Дядюшко Олександро! Больно у тея носъ-отъ смѣшонъ: ровно ёво крысы объѣли!

4-й голосъ. Гля-ко, гля-ко, матки! Дядя-то Иванъ нохти-те у сея огрызъ, — огрызъ да ужъ до тѣла добиратца! Чай, все думатъ, кому-бы завтра прогулъ записать!

5-й голосъ. Ну, полно, матка, не отъ эфтова, у ёво така извадка!

6-й голосъ. Ахъ, мать моя! Гля-ко, на Сашкѣ-то платье-то како!

7-й голосъ. На-ко! Раѣ не видала экo-то на Дунькѣ; имъ обѣмъ купили о Звиженской (т. е. на ярмаркѣ).

8-й голосъ. Матери, матери! Секлетка-то какъ нарядилась! Ровно на балъ къ богачамъ!

9-й голосъ. На-ко! Раѣ мало у её денегъ-то и тому подобное.

Если зрители, предававшіе публичному осмѣянію невѣсту и ея гостей, будутъ узнаны по голосу или по платью домохозяевами (гуляки всегда закрываютъ лицо, чтобы не быть узнанными), то ихъ подчивали водкой, отведя въ другую комнату или сѣни, что называлось *залить глотку*. Если же окажутся незнакомыми или не будутъ узнаны, то ихъ выпроваживали не честью, т. е., просто выталкивали, что никогда не обходилось безъ шума.

Предъ окончаніемъ дѣвичника снимали гостинцы, подавали чай и ставили на столѣ сладкій пирогъ. Гости, взявши пирога, клалали на тарелку по 10, 15, 25 коп. серебромъ и больше, смотря по состоянію; расходъ на дѣвичникъ этимъ сборомъ всегда почти окупался. —

Послѣ дѣвичника подруги невѣсты оставались у нея въ домѣ и занимались шитьемъ приданаго. Приближается день сватьбы. Наканунѣ этого дня дѣвушки утѣшали невѣсту и пѣли пѣсни, способныя, впрочемъ, по своему содержанію и напѣву навести на невѣсту еще большую тоску. Приводимъ въ примѣръ нѣсколько пѣсенъ.

1.

У дѣвушки въ горницѣ
Два голубя воркують
Цѣлуются, милуются,
Весело играютъ
Они милую Оринушку
Только утѣшаютъ.
Ты, милая Оринушка,
Тебя батюшко кличетъ.
Подруженьки, голубушки!
Я право неслыхала!

Затѣмъ повторяется тоже самое до словъ: „только утѣшаютъ.“ Здѣсь пѣсня поется такъ:

Ты, милая Оринушка,
Тебя матушка кличетъ.
Подруженьки, голубушки!
Я право не слыхала!

Въ 3-мъ куплетѣ:

Ты, милая Оринушка,
Тебя милъ другъ кличетъ.
Подруженьки, голубушки!
Я право давно слышу!

2.

У дверей было на конничкѣ,
На шолковомъ браномъ ковричкѣ,
Тутъ сидѣла гостья милая,
Гостья милая, отзваная.
Говорилъ ей родной батюшко,
Уговаривала матушка:
Погости ты, гостья милая,
И ночуй у насъ хоть ноченьку!
— Погостила бы я съ радостью!
Не гостятъ гости прiѣзжiе,
Не стоятъ лошадки быстрыя,

Не ѣдятъ траву зеленую,
Лишь грызутъ удила новыя;
На дворѣ-то онѣ борятся,
Со двора-то домой просятся
И меня младеньку дождутся.

3.

Ахъ, родимая ты матушка!
Ты зачѣмъ же коленкоръ кроишь?
— Дорогое дитя милое!
Что твоихъ-то ли бояръ дарить!
Ты родима моя матушка!
Что нельзя ли это сдѣлати,
Чтобъ меня замужъ не выдати?
— Ахъ, любезное ты дитятко!
У насъ дѣло ужъ покончено,
Золотымъ перстнемъ задарено,
Запорукой запоручено!
Ужъ твоя свадьба назначена,
Чтобъ въ четвергъ этотъ сговору быть,
А въ субботу быть дѣвичнику,
Въ воскресенье подъ вѣнецъ златой,
Въ понедѣльникъ же открытый столъ,
У тебя, дитя, веселый пиръ.

До сихъ поръ все шло хорошо—пѣсни дурнаго еще не предвѣщали. Но мало по малу являлись пѣсни, наводящія уныніе, такъ какъ выдвигалась дурная сторона будущей жизни, затмѣвая хорошія, свѣтлыя картины. По смыслу и гармоніи особенно хороша слѣдующая:

4.

Зеленись въ саду, березанька,
Зеленись, моя кудрявая,
Пока лѣто у насъ красное,
Пока грѣетъ солнце свѣтлое!
Какъ придетъ зима холодная,
Со морозами трескучими,

Признобитъ тебя, несчастную,
Отъ верхушки до кореньица;
Опадутъ листья зеленые,
Ихъ развѣетъ вѣтеръ по саду.
Покрасуйся душа Пашенька (вообще имя невѣсты)
Въ красотѣ ты своей дѣвичьей:
Красота твоя минуется
И погибнетъ отъ замужества!
О дѣвичьей красѣ слухъ идетъ
По всему-то свѣту бѣлому—
Ее видѣть можно за сто верстъ,
О ней слышно верстъ за тысячу,
А краса бабья отцвѣдшая—
На печи въ углу подъ шубою.

Невѣста поражена этой картиной, которой она не представляла себѣ, а тутъ еще подруги обращались къ ней съ укоромъ и выставляли ея будущаго супруга въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ.

5.

Ты злодѣй, злодѣй, измѣнница,
Ты злодѣйка—лиходѣйница!
Измѣнила намъ, подруженькамъ—
Ты сказала—не пойду за мужъ,
Не пойду и не подумаю,
Не послушаю чужихъ людей!
Ты сказала: въ монастырь пойду,
Въ монастырь пойду въ игуменьи;
Васъ, подруженьки, съ собой возьму:
Ужъ я первую-то въ ключницы,
А вторую во ларечницы,
Ужъ я третью-то полъ мести,
А четвертую подолъ нести.
А теперь, что ты надѣлала?
За мужъ ты пошла, подумала-ль?
Ты чужихъ людей послушала.
На кого же такъ прельстилася?

Человѣка ли добилася,
Али умнаго—разумнаго,
Али школьнаго—манернаго?
Его рожа-то буграми вся,
Точно черти по ней ѣздили!
Борода-то вся растрепана,
Точно вѣникъ старый, брошеный;
А буркалы-то съ болячками,
И рѣсницы-то всѣ вылѣзли;
А носина—верста цѣлая!
Повернется по лицу хлыснетъ;
Сапожнишки износилися
И подошвы отвалилися;
А шляпенка-то старешенька,
Изъ-за дыръ дыра выглядыватъ;
Рукавицы-то оборваны,
Изъ нихъ пальцы торчатъ грязные!
Кафтанишко-то съ заплатами,
На однихъ-то ниткахъ держится!
Не умѣетъ и того надѣть,
Носить шиворотъ на выворотъ;
Не умѣетъ подпоясаться:
Назади узелъ завязыватъ,
Напередъ концы выправливатъ!
Не умѣетъ онъ кудрей чесать,
Онъ ихъ сзади напередъ деретъ!
Не умѣетъ отворить дверей,
А отворитъ—лбищемъ треснется;
Не умѣетъ взойти въ горницу—
А идетъ все запинается;
Не умѣетъ поклонитися—
Въ заднiй уголъ онъ поклонится,
Отъ гостей-то отворотится;
Не умѣетъ сѣсть на лавочку—
На конецъ сядетъ и шлепнется!
Не умѣетъ разговоръ вести—
Скажетъ—словомъ-то подавится!
Не умѣетъ носа вытереть,

Кулакомъ сопли размазыватъ;
По губамъ его слюна течетъ,
Поцалуетъ—всю замуслякетъ.

Подавленая упреками своихъ подругъ и такимъ непривлекательнымъ портретомъ жениха, невѣста только и можетъ произнести въ свое оправданіе:

6.

Не судите вы, подруженьки!
Не браните меня горькую!
Не сама я это сдѣлала,
Не своей волей—охотою!
Что безъ вѣтра и безъ вихоря
Растворилися воротушки!
Я не знала и не вѣдала,
Какъ ко мнѣ гости наѣхали,
Гости гордые, спѣсивые,
Все чужіе, незнакомые!
Посадили меня, бѣдную,
За дубовый столъ на лавочку!
Не успѣла я опомниться,
Какъ меня ужъ запоручили,
Красоту-то мою продали
Добру молодцу, удалому!
Накопить ума мнѣ не дали,
Нагуляться не позволили!
Пожалѣйте вы, подруженьки,
Пожалѣйте, задушевныя,
Меня горькую, несчастную,
Во моемъ великомъ горюшкѣ!
Разлучаюсь съ красотой моей,
Разлучаюсь съ косой русою,
Съ лентой алой, недоношеной.
Съ волей милой, съ волей дѣвичьей!
А горчѣе раставаньице
Съ моимъ батюшкой—радѣльникомъ,
Съ моей матушкой—радѣльницей,
Съ вами, милыя подруженьки!

Чтобы смягчить свои упреки и исправить впечатлѣніе, произведенное на невѣсту некрасивымъ портретомъ жениха, подруги начинали пѣть въ другомъ уже духѣ, хотя по прежнему неприглядное житье въ будущемъ мало смягчено.

7.

Во саду-то ли, во садикѣ,
Во зеленомъ виноградикѣ,
Тутъ ходилъ-то, гулялъ молодецъ,
Свѣтъ Викентій-то Сергѣевичъ!
Онъ чесалъ-то кудри русыя,
И чесавши приговаривалъ:
Прилегайте кудри русыя,
Къ моему лицу вы бѣлому,
Къ моему лицу румяному!
Привыкай ты, душа Пашенька,
Къ моему ли уму-разуму
И ко нраву молодецкому!
Ужъ какъ мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
Привыкать-то какъ не хочется,
Своей спѣси поубавити
И чужа ума прибавити.

8.

Ты капка-ли, капочка моя,
Ты капка мелкотравчатая,
Мелкотравчата узорчатая!
Не давайся ты развертываться,
Что ни плису, что ни бархату,
Ни атласу съ золотой парчей.
Ты душа-ль моя, Парашенька!
Не давайся ты высматриваться,
Что ни князю, ни боярину,
Ни тому сыну гостинному!
Какъ гостинный-то сынъ волю взялъ—
Онъ у терема дверь отворилъ
И Парашеньку повысмотрѣлъ.

А Параша испугалася
За подружекъ схоронилася.
Схороните вы, подруженьки,
Схороните вы, голубушки!
Вонъ пріѣхалъ погубитель мой,
Вонъ пріѣхалъ разоритель мой,
Вонъ пріѣхалъ расплети косу,
Вонъ пріѣхалъ потеряй красу!
Говоритъ ей добрый молодецъ
Что не я вѣдь погубитель твой,
Что не я вѣдь разоритель твой,
И не я же расплети косу
И не я же потеряй красу!
Погубитель-то твой батюшка,
Разорительница матушка,
Расплети-то косу сваханька,
Потеряй красу Парашенька!

И такъ, одна изъ причинъ найдена—это сваха, корень, такъ сказать, всему злу. И сваху начинаютъ чествовать.

9.

Приходила сваха смутница,
Приходила-то разлучница;
Уговаривала батюшку,
Уговаривала матушку,
Чтобы за мужъ меня отдали
Въ чужой домъ, въ семью не милую!
На несчастье согласилися
Мои батюшка и матушка,
Запоручили несчастную
Въ запоруки-то за крѣпкія.
Какъ чужой-то отецъ съ матерью
Хуже лютаго татарина:
Будятъ бѣдную до зорюшки,
Заставляютъ прясть всю ноченьку!
Какъ сватуньѣ-то разлучницѣ
Лихорадку бы трехлѣтнюю,

Затрясло-бъ ее въ могилушку;
Умереть бы ей безъ ладона,
Положить ее безъ савана
И поставить бы поверхъ земли.
И въ аду-бъ ей мѣста небыло!

И за дѣло! Потому что расписывали эти свахи и богатство и хорошую жизнь, а на самомъ-то дѣлѣ, послушаешь, что вышло:

10.

Ты, злодѣйка, злодѣй сваханька!
Ты ходила къ намъ частехонько,
Говорила рѣчь смирнехонько
И хвалила чужу сторону:
Что чужая-то сторонушка
Слаще меду, слаще патоки;
Что домокъ-то богатехонекъ,
Женишекъ-то хорошехонекъ.
У нихъ дворъ-то на полуверстѣ,
На дворѣ-то баня новая;
У нихъ три поля запаханы,
Они сахаромъ засѣяны,
Сладкой водочкой поливаны,
Виноградомъ огорожены!
Ужъ я вышла—оглядѣлася
А домишко-то бѣднехонекъ;
Женишишко-то дурнехонекъ;
А дворишка не покрытъ стоитъ;
На дворѣ гнилая банишка,
Всѣ углишки отвалилися!
У нихъ три поля запаханы,
Горей нуждой огорожены,
Слезой горькою поливаны!

Такія пѣсни приводили невѣсту въ самое тяжелое настроеніе духа. Вся горесть ея изливалась въ слѣдующихъ пѣсняхъ, изъ которыхъ въ первой невѣста оплакивала свою красоту, въ двухъ другихъ сирота—невѣста въ ожиданіи благо-

словенія образомъ, часть обряда, которымъ одинаково дорожили, какъ въ простомъ быту, такъ и въ высшемъ обществѣ, съ грустью вспоминала о томъ, что некому исполнить надъ ней этотъ великій актъ:

11.

Красота моя красотушка,
Красота ты моя дѣвичья!
Мнѣ куда тебя дѣвать будетъ?
Въ темный лѣсъ пустить—заблудишься;
Пустить въ поле—загуляешься;
А въ лугахъ ты затеряешься;
На рѣку пустить—утопишься.
Ужъ ты взвейся, красота моя,
Выше лѣса, выше темнаго,
И ударься о сыру—землю;
Расшибись ты, красота моя,
Что по макову по зернышку,
Чтобы вышла моя матушка,
Подобрала бъ поскорѣй тебя
И посѣяла бъ въ своемъ саду;
Поливала бъ не рѣчной водой,
Не рѣчною, не колодезной,
А своей слезою горькою!

12.

Я пойду на колоколенку
И ударю въ большой колоколъ:
Не услышитъ ли радѣльница,
Моя матушка родимая,
Колокольный звонъ въ сырой землѣ;
Не откликнется ль на горькій плачъ
Своего дитя родимаго?
Я тогда скажу голубушкѣ
Про свое горе—несчастіе,
Что меня ужъ за мужъ собрали
И что завтра поведутъ къ вѣнцу,

И наѣдутъ гости званые,
Все чужіе мнѣ, не милые!
Лишь тебя одной, кормилица,
Тутъ не будетъ на пиру моемъ—
Не глядѣла бы на бѣлый свѣтъ!
И отпуститъ меня въ Божій храмъ
Къ дѣлу страшному великому
Мать чужая посаженая!
Не прошу у тебя, матушка,
Я ни золота, ни серебра,
А прошу, моя родимая,
Твоего благословенія:
Мнѣ оно дороже золота,
Мнѣ оно дороже серебра,
Дай его, моя радѣльница,
Сиротѣ несчастной, дочери!—

13.

Дорогой ты мой, родимый братъ!
Къ намъ гостей много наѣхало,—
Что одной-то гостьи нѣтъ какъ нѣтъ,
Моей матушки—радѣльницы!
Нарядить-то меня есть кому,
Проводить-то меня некому.
Ты сходи, братъ, въ церковь Божію
И ударь ты въ звонкій колоколъ,
Не простонетъ-ли сыра—земля,
Не дрогнетъ-ли гробова доска,
Не распахнется-ль злата парча
И не встанетъ-ли родимая
Къ часу этому великому,
Къ моему благословенію?
Нужно ѣхать къ суду Божьему
И стоять подъ золотымъ вѣнцомъ,
Обручаться съ женихомъ кольцомъ.

Наступилъ день свадьбы. Подруги собрались, чтобы одѣть невѣсту къ вѣнцу и проститься съ ней. Чувство горести у

невѣсты достигаетъ высшаго предѣла и она обращается къ подругамъ:

14.

Ахъ, вы, милыя подруженьки,
Вы, подружки задушевныя!
Разскажу я вамъ, подруженьки,
Про свое горе великое:
Меня батюшка и матушка
Запоручили чужимъ людямъ!
Мои ноги подкосилися,
Мои руки опустилися,
Голова съ плечей скатилася,
Мое сердце не ворохнется,
Оно кровью обливается,
Съ горя въ камень обращается!
Подкосили меня бѣдную
Отецъ съ матерью безъ жалости!
И теперь, мои подруженьки,
Ожидаю часа горькаго!
Скоро будетъ ко мнѣ свахонька,
Преспѣсивая, ломливая,
И сорветъ съ меня, подруженьки,
Красоту съ дѣвичьей гордостью!
Такъ окончится, бѣдняжечки,
Жизнь веселая, безпечная!
Не попомните же, милыя,
Вы ни зла мово, ни трубостей,
Неумышленныхъ досадъ моихъ!
Красота моя минуется,
Съ грязью черною смѣшается,
Съ черной грязью подорожною,
Съ подорожною, съ подножною.

Послѣ этого подруги начинали расплетать косу у невѣсты, при чемъ невѣста пѣла:

15.

Ты, коса ли моя косанька,
Ты, коса ли моя русая!

Я тобою красовалася,
Передъ всѣми похвалялася!
Тебя, косу, расплести хотятъ
И покрыть бабьимъ повойникомъ.
Красота ты моя дѣвичья!
Разлучить съ тобой на вѣкъ хотятъ.
Моя волюшка минуется,
Ни когда и не воротится,
Ты, родная моя матушка,
Не давай имъ косу русую,
Не давай имъ красоту мою
И привольную жизнь дѣвичью!
Ты прижми меня къ груди своей,
Разскажи какъ жить въ чужихъ людяхъ,
У чужаго отца съ матерью,
У чужаго роду-племени.
Вѣдь чужія-то отецъ и мать
Безъ вины будутъ журить, бранить,
Безъ мороза сердце вызнобятъ,
Безъ бѣды глаза повыколютъ!
Ноетъ сердце мое бѣдное!
Я пойду-ли во зеленый садъ:
Ужъ не блекнетъ ли цвѣточекъ мой
И не вянетъ ли вѣночекъ мой?
Упади-тко, дорогой вѣнокъ,
У роднаго отца милаго,
У моей родимой матушки
Въ зеленомъ саду подъ яблонью.

Послѣ расплетенія косы, невѣста обращалась за благословеніемъ къ родителямъ, при чемъ голосила уже, а не пѣла:

16.

Благослови меня, мой батюшка,
Благослови, родная матушка,
Дорогимъ благословеніемъ
И родительскимъ крестомъ своимъ!
Мнѣ вѣдь нужно въ церковь ѣхати,

Къ суду Божьему великому,
Къ дѣлу страшному, священному,
Подъ тяжелый золотой вѣнецъ,
Обручаться перстнемъ съ суженымъ,
Предъ налоемъ стоять съ ряженымъ,
Обвѣнчаться съ нимъ и ѣхать въ домъ
Ко чужимъ людямъ безжалостнымъ.
Я прошу, родная матушка,
Взять съ собою всѣхъ родныхъ моихъ,
Но пускай они не сердятся,
Какова имъ честь покажется!
Не у милаго я батюшка,
Не у милой я у матушки—
Угощать буду въ чужихъ людяхъ,
Не въ своемъ высокомъ теремѣ.—

Теперь оставалось только ѣхать подъ вѣнецъ. Пока у невѣсты происходили такіе сборы, женихъ также провожалъ съ товарищами свою холостую жизнь. Наканунѣ свадьбы у него собирались на *мальчишникъ* его знакомые и товарищи, пили и пѣли пѣсни, только не такія печальныя, какъ у невѣсты. Затѣмъ провожали его въ послѣдній разъ въ баню. Въ богатыхъ домахъ и въ баню и изъ бани жениха несли на носилкахъ, съ пѣснями, шумомъ и гамомъ.

Наконецъ наступалъ торжественный часъ. Къ жениху собрались его товарищи и родные и онъ торжественно благословленъ образомъ. Послѣ благословенія поютъ *Достойно есть* и женихъ со всѣми друзьями, съ сватомъ и свахой, отправлялся въ домъ невѣсты. Невѣста, уже благословленная образомъ, съ расплетенной косой, сидѣла въ переднемъ углу, безъ слезъ, потому что отъ безсонницы и сильнаго волненія слезы высохли. На столѣ лежалъ хлѣбъ и соль и стоялъ квасъ. Пріѣзжіе гости, помолившись и раскланявшись, садились по лавкамъ, при чемъ ихъ угощали виномъ, но подарки дѣлали только свату и свахѣ, а отдаривать не полагалось. Не много

погодя, сватъ вставалъ и обращаясь къ родителямъ невѣсты, говорилъ: „Сватушко и свахонька! благословите!“ На это родители отвѣчали: „Ну, Богъ благословитъ, сватушко!“ Послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ родителями, сватъ отрѣзывалъ краюшку хлѣба (всегда бѣлаго), посыпалъ ее солью, поливалъ квасомъ и завертывалъ въ носовой платокъ. Всѣ вставали съ своихъ мѣстъ и начинали пѣть „Достойно есть.“ Невѣста въ послѣдній разъ прощалась съ родителями, родственниками и подругами. Между тѣмъ какъ производилась эта церемонія, дружка съ образомъ обходилъ весь поѣздъ, какъ со стороны жениха, такъ и невѣсты. Вышедшая невѣста, сваты и свахи, женихъ и поѣзжане отправлялись въ церковь.

При одѣваньи невѣсты соблюдались еще такого рода обычаи: если у невѣсты были холостые братья, то непремѣнно одинъ изъ нихъ обувалъ ее; въ противномъ случаѣ отецъ; въ правый башмакъ клали золотыя деньги, чтобы жили богато; серьги вдѣвала ей замужняя сестра или ближайшая родственница, которая хорошо жила съ своимъ мужемъ; салопъ или накидку подавалъ ей отецъ или заступающій его мѣсто. Какъ жениха, такъ и невѣсту подпоясывали обрывкомъ невода и клали имъ въ карманъ песку или маку отъ порчи. Отъ порчи же въ передъ вѣнчальнаго платья невѣсты втыкали три иголки, обломавши у нихъ ушки. Когда ѣхали къ вѣнцу, то иногда по дорогѣ черезъ улицу протягивали канатъ, требуя выкупа; дѣлалось это въ томъ случаѣ, когда невѣста выходила за мужъ на сторону.

Между тѣмъ приданое невѣсты отправлялось въ домъ жениха и вообще туда, гдѣ полагалось жить молодымъ. У богатыхъ это сопровождалось большими церемоніями—приданое везлось по возможно большему числу улицъ, на лошадяхъ, украшенныхъ лентами,—на первой повозкѣ непремѣнно везли перину. По пріѣздѣ отъ вѣнца новобрачные встрѣчались родителями молодаго съ хлѣбомъ-солью и образами въ

рукахъ. Новобрачная, вошедши въ домъ, клала по три земныхъ поклона предъ каждою иконою и по три же раза цѣловалась съ своими новыми родителями—свекромъ и свекровью. При этомъ ей дѣлались подарки, состоящіе изъ платка, шали и т. п., смотря по состоянію. Это называлось *вскрыть невѣсту*, хотя обычай покрыванія невѣсты фатой вышелъ уже изъ употребленія. Потомъ новобрачныхъ усаживали за столъ и сватъ, вынувъ изъ платка завернутую краюшку хлѣба, предлагалъ имъ прежде всего съѣсть ее всю. Въ то время какъ молодые трудились надъ горбушкой, *поѣзжане*, т. е., лица, сопровождавшіе ихъ въ церковь, поздравляли хозяевъ съ новобрачными, цѣловались и обмѣнивались взаимными поздравленіями. Наконецъ краюшка съѣдена—поѣзжане садились за столъ. Начиналась суматоха: всякому лестно сѣсть поближе къ молодымъ. Но дружка и сватъ со стороны жениха тщательно наблюдали, чтобы не обидѣть гостя, посадивъ его ниже, и потому, зная всѣхъ гостей лично, усаживали по старшинству, близости родства, богатству и степени уваженія въ обществѣ. При этомъ происходили иногда курьезные случаи. Вотъ, наприм., Филимонъ Дементьевичъ, пылкій юноша, пренебрегающій заведенными порядками, усѣлся, не бывши даже родственникомъ, рядомъ съ женихомъ. Дружа замѣчаетъ: „Филимонъ Дементичъ! Выдь-ко, тутъ есть постарше тея!“ Филимонъ Дементьевичъ подвигается на мѣсто ниже. Сватъ обращается къ нему: „Поотодвинь-ко-са! Вотъ троюродный братъ!“ Затѣмъ явились крестовый братъ, сынъ близкаго сосѣда, сынъ бурмистра, старосты и т. д., такъ что въ концѣ концовъ бѣднаго Филимона Дементьевича съ перваго мѣста оттѣснили къ самымъ дверямъ. Тутъ ужъ онъ не выдержалъ и не взирая на презрѣніе къ предразсудкамъ толпы, взбѣшенный удаляется совсѣмъ, не желая служить посмѣшищемъ, по его выраженію. Наконецъ гости усѣлись. Въ богатыхъ домахъ подавали чай, а въ незажиточныхъ прямо обѣдъ или

ужинъ, какъ угодно—это здѣсь одинаково носило названіе *столъ*. Послѣднимъ блюдомъ былъ жареный гусь, безъ котораго не могла обойтись ни одна сватьба. Но передъ этимъ гусемъ гости развеселились уже достаточно и вотъ являлись, такъ называемые, *тройки;* мужчинамъ наливали у богатыхъ стаканъ вина, стаканъ меду и стаканъ пива, а у незажиточныхъ два стакана вина и стаканъ пива; а женщинамъ медъ, пиво и вино. Женщины подходили къ мужьямъ, прося избавить ихъ отъ вина, а тотъ въ свою очередь просилъ избавить отъ меда или пива. Выпивши они должны были подсластить, т. е., поцѣловаться—приходилось и старикамъ вспоминать свою молодость (на балахъ у богатыхъ такъ же пились эти тройки). Дѣлалось это для того, чтобы, какъ говорится, гусь запѣлъ.—Какъ скоро являлся жареный гусь, новобрачный вставалъ съ своего мѣста, прощался съ поѣзжанами и отправлялся звать *гостей опослѣнныхъ*, т. е., тестя съ тещей, всѣхъ сродниковъ, ближнихъ и дальнихъ, и ихъ близкихъ сосѣдей, съ которыми водили хлѣбъ-соль. Новобрачная уходила въ это время переодѣться. Послѣ обѣда поѣзжане тотчасъ отправлялись домой и собирались гости опослѣнные.

Новобрачная снова сидитъ на своемъ мѣстѣ; гости въ безпорядкѣ. Но вотъ явился новобрачный, и сватъ съ дружкой усаживали всѣхъ за столъ, строго соблюдая мѣстныя приличія и условія при занятіи мѣста гостями.

Столъ кончился. Новобрачныхъ отправляли спать и запирали на замокъ. Близкіе родственники оставались—только отецъ и мать новобрачной не имѣли права оставаться. Начиналась попойка въ полномъ смыслѣ этого слова: пѣсни, крикъ, визгъ, брань и всякаго рода неистовства продолжались всю ночь. Утромъ сваха со стороны новобрачнаго объявляла потихоньку, что *все благополучно*.

Новобрачный отправлялся въ домъ тестя и тещи, благодарилъ ихъ за воспитаніе дочери ихъ земнымъ поклономъ и

просилъ къ себѣ въ гости. Начиналась снова попойка, но уже въ большихъ размѣрахъ, потому что все благополучно. Тутъ горшки, чашки, ложки, рюмки, стаканы, все летѣло въ дребезги отъ руки каждаго. Однако хозяева посмѣтливѣе убирали, что получше, а оставляли только, чего нельзя было убрать или можно отдать безъ сожалѣнія на избіеніе. Около полудня пьяныя бабы съ первой свахой во главѣ, пришивъ къ платью въ разныхъ мѣстахъ розовыя ленты, ѣздили и ходили по улицамъ, стуча въ заслоны и худыя сковороды, чтобы дать жителямъ знать, что у нихъ все благополучно. Къ фабрикантамъ приходили въ это время рабочіе и приносили гуся или индюшку, убранную лентами. Фабрикантъ щедрой рукой давалъ имъ денегъ, вслѣдствіе чего пьяные рабочіе большими артелями торжественно ходили по улицамъ, неся впереди пунцовый флагъ съ вензелевымъ изображеніемъ имени новобрачныхъ, распѣвали пѣсни, плясали и тутъ же выпивали, такъ какъ несли съ собой и водку въ ведрѣ.

Къ вечеру, проведенная безъ сна ночь, излишнее употребленіе спиртныхъ напитковъ и энергическія тѣлодвиженія до того утомляли пирующихъ, что они расходились по домамъ и брачное пиршество этимъ заканчивалось.

Случается, хотя очень рѣдко, такъ какъ не доводятъ этого до всеобщаго свѣдѣнія, что бываетъ и не все благополучно. Тогда на другой день тестю и тещѣ подносили водку въ стаканѣ, дно котораго было просверлено—старики знали, что это обозначало и молчали. Тутъ на *чорномъ столѣ* соблюдалась всевозможная благопристойность и посуды не били и пѣсенъ не было слышно, и пунцовый флагъ не развѣвался.

Въ первое воскресенье послѣ свадьбы новобрачные въ сопровожденіи сватовъ и свахъ отправлялись въ свою приходскую церковь къ обѣднѣ и приглашали къ обѣду однихъ только близкихъ родственниковъ. Это назывался *выводной столъ*. Затѣмъ для молодыхъ начиналась обыденная жизнь.

Такъ жили Ивановцы до реформы 1861 года. Начиная съ этого момента, дѣлается крутой поворотъ отъ старины къ новшествамъ. Всѣ эти обряды и обычаи или совсѣмъ оставлены или держатся въ сильно измѣненномъ видѣ. И немудрено, Иваново пережило двѣ реформы—отмѣну крѣпостнаго права и переименованіе изъ села въ городъ. Новыя условія жизни, усиленный притокъ новыхъ жителей съ другими взглядами, распространеніе образованія—все это заставляетъ старину, держащуюся, благодаря темнотѣ массы, уходить въ закоулки и держаться въ сторонѣ отъ свѣта. Обращаемся къ исторіи села Иванова и Вознесенскаго посада.

Приложеніе къ II главѣ.

Сборникъ примѣтъ и повѣрій въ бывшемъ селѣ Ивановѣ и народный календарь.

Когда распаяется обручальное кольцо—несчастно жить всю жизнь,—этимъ будто-бы распаяется счастье.

Чихнуть во время разговора—значитъ, что говорятъ правду.

Разстегнется серьга—осудили.

Когда нападетъ дремота не во время—будутъ неожиданные гости.

Во время рукобитья или помолвки женихъ или невѣста за порогъ запнутся—разстроится свадьба.

Ножикъ или вилка упадетъ на полъ—къ непріятнымъ гостямъ.

Нечаянно уколешься булавкой или кто уколетъ при одѣваньи—кто нибудь влюбится.

Пальцы на рукахъ чешутся—къ полученію письма.

Ноздри чешутся—слышать о новорожденномъ младенцѣ,—правая—мальчикъ, а лѣвая—дѣвочка.

Услышишь нечаянно запахъ ладона—знакомую умершую душу пронесли; тогда три раза крестятся и желаютъ царства небеснаго.

Встрѣча съ попомъ—недобрый знакъ; чтобы избѣжать непріятнаго, бросаютъ въ слѣдъ ему булавку и тогда все будетъ хорошо.

Увидавъ монаха, стараются три раза поклониться, хотя бы онъ и не замѣтилъ этого, потому что не ему кланяются, а ангеламъ, которые за нимъ ходятъ.

Три раза чихнуть—исполненіе желанія, а больше ничего не значитъ.

Поднять съ полу иголку или булавку—нужно три раза перекреститься и потомъ взять, а то поднимешь горе.

Во время первой заутрени въ Свѣтлое Христово Воскресеніе берутъ отдѣльно деньги и когда священникъ въ первый разъ говоритъ: Христосъ Воскресе!, отвѣчаютъ: и деньги здѣсь!; отъ этого деньги будутъ вестись цѣлый годъ.—

Когда животъ чешется—мужчины хвалятъ, а когда спина—женщины.

Когда женщина рождаетъ и узнаетъ объ этомъ мать или дѣвица, тогда она лишнее время будетъ страдать и трудно родитъ.

Чужая вошь въ головѣ—къ большой печали.—

Когда женщина долго не можетъ разрѣшиться, просятъ священника отворить царскія двери.—

Когда заяцъ перебѣжитъ дорогу—не будетъ ни въ чемъ успѣха.

Бѣлье, фартукъ или платокъ надѣть на изнанку—битой быть.

У башмака развяжется ленточка—кто нибудь не хвалитъ.

Загнется у подола рубецъ—къ прибыли.

Правое ухо горитъ—говорятъ правду, а лѣвое—ложь.

Переносье и слѣды чешутся—слышать о покойникѣ.

Брови чешутся—къ свиданію: правая—съ родными, лѣвая—съ знакомыми.

Въ ушахъ звенитъ—къ вѣстямъ.

Плюнешь на себя нечаянно—къ напраслинѣ.

Поперхнешься чаемъ или хлѣбомъ—гости скоро будутъ.

Подъ колѣнами чешется—къ дальней дорогѣ.

Съ человѣкомъ не очень хорошо знакомымъ три раза встрѣтиться въ одинъ день—къ свадьбѣ, а если у нихъ нѣтъ дѣтей, то который нибудь изъ нихъ скоро умретъ.

Затылокъ чешется—къ подзатыльнику.

Голова чешется—къ горю.

Вши заведутся въ головѣ—къ деньгамъ.

Блоху или клопа снять съ платья—къ благополучію.

Потерять крестъ съ шеи, поясъ или подвязку—кто нибудь зло дѣлаетъ.

Не узнаешь издали знакомаго голоса—къ его или своей смерти.

Колокола звонятъ неправильно—къ пожару.

Старая мебель трещитъ—къ близкому покойнику.

Самоваръ шумитъ на разные тоны—къ пріятному гостю.

Въ печкѣ дрова трещатъ—къ вѣтру.

Ворона, галка или голубь упадутъ въ трубу—въ этотъ день будетъ очень весело.

Корова ночью замычитъ или лошадь заржетъ—къ семейной ссорѣ.—

Лбомъ ударишься съ кѣмъ-нибудь—къ родству.

Заговоришь въ одно время съ кѣмъ-нибудь—къ нечаянной радости.

Сердце радуется—къ счастью, а замираетъ—къ огорченію.

При гостяхъ стаканъ, рюмку или тарелку расшибешь—къ веселью и полному благополучію.

Кошкѣ хвостъ прихлопнуть въ дверяхъ или наступить на него—къ сплетнямъ.—

Если собака на дворѣ лежитъ растянувшись—къ теплу, а свернувшись—къ морозу.

Кошка лапой морду моетъ—къ гостямъ.

Вороны въ снѣгу купаются—къ оттепели.

Чужая лошадь, корова или курица на дворъ забѣжитъ—къ прибыли.

Птица на платье нагадитъ—къ несчастью.

Когда говорятъ: „вы пополнѣли," надо свой языкъ положить между зубами и прикусить немного, чтобы не сглазили.

Птицы ощипываются—къ дурной погодѣ.

Когда позѣваютъ, три раза крестятъ ротъ, чтобы чертенокъ не влетѣлъ.

Послѣ умершаго въ сороковой день всѣхъ родныхъ и знакомыхъ дарятъ по состоянію, на поминъ его души.

Упадетъ перочинный ножикъ и воткнется въ полъ, значитъ, тайный врагъ есть; тогда обводятъ его три раза пальцемъ и избавляются будто бы отъ врага, потому что зло, которое онъ замышляетъ сдѣлать, обращается на него.

Переглянуть черезъ уголь—угри на лицѣ будутъ.

Мѣсяцъ увидать съ правой стороны—къ хорошему, а съ лѣвой—къ дурному.

Дѣтей лечатъ при ущербѣ мѣсяца, скорѣе пройдетъ болѣзнь.

Если дитя очень худо—продаютъ его въ окно нищей старухѣ за копѣйку мѣди и эту копѣйку берегутъ и умываютъ съ нея, чтобы ребенокъ пополнѣлъ (за это нищей платятъ деньги).

Когда ячмень на глазу, берутъ чернаго хлѣба, теплаго, вытираютъ имъ глазъ и бросаютъ собакѣ, будто бы ячмень переходитъ къ ней. Или же показываютъ ячменю кукишъ съ словами: „ячмень, ячмень! На вотъ тебѣ кукишъ, чего хочешь, купишь; купи себѣ топорокъ, руби себя поперегъ."

Отъ насморка лечатся кошачьимъ хвостомъ: поковыряютъ имъ въ носу и насморкъ переходитъ къ кошкѣ; или сморкаются чужимъ платкомъ, тогда насморкъ перейдетъ къ владѣльцу платка.

Вытираютъ больнаго чистой тряпкой и бросаютъ ее посреди дороги: кто подниметъ, на того перейдетъ болѣзнь.

Если умираютъ дѣти, то къ новорожденному берутъ перваго встрѣчнаго въ воспріемники, кто бы онъ ни былъ, и тогда ребенокъ будетъ жить.

Во время соборованія масломъ трудно больнаго, замѣчаютъ: если масло взойдетъ въ тѣло, то будетъ живъ, а если нѣтъ, то умретъ.

Когда покойникъ закроетъ глаза не плотно, тогда непремѣнно еще кто-нибудь умретъ въ домѣ въ теченіи года.

Если гробъ сдѣлаютъ длиннѣе роста—къ новому покойнику.

Кроликовъ въ домѣ не держатъ: они приносятъ несчастіе.

Лѣвой ногой встанешь съ постели—къ неудачѣ и грустному расположенію духа, а правой—къ успѣху.

Когда упадетъ волосъ съ рѣсницы, кладутъ его на грудь—непремѣнно будетъ подарокъ.

Обрѣзывая ногти, убираютъ ихъ, и когда умираютъ, то велятъ положить съ собою въ гробъ, будто бы они тамъ пригодятся для того, чтобы лѣзть на небо.

Когда потеряютъ дорогу, то надѣваютъ бѣлье задомъ на передъ или на изнанку—говорятъ, лѣшій обошелъ.

Три свѣчки на столѣ—къ родному покойнику; тринадцать человѣкъ за столомъ—тоже.

Когда родится младенецъ, сейчасъ посылаютъ за священникомъ дать молитву; а то никто не можетъ изъ дома выдти, тогда будто всѣ нечисты.

Когда сойдутся четверо знакомыхъ и подадутъ руки крестъ на крестъ—къ свадьбѣ.

Когда во время свадьбы птица ударится въ окно и расшибетъ его—къ неудачному супружеству.

Мышь пробѣжитъ среди комнаты—къ убытку.

Въ носу засвиститъ—къ разгулу.

Послышится окликъ и никого нѣтъ—кутить на чужой счетъ.

Голубь влетитъ въ комнату—къ находкѣ; а ворона или галка—къ потерѣ.

Когда невѣста ѣдетъ вѣнчаться, то выходя изъ-за стола, возьметъ уголъ скатерти и потянетъ его и задумаетъ на которую нибудь изъ своихъ подругъ, чтобы въ скоромъ времени вышла за мужъ, та непремѣнно выйдетъ.

Когда постелятъ при свадьбѣ подножіе, то невѣста старается первой встать на него, чтобы имѣть власть надъ мужемъ; встанетъ правой ногой, первый ребенокъ будетъ сынъ, лѣвой—дочь. Входя въ домъ мужа: говоритъ три раза: „я вамъ волкъ, вы мои овцы, бойтеся и любите меня.“ Войдя въ комнату смотритъ въ передній уголъ, если увидитъ свѣтлое, то будетъ жить счастливо, а если темное—то на оборотъ; говорятъ, будто въ это время всегда покажется то или другое.

Новобрачная лечь спать старается первая и не закрывается одѣяломъ, ждетъ, чтобы мужъ одѣлъ; если онъ одѣнетъ, тогда весь вѣкъ будетъ наряжать ее, а не одѣнетъ, тогда будетъ во всемъ отказывать.

Переходя въ новый домъ, убиваютъ кошку, собаку или птицу, чтобы изъ семейства никто не умеръ; если же этого не сдѣлаютъ, тогда будетъ покойникъ.

Вороны каркаютъ—къ дурной погодѣ.

Подавши кому соль, нужно улыбнуться, а то поссоришься.

Послѣ шумнаго разговора вдругъ всѣ замолчатъ, значитъ, родился воръ или пьяница.

Если за столомъ ножикъ нечаянно положишь остріемъ къ тому, съ кѣмъ рядомъ сидишь—къ непріятностямъ.

Просятъ у беременной женщины руку; если она подаетъ вверхъ ладонью, то будетъ у нея дочь, а если внизъ—сынъ.

Когда маленькій ребенокъ очень кричитъ, говорятъ: „у него щетинка;“ тогда дѣлаютъ изъ чернаго хлѣба съ медомъ шарики, катаютъ ими по спинкѣ ребенка и щетинка остается въ шарикахъ.

Когда молятся Богу, то ставятъ ноги такъ, чтобы онѣ прикасались одна къ другой, а не то дьяволъ будетъ проскакивать во время молитвы.

Кладя земные поклоны, руки дѣлаютъ крестомъ правую на лѣвую, а то тоже дьяволъ скачетъ.

Не держатъ въ комнатахъ собакъ—это страшный грѣхъ, потому что на ней шерсть дьявольская: Богъ сотворилъ ее голой, дьяволъ плюнулъ и выросла шерсть.

Если упадетъ образъ или картина со стѣны—къ близкому покойнику.

Когда у ребенка выпадетъ первый зубъ, бросаютъ его подъ печку и говорятъ: „мышка, мышка! поиграй да опять отдай!“

Когда волосы остригутъ и бросятъ въ печь—голова будетъ болѣть.

Если волосы унесетъ птица на гнѣздо—хворать будешь.

Плевать въ печь, когда она топится—памяти не будетъ.

Трещитъ свѣтильня на свѣчкѣ—къ нечаянному гостю.

Если курица подойдетъ и щипнетъ за платье—къ подарку.

Чтобы не бояться покойниковъ, нужно взять одного за голую ногу и бояться не будешь.

Сверчки заведутся въ домѣ—кто нибудь изъ семейства будетъ трудно боленъ.

Первое пасхальное яичко берегутъ цѣлый годъ и если кто захвораетъ, тогда разобьютъ его и даютъ больному маленькій кусочекъ въ водѣ; оно никогда будто бы не испортится, а только высохнетъ.

Во время перваго удара въ колоколъ къ Свѣтлой заутрени, стараются положить три земныхъ поклона съ словами: „Господи, исполни мое такое-то желаніе“ и желаніе это исполняется.

Кому хотятъ сдѣлать зло, ставятъ предъ образомъ Спасителя свѣчку верхомъ въ низъ, и этотъ человѣкъ высохнетъ.

Если человѣкъ пропадаетъ безъ вѣсти, заказываютъ панихиду,—тогда онъ соскучится и придетъ.

Языкъ свой укусишь нечаянно—кто нибудь тоскуетъ и вспоминаетъ.

Икота сдѣлается—тоже.

Если мужъ не любитъ жену или жена мужа, тогда покупаютъ 40 свѣчъ и просятъ священника ставить каждый день по свѣчкѣ за престолъ и класть по три земныхъ поклона за здравіе обоихъ,—также просятъ его перемѣнить снурокъ лампады надъ святыми вратами и зажигать лампаду ихъ ровно 40 дней; тогда непремѣнно будетъ любить.

Когда желаютъ, чтобы влюбился тотъ человѣкъ, который нравится, берутъ двѣ иголки и вкалываютъ ихъ на незамѣтномъ мѣстѣ одну противъ другой, продѣваютъ въ ихъ ушки нитку и завязываютъ ее крѣпко узлами, тогда онъ живой, какъ говорится, сгоритъ по этой личности.

Муха или комаръ влетитъ въ ротъ—мужъ невѣренъ.

Поясъ завяжется узломъ—кто нибудь тайно любитъ.

Когда во время вѣнчанья у жениха свѣча погаснетъ, то онъ первый умретъ; если же у невѣсты, то она.

Во время родовъ зажигаютъ вѣнчальную свѣчу, чтобы легче были роды.

Если у женщины красивыя руки—будетъ вдовѣть.

Губы сохнутъ и трескаются—къ несчастью.

Яблони два раза цвѣтутъ—тоже.

Послѣ 12 часовъ ночи не пьютъ ни воды, ни квасу—грѣшно.

Встаютъ за полчаса до заутрени и молятся Богу; говорятъ, въ это время Ангелъ летитъ на небо и передаетъ Господу добрыя дѣла человѣка; если же не помолятся, тогда онъ плачетъ, а дьяволъ радуется.

Кто родится въ маѣ или обвѣнчается, тотъ будетъ маяться всю жизнь.

Когда двое смотрятся въ одно время въ зеркало—разсорятся непремѣнно; также угри переходятъ съ одного лица на другое.

Даютъ имя новорожденному на восьмой день, чтобы онъ былъ имянинникъ послѣ этого дня, если раньше или позднѣе дать—грѣшно.

Если въ Благовѣщенье красный день бываетъ, то примѣчаютъ, что въ этотъ годъ должны быть большія грозы и много пожаровъ.

Когда въ мясное заговѣнье передъ масляницей идетъ снѣгъ, то въ будущее лѣто будетъ большой урожай грибовъ.

Если предъ масляницей сплошная недѣля ясная, то ожидать хорошаго урожая пшеницы; ненастная же предвѣщаетъ неурожай.

Когда хлѣбъ цвѣтетъ начально снизу колоса, то цѣна будетъ низкая, съ середины—средняя, а сверху—высокая.

Темные святки предвѣщаютъ темный хлѣбъ (урожай), свѣтлые же—свѣтлый (плохой урожай).

Если хотятъ узнать, что родитъ беременная женщина, то вырываютъ траву кукушкины слезы; когда найдутъ у нея двойной корешокъ, то родится дѣвочка, если же тройной—то мальчикъ.

Святки звѣздные обѣщаютъ хорошій приплодъ ягнятъ.

Когда обновится курица, то взвѣшиваютъ три первыя яйца: если первое окажется тяжелѣе послѣднихъ, то пахать яровое надо раньше; если второе—нѣсколько позднѣе; если же третье—нужно еще позже пахать.

Когда буковникъ (трава буковица) будетъ въ полномъ цвѣту (это бываетъ въ половинѣ августа)—пора начинать пахать подъ озимое.

Хорошій цвѣтъ рябины предвѣщаетъ добрые урожаи овса.

Если вѣнчаютъ свадьбу въ ненастный день, то молодые будутъ жить богато, въ ясный—бѣдно.

Когда во снѣ видишь, что выпалъ коренной зубъ—умеръ близкій родственникъ.

Если зимой, во время большихъ морозовъ, пѣтухи запоютъ несвоевременно, предвѣщаетъ тепло.

Когда свинья необыкновенно захрючитъ, означаетъ сильное ненастье: лѣтомъ дождь, а зимой снѣгъ.

Когда ведутъ изъ церкви новобрачныхъ въ вѣнцахъ съ зажженными свѣчами, то примѣчаютъ, у кого прежде погаснетъ свѣча, тотъ скорѣе умретъ.

Если весной первая вода сильнѣе, то засѣвы яроваго нужно дѣлать раньше, если же послѣдняя вода сильнѣе, то и засѣвы должны быть позже.

Когда весной бываетъ на ели много шишекъ, означаетъ хорошій урожай льна, если же мало—плохой.

На Пасхѣ въ пятницу говѣютъ отъ комохи или лихорадки.

Если зимой въ свѣтцѣ отъ лучины стрекаетъ уголь, то предвѣщаетъ морозъ, а когда дымъ вьется кольцомъ, то къ теплу.

Если дрова въ печи развалятся и упадутъ впередъ—прибудутъ родные.

Когда курица поетъ пѣтухомъ, предвѣщаетъ въ дому несчастье.

Если черные тараканы поползутъ изъ дому, то означаетъ близкій пожаръ.

Когда въ дому заведется много мышей и повредятъ платье и другія вещи, это предвѣщаетъ дому несчастье.

Когда трещитъ въ домѣ матица, то выживаетъ изъ дому жителей.

Если трещитъ столъ, предвѣщаетъ въ домѣ покойника.

Народный календарь.

4 Марта. Герасима грачевника. Прилетаютъ первые грачи.

7 Марта. Василія капельника. Начинаетъ капать съ крышъ растаявшій снѣгъ.

17 Марта. Алексѣя водотека—съ горъ вода. Начинаетъ таять снѣгъ на поляхъ и вода стекать съ возвышеній.

19 Марта. Дарьи поплoвихи. Вода поплыветъ и на рѣкахъ начнутъ проявляться проруби.

25 Марта. Благовѣщенье. Птица гнѣзда не завиваетъ и съ этого дня не зачинаютъ никакой работы.

1 Апрѣля. Марьи Египетской—ключарницы. Весенніе ключи начинаютъ открываться.

2 Апрѣля. Тита ледокола. Ледъ на рѣкахъ проламывается.

3 Апрѣля. Никиты водопола. Иногда отъ ранняго открытія весны бываетъ въ этотъ день водополь.

Тоже. Орины ревуньи. Вода начинаетъ стекать съ полей въ рѣку.

7 Апрѣля. Серапіона ледолома. Ледъ въ рѣкахъ начинаетъ ломать.

8 Апрѣля. Родіона выверни оглобли. Начинается ѣзда на телѣгахъ.

11 Апрѣля. Антипы зубовника. Молятся отъ зубной боли.

16 Апрѣля. Орины урой горы или урви берега. Отъ сильнаго теченія воды во время водополи отрывается иногда земля отъ береговъ.

23 Апрѣля. Егорья въ поле скотогона (юрьевъ день весенній). Начинаютъ выгонять въ поле скотину.

3 Мая. Тимофея и Мавры. Послѣдніе зимніе заморозки, такъ называемые, зимніе поскребки.

5 Мая. Орины разсадницы. Начинаютъ высаживать въ гряды разсаду.

9 Мая. Николы съ кормомъ (Никола вешній). Скотъ можетъ питаться травой.

Тоже. Мученика Христофора, покровителя лошадей.

21 Мая. Константина и Олены сѣяльниковъ. Начинаютъ сѣять яровое.

29 Мая. Ѳедосьи колосавы или колосницы. Начинаетъ рожь колоситься.

12 Іюня. Онуфрія передерника. Поворотъ лѣта. День на убыль.

13 Іюня. Окулины гречушницы и задери хвосты. Начинаютъ сѣять гречу; скотъ въ полѣ бѣгаетъ отъ комаровъ и поднимаетъ хвостъ, чтобы отмахиваться.

23 Іюня. Огрофены купальницы, семиковой племянницы. Начинаютъ купаться въ рѣкахъ.

Тоже. Володимерской Богородицы. На этотъ день въ ночь собираютъ лечебныя травы.

24 Іюня. Ивана купальника или купалы. Тоже собираютъ въ ночь на этотъ день лечебныя травы.

14 Іюля. Онисима огурешника. Поспѣваютъ въ огородахъ огурцы изъ раннихъ посадокъ.

15 Іюля. Володимера крестильника.

16 Іюля. Тихона. Перестаютъ пѣть птицы.

20 Іюля. Ильинъ день. Молятся, чтобы грозой не убило.

30 Іюля. Ивана воинственника или воина. Молятся о тѣхъ, которые на войнѣ.

1 Августа. 1-й Спасъ. Перестаютъ купаться, потому что олень испортилъ воду, опустивши въ нее свои рога.

6 Августа. Преображенье Господне. Молятся, чтобы не было пожаровъ.

18 Августа. Фрола и Лавра, защитниковъ домашнихъ животныхъ.

8 Сентября. Рождество Богородицы. Кончается бабье лѣто (съ 1 Сентября).

1 Октября. Покровъ Пресвятыя Богородицы. Покрой поля снѣгами, а дѣвицы встрѣчаются съ женихами.

Тоже. Романа сладкопѣвца. Молятся, чтобы голосъ былъ хорошъ.

26 Октября. Дмитровская суббота—Поминовеніе усопшихъ въ день субботній передъ Дмитровымъ днемъ.

28 Октября. Прасковеи пятницы. Молятся отъ лихорадки. Пятница Прасковея, дай жениха поскорѣя.

1 Ноября. Кузьма и Доментіанъ. Молятся, какъ исцѣлителямъ отъ всѣхъ болѣзней.

13 Ноября. Ивана заговѣльника. Начало Филиппова поста (Филипповка).

21 Ноября. Введенье Богородицы. Первые морозы—Введенскіе.

26 Ноября. Егорья съ поля волковника. Рѣки съ мостомъ. Не работать, чтобы волки не съѣли. Юрьевъ день осенній. Загважживается—замораживается земля.

30 Ноября. Ондрея Первозваннаго съ мостомъ. Ондрей замостилъ рѣки льдомъ.

1 Декабря. Наума наставника. Начинаютъ дѣтей заучивать грамотѣ.

4 Декабря. Варвары великомученицы. Молятся отъ напрасной смерти.

6 Декабря. Николы зимняго. Вторые морозы—Никольскіе. Никола рѣки загвоздилъ морозомъ.

12 Декабря. Спиридона поворота—солнышко на лѣто, зима на морозъ. Прибыль дня на воробьиный шагъ.

25 Декабря. Рождество Христово. Третьи морозы—Рождественскіе.

26 Декабря. Давыда царя—пророка. Молятся, чтобы умилостивились враги: Помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его и укроти сердце такого-то.

1 Января. Василья гадательника—Васильевъ день. На этотъ день вечеромъ гадаютъ о будущей судьбѣ.

6 Января. Крещенье Господне. Четвертые морозы—Крещенскіе.

22 Января. Петра полукорма. Крестьяне съѣдаютъ половину хлѣба изъ своихъ запасовъ.

23 Января. Геннадія. Молятся въ этотъ день, чтобы Богъ далъ дѣтей, если ихъ нѣтъ.

24 Января. Оксиньи полухлѣбницы (тоже, что и 22 Января).

2 Февраля. Срѣтеніе Господне. Пятые морозы—Срѣтенскіе.

11 Февраля. Власья—покровителя домашнихъ животныхъ.

Глава III.

Мѣстное управленіе въ бывшемъ селѣ Ивановѣ и поземельныя отношенія между помѣщикомъ и крѣпостными.

Находясь въ крѣпостной зависимости отъ князей Черкасскихъ село Иваново управлялось до Петровскихъ временъ старостами, которые носили иногда званіе управляющихъ. Иваново вотчиной князей Черкасскихъ считалось уже въ XVII столѣтіи и надо полагать, что имъ дана была несудимая грамота, т. е., что они сами могли судить и рядить Ивановцевъ. Видно это между прочимъ изъ челобитной Шуянъ князю Черкасскому на Черкашенинова въ 1644 году,—его обвиняли въ такомъ преступленіи, которое должно быть разобрано государевымъ, а никакъ не помѣщичьимъ судомъ; другой актъ того же столѣтія—отписка управляющаго Ялагина тому же Черкасскому на жалобу Шуянъ. Для рѣшенія различныхъ спорныхъ вопросовъ и управленія устроенъ былъ приказъ или судная изба, гдѣ старосты и были судьями; канцеляристы въ этой избѣ носили названіе подъячихъ, что также указываетъ на самостоятельность Иванова въ судебномъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, только это и извѣстно о судѣ того времени, но какъ производился самый судъ, въ какомъ порядкѣ велось судопроизводство,—этого ничего не извѣстно. При Петрѣ введены были новыя административно-судебныя подраздѣленія, но въ большинствѣ случаевъ, оставлена была, особенно въ низшихъ

судебныхъ мѣстахъ, старина, получивши только новыя названія нѣмецкаго происхожденія. Такимъ образомъ, въ помѣстьяхъ крупныхъ сначала, а потомъ и мелкихъ по ихъ примѣру владѣльцевъ, являются бурмистры, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались и старосты для выполненія различныхъ обязанностей. Бурмистры обыкновенно завѣдывали вотчиной, а старосты были представителями извѣстныхъ сельскихъ обществъ, а въ вотчинномъ правленіи они завѣдывали сборомъ податей и носили названіе сборныхъ старостъ. Со второй половины прошлаго столѣтія имѣются уже болѣе полныя свѣдѣнія о мѣстномъ управленіи, которое представляется въ слѣдующемъ видѣ. Населеніе Иванова дѣлилось на три разряда: лица высшаго, средняго и низшаго состоянія. Къ первому принадлежали богатые фабриканты и торговцы; ко второму лица не слишкомъ зажиточныя, но самостоятельно занимающіяся фабричной или торговой промышленностью, и къ третьему—рабочій классъ такъ называемая „мірская голыдьба,“ промышляющій личнымъ трудомъ и имѣющій свою недвижимую собственность. Крестьянамъ, не имѣвшимъ въ Ивановѣ недвижимой собственности, не полагалось участвовать въ мірскихъ сходахъ, хотя они и несли тягло и были избираемы въ общественныя должности. Впрочемъ это не исполнялось и они участвовали на сходахъ съ правомъ голоса. Иваново дѣлилось на *выти;* каждая выть заключала въ себѣ 50 *тяголъ* и составляла главное мѣрило воловаго счета для сбора доходовъ по Ивановской вотчинѣ. Раскладка оброчной подати для помѣщика и на разные вотчинные и мірскіе расходы производилась по вытямъ. Нѣкоторые изъ богатыхъ фабрикантовъ платили свои окладныя повинности по $^1/_4$, $^1/_2$ и цѣлой выти съ одной семьи, заключающейся иногда въ трехъ-четырехъ крестьянскихъ тяглахъ. Вся судебная и административная власть находилась въ рукахъ выборнаго или судьи. Кромѣ выборнаго присылались иногда помѣщикомъ

управляющіе или выбирались имъ изъ дворовыхъ людей и крестьянъ села Иванова; управляющіе выбирались *до причины*, т. е., пока угодно было владѣльцу, они управляли, а затѣмъ по какимъ-нибудь причинамъ отставлялись. Управляющіе имѣли главенство надъ всѣми вотчинными дѣлами. Для полицейскаго управленія выбирался изъ крестьянъ, такъ называемый *дозорный* съ помощникомъ. Въ вѣдѣніи ихъ состояло 8 сотскихъ, 16 полусотскихъ и 48 десятскихъ. Для сбора податей избирался *сборный староста* съ помощникомъ, а для расхода вотчинныхъ суммъ *расходный* также съ помощникомъ. По вотчиннымъ и казеннымъ разнаго рода дѣламъ имѣлся повѣренный, снабженный довѣренностью отъ помѣщика и получавшій жалованье изъ крестьянскихъ суммъ. Центральное управленіе по разнымъ отраслямъ хозяйства состояло изъ *24 добросовѣстныхъ*, которые избирались изъ среды лучшихъ людей крестьянскаго общества. Они были въ родѣ уполномоченныхъ или, какъ ихъ называли въ Ивановѣ, *совѣтчиковъ*, вмѣстѣ съ выборнымъ или управляющимъ. На ихъ обязанности было производство имущественнаго и душеваго ценза; во время общественныхъ сходовъ они занимали первыя мѣста. Для учета приходовъ и расходовъ по вотчинѣ избирались иногда счетчики, которые провѣривши книги, вносили свои доклады черезъ выборнаго на сходъ. При вотчинномъ управленіи былъ *старшій земскій* (секретарь) съ потребнымъ количествомъ повытчиковъ или земскихъ, составляющихъ канцелярію. Управляющій получалъ жалованье большею частью изъ крестьянскихъ суммъ, а также и старшій земскій и повѣренный. Прочія выборныя лица рѣдко получали жалованье—выбирались обыкновенно на годъ. Для завѣдыванія имуществомъ и дѣлами малолѣтнихъ крестьянъ—сиротъ избирались на сходахъ опекуны, которые подавали свои отчеты выборному и отчеты эти просматривались или самимъ выборнымъ или добросовѣстными. Наконецъ, послѣдними

выборными лицами были *десятидворные.* Обязанность ихъ заключалась единственно въ созывѣ на сходъ. Они назначались выборнымъ на каждой улицѣ отъ десяти дворовъ.

Сущность дѣла при приглашеніи на сходы не объявлялась, да и самые вопросы ставились по желанію выборнаго или управляющаго. Богатые крестьяне или, по мѣстному выраженію, *первостатейные* и добросовѣстные сидѣли около выборнаго за столомъ, а остальные всѣ стояли не только въ комнатѣ, гдѣ было собраніе, но и въ сѣняхъ и даже на улицѣ, такъ какъ судная изба была небольшая; предложенія о разборѣ дѣлъ читались старшимъ земскимъ или объявлялись выборнымъ словеснымъ. Сбора голосовъ не было, а почти постоянно по совѣту добросовѣстныхъ и первостатейныхъ дѣла рѣшались согласіемъ прочихъ, посредствомъ крика голыдьбы: „согласны!“ Къ Иванову приписана была волость, которая состояла изъ деревень и оселковъ (поселковъ), а потомъ и селъ, въ количествѣ приблизительно 50. Волость имѣла своего выборнаго, добросовѣстныхъ и прочій штатъ служащихъ по примѣру вотчины. Каждую недѣлю, пріѣзжая на базаръ, волостной выборный творилъ кстати судъ и расправу надъ крестьянами, приписанными къ волости. Помѣщался онъ въ особой комнатѣ, потому что иногда приходилось и вотчинному и волостному выборнымъ одновременно производить дѣла, такъ что необходимо было волостному имѣть отдѣльное помѣщеніе. Судная изба или приказъ помѣщалась на углу базарной площади, въ концѣ нынѣшнихъ Мельничной улицы и Приказнаго переулка, противъ теплой Крестовоздвиженской церкви. Она была двухъ-этажная—въ первомъ этажѣ помѣщался архивъ вотчинныхъ дѣлъ и черная, т. е., правленская тюрьма, въ которой помѣщались крестьяне, арестованные мѣстными властями за разные проступки. Второй этажъ занятъ былъ собственно приказомъ—здѣсь происходили засѣданія вотчиннаго и волостнаго правленій и сборы сходовъ. Раздѣлялся

этотъ этажъ 1) на судейскую, гдѣ происходили засѣданія старшихъ членовъ управленія; 2) сборную, гдѣ помѣщались просители и канцелярія, и 3) сѣнную или прихожую. Изба эта цѣла до сихъ поръ и помѣщается на той же Мельничной улицѣ, хотя и не на старомъ мѣстѣ, и представляетъ собою одно изъ весьма не многихъ сохранившихся здѣсь строеній, которымъ насчитывается больше полутора-ста лѣтъ. Около 1830 года и раньше крестьянъ наказывали, кромѣ ареста, розгами, надѣвали деревянныя колодки на ноги, желѣзные поручники на обѣ кисти рукъ и высылали на улицы для чистки ихъ, ставя мѣломъ на спинѣ по большому кресту. Такому наказанію подвергались не только мужчины, но и женщины, за пьянство, воровство и развратъ. Въ маленькія тюремныя окошечки черезъ желѣзную рѣшетку пропускались мѣшечки для подаянія заключеннымъ, которые распѣвали жалобныя пѣсни и просили проходящихъ: „подайте, Христа ради, бѣднымъ и невольнымъ заключенникамъ!“

Всѣ приговоры сходовъ утверждались или помѣщикомъ или его домовою канцеляріею, которая помѣщалась сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ. Жалобы на мѣстное управленіе приносились помѣщику. Прошенія на имя помѣщика назывались челобитными и подписывались просители—крестьяне „рабъ“ или „рабы.“ Владѣльцы носили званіе государей и писали въ Ивановское вотчинное правленіе указы. Первый владѣлецъ изъ рода Шереметевыхъ Графъ Петръ Борисовичъ указы писалъ отъ своего имени и отъ имени супруги своей Варвары Алексѣевны, урожденной Черкасской. Такъ указъ отъ 1759 года начинается такъ: „Указъ ихъ Сіятельства Государей нашихъ Графа Петра Борисовича и Графини Варвары Алексѣевны изъ домовой канцеляріи въ село Иваново *первостатейному* Ивану Никифорову большому Дурденевскому и старостамъ.“ Иногда Графиня одна подписывала указы, что видно изъ того же указа,—происходило это отъ того,

что владѣлицей Иванова была собственно Графиня, которой досталось все имѣнье покойнаго А. М. Черкасскаго, какъ единственной его дочери. Вотъ мѣсто указа, откуда видно, что Графиня одна иногда подписывала указы: „Въ прошломъ 752 (1752) году его Автамонова (т. е. Автамона Грачева) мать Палагея, а Ухова дѣдъ Федоръ Грачевъ *били челомъ* ихъ Сіятельству Государемъ нашимъ въ Санктпетербургѣ и потому челобитью по присланному за подписаніемъ еѣ (ея) Сіятельства Графини Государыни рукою въ село Иваново выборному указъ"..... Рапорты въ домовую контору Графовъ—владѣльцевъ также имѣютъ въ титулѣ владѣльцевъ слово Государь. Такъ рапортъ Ивановскаго вотчиннаго правленія отъ 1799 года о полученіи приказа домовой канцеляріи о высылкѣ денегъ начинается такъ: „Въ домовую Его Сіятельства Государя нашего" и т. д.

Становые пристава являются уже въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Временно пріѣзжали сюда изъ Шуи земскіе исправники, засѣдатели земскаго суда и уѣздные стряпчіе. Они останавливались на такъ называемой „казенной квартирѣ (фатерѣ)," которая отводилась имъ отъ вотчиннаго правленія. Чиновники эти пріѣзжали сюда обыкновенно для розысковъ бѣглыхъ людей и дѣлателей фальшивыхъ денегъ, промыселъ, чрезвычайно развитый здѣсь и въ окрестностяхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Но розыски производились обыкновенно у богатыхъ крестьянъ, такъ какъ единственной почти цѣлью подобныхъ розысковъ для чиновъ служило желаніе поживиться. И дѣйствительно, зажиточные крестьяне, чтобы избавиться отъ такого безпокойства, давали чиновникамъ значительныя деньги, прося впредь ихъ не безпокоить. Но это было, такъ сказать, временное нашествіе уѣздныхъ властей,—внутреннее управленіе Ивановымъ основывалось на указахъ помѣщика, а волость судилась по обычному праву, какъ и во всѣхъ крестьянскихъ селеніяхъ. Во время опеки надъ Графомъ

Дмитріемъ Николаевичемъ изданъ былъ для управленія Ивановской вотчиной сборникъ постановленій, составленный по образцу дѣйствовавшихъ тогда законовъ гражданскихъ. Сборникъ носилъ названіе „домовыхъ постановленій."

Вотъ въ краткихъ чертахъ изображеніе мѣстнаго управленія въ селѣ Ивановѣ до реформы 1861 года. Обращаемся къ отношеніямъ крѣпостныхъ къ помѣщикамъ.

Къ числу любопытныхъ явленій въ жизни Ивановцевъ крѣпостнаго періода нужно отнести существованіе у крѣпостныхъ въ свою очередь закрѣпощенныхъ людей, при томъ не на посессіонномъ правѣ, и покупку и продажу имущества одного крѣпостнаго другому и лицамъ свободнаго состоянія. У крѣпостныхъ имущества собственнаго въ силу крѣпостнаго права не могло быть—крѣпостной цѣликомъ со всѣмъ имуществомъ принадлежалъ помѣщику и купля-продажа производилась имъ на имя и отъ имени помѣщика. Въ Ивановѣ мы встрѣчаемся съ фактами, совершенно противорѣчащими этому основному параграфу крѣпостнаго права. Здѣсь крѣпостные покупали и имущества и людей на имя помѣщика, правда, но владѣли ими на полной своей волѣ, отказывали наслѣдникамъ по духовному завѣщанію и отчуждали или продавали въ другія руки. Всѣ акты подобнаго рода утверждались въ вотчинной конторѣ, записывались въ книгѣ и съ денежныхъ суммъ бралась пошлина, обыкновенно 5%. Представляемъ здѣсь нѣсколько образцовъ различнаго рода актовъ, которые важны тѣмъ, что почти на всѣхъ ихъ имѣется свидѣтельство вотчиннаго правленія.

Въ 1779 году управляющій графа Шереметева въ селѣ Ивановѣ Константинъ Есауловъ далъ крестьянину этого села Ивану Матвѣевичу слѣдующаго содержанія письмо: „Иванъ Матвѣевичъ! Отдалъ я вамъ въ вѣчное владѣніе мальчика своего Алексѣя Ефимова, который мнѣ достался—отецъ его Ефимъ Михайловъ отъ тетки моей Дарьи Кузминой дочери

Есауловой въ прошломъ 1763 году и отъ нея купчая дана на онаго Ефима на имя Его Сіятельства графа Петра Борисовича, который мальчикъ Алексѣй Михайловъ рожденный отъ него Ефима послѣ данной купчей въ домѣ Его Сіятельства, которая купчая имѣется подлинно въ домѣ Его Сіятельства, въ чемъ и подписуюсь дому Его Сіятельства Графа Петра Борисовича Шереметева дому управитель (слѣдуетъ собственноручная подпись и остальная часть письма писана той же рукой) Константинъ Есауловъ. 1779 году іуля 16 дня. Оное письмо *владѣтельное* на онаго мальчика Алексѣя Ефимова дано суздальской Его Сіятельства вотчины села Иванова крестьянину Ивану Гарелину." Такимъ образомъ видимъ мы переуступку отъ одного крѣпостнаго человѣка другому (на что указываетъ то обстоятельство, что купчая на Ефима Михайлова совершена была не на имя Есаулова, а на имя графа) такихъ же закрѣпощенныхъ людей. Отдаются въ вѣчное владѣніе безъ всякаго подозрѣнія, что подобная сдѣлка не имѣетъ никакого значенія. Но это еще, такъ сказать, частная сдѣлка между крѣпостными, а вотъ документы, имѣвшіе оффиціальный характеръ. Первымъ такимъ документомъ является поступное письмо на крѣпостную крестьянку: „Лѣта тысяща восемь сотъ шестаго Октября 5 дня Шуйской округи вотчины Его Сіятельства графа Николая Петровича села Иванова крестьянинъ Яковъ Ивановъ сынъ Гарелинъ поступилъ брату своему родному Мефодью Иванову Гарелину *доставшуюся мнѣ по раздѣлу* послѣ покойнаго родителя моего Ивана Матвѣева Гарелина покупную на имя Его Сіятельства крестьянскую дочь дѣвку Феклу Иванову, написанную по 5-й ревизіи (пятая ревизія была въ 1794 году) въ сельцѣ Таковицахъ деревнѣ Василевѣ, цѣною за пятьдесятъ рублей, *которая напредъ сего мною иному никому не продана и не подъ какимъ предлогомъ нигдѣ не укрѣплена, а состояла до нынѣ единственно за мною въ неоспоримомъ*

владѣніи моемъ, а ежели кто въ оную дѣвку будетъ вступаться, то долженъ я покупщика отъ всѣхъ вступщиковъ очищать и ни до какихъ убытковъ не доводить. При написаніи же сего поступнаго письма вышеписанныя деньги пятьдесятъ рублей съ брата моего Мефодія сполна я получилъ. Къ подлинному поступному письму Яковъ Ивановъ сынъ Гарелинъ руку приложилъ. Федоръ Полушинъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ."

За тѣмъ идетъ характерное свидѣтельство: „1806 года Октября 30 дня въ Ивановскомъ вотчинномъ Его Сіятельства графа Николая Петровича правленіи сіе поступное письмо явлено и съ означенной цѣны пятидесяти рублей пошлины по пяти копѣекъ съ рубля взысканы два рубля пятьдесятъ копѣекъ и въ книгу неокладныхъ доходовъ записаны. На подлинномъ подписали: Выборный Иванъ Борисовъ и Земскій Осипъ Полушинъ."

Здѣсь мы встрѣчаемъ обычную форму поступнаго запродажнаго письма между свободными людьми, которые, владѣя имуществомъ на правахъ полной неограниченной собственности, имѣли понятно право перепродавать его, кому хотѣли. Тутъ же крѣпостной человѣкъ, продавая такому же крѣпостному имущество, да еще вдобавокъ тоже крѣпостнаго человѣка, пишетъ въ поступномъ письмѣ—„которая дѣвка на предъ сего мною никому не продана и не подъ какимъ предлогомъ нигдѣ не укрѣплена, а состояла до нынѣ единственно за мною въ неоспоримомъ владѣніи," какъ будто тотъ же помѣщикъ, на чье имя куплена дѣвка, не имѣлъ права взять ее. Затѣмъ на себя же онъ беретъ обязанность: „ежели кто въ оную дѣвку будетъ вступаться, то долженъ я покупщика отъ всѣхъ вступщиковъ очищать и ни до какихъ убытковъ не доводить,"—тогда какъ это прямая обязанность помѣщика, на чье имя сдѣлана первоначальная купчая. Но самымъ любопытнымъ мѣстомъ въ такихъ документахъ несомнѣнно засвидѣтельствованіе въ вотчинномъ правленіи, замѣ-

нявшемъ для здѣшнихъ крестьянъ всѣ нынѣшнія судебныя учрежденія. Въ вотчинномъ правленіи всѣ такія сдѣлки утверждались, вписывались въ особыя книги и съ означенныхъ въ актахъ суммъ взималась пошлина въ размѣрѣ 5%, что также вносилось въ книги, которыя носили различное названіе,— то книга неокладныхъ доходовъ, то просто подъ номеромъ— для пошлинъ назначена была книга № 3, въ родѣ нотаріальной книги.

Отъ 1817 года имѣется купчая крѣпость на строеніе и землю вдовы Якова Ивановича Гарелина тому же Мефодію Ивановичу Гарелину. Тутъ любопытно то, что „амбаръ и со всею землею (все это находилось при фабрикѣ покойнаго Якова Ивановича) уступается *въ вѣчное и непрекосновенное ему* Гарелину (т. е. М. И.) *и наслѣдникамъ его* владѣніе. Затѣмъ шла обычная форма крѣпости—что имѣніе-де до сей поры ни за кѣмъ другимъ укрѣплено не было и т. п., и обязательство въ случаѣ чьихъ-либо притязаній очищать и оберегать покупщика отъ убытковъ. Потомъ подписи продавцевъ и свидѣтелей. Наконецъ свидѣтельствованіе купчей въ вотчинномъ правленіи, гдѣ актъ прямо названъ *купчей*, внесенъ въ книгу и взысканы пошлины: „Сія *купчая* въ Ивановскомъ Вотчинномъ Правленіи 19 дня Декабря 1817 года явлена и въ книгу подъ № 21 записана подлинникомъ, какъ равно и пошлинные съ означенной въ семъ письмѣ тысячи пяти сотъ рублей по 5 копѣекъ съ рубля, итого семьдесятъ пять рублей взяты и въ книгу № 3-го записаны. На подлинномъ подписали Управляющій Яковъ Гарелинъ. Земской Михайловъ.

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ по подробностямъ и свидѣтельству является поступное письмо отъ 1821 года. Мы приводимъ его цѣликомъ, такъ какъ здѣсь чрезвычайно удачно соединились всѣ роды владѣній, какими располагали, т. е., могли располагать тогдашніе крѣпостные графа Шереметева.

„Лѣта тысяча восемь сотъ двадцать перваго Іюля въ день Шуйской Его Сіятельства Графа Дмитрія Николаевича Шереметева вотчины села Иванова крестьянская вдова Палагея Естифѣева Гарелина съ дѣтьми моими сыномъ Иваномъ, дочерьми Федосьей и Зинаидой Яковлевыми Гарелиными, *по доброй нашей волѣ* и по общему согласію, поступили мы того жъ села Иванова деверю моему, а дѣтей моихъ дядѣ крестьянину Мефодію Иванову Гарелину—доставшееся покойному мужу моему Якову Иванову Гарелину послѣ покойнаго жъ родителя его Ивана Матвѣева Гарелина недвижимое имѣніе, которое значится по данному духовному завѣщанію помянутаго свекра моего, а моихъ дѣтей дѣда Ивана Матвѣева Гарелина; Первое: фабрика, гдѣ я съ дѣтьми моими жительство имѣю, каменную двухъ-этажную свѣтелку обветшавшую, длиною двадцать семь, а шириною семь саженъ, со всѣмъ къ ней принадлежащимъ, какъ-то: потолкомъ, кровлею, печьми и что въ ней и на ней есть безъ остатку; Второе: въ сельцѣ Спасскомъ крестьянъ, что окажется по нынѣшней седьмой ревизіи и послѣ оной вновь рожденными, при фабрикѣ нашей и при домѣ нашемъ мужеска и женска пола, тожъ всѣ безъ остатку; къ оному жъ сельцу принадлежащую пахатную и не пахатную землю съ лѣсы и сѣнными покосы; словомъ, всю, гдѣ бъ онаго владѣнія не было по данному завѣщанію вышеупомянутаго свекра моего, а дѣтей моихъ дѣда Ивана Матвѣева Гарелина, какъ въ общемъ съ нимъ деверемъ моимъ Мефодіемъ владѣніи, а равно и въ одинакоемъ нашемъ, поступаемъ ему все безъ остатку въ родъ наслѣдникамъ его безвозвратно,—и за все вышеписанное наше недвижимое со крестьяны имѣніе взяла я Гарелина съ него деверя моего Мефодія денегъ восемь тысячъ рублей, съ нихъ *по домашнимъ Его Сіятельства Графа постановленіямъ* пошлинныя деньги въ Вотчинное Правленіе платить ему покупщику Гарелину, мнѣ же съ дѣтьми моими до онаго дѣла нѣтъ;

оное же наше недвижимое со крестьяны имѣніе до написанія сего нашего поступнаго письма иному никому не продано и не заложено, и ни по какимъ письмамъ и крѣпостямъ не укрѣплено, если же кто въ оное наше недвижимое со крестьяны имѣніе будетъ почему ни есть вступаться, то мнѣ, дѣтямъ моимъ и по нихъ наслѣдниками моими его деверя моего Гарелина отъ тѣхъ вступщиковъ защищать, до убытковъ и хлопотъ ни до какихъ не доводить, а очищать мнѣ своимъ кочьтомъ; при написаніи жъ сего поступнаго нашего письма получила я отъ него Гарелина въ число вышеписанной договорной суммы, восьми тысячъ рублей, тысячу рублей, да на стройку дома получить мнѣ двѣ тысячи рублей, еще получить по написаніи сего нашего поступнаго письма черезъ шесть мѣсяцевъ двѣ тысячи рублей, а послѣдніе три тысячи рублей черезъ годъ, т. е. будущаго тысяча восемъ сотъ двадцать втораго года въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Въ чемъ сіе поступное письмо при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ ему деверю моему Гарелину и дала. Принадлежащая вся земля при фабрикѣ и что ни на есть все безъ остатку; изъ онаго поступнаго письма выключить три дѣвки Татьяну и Анну Егоровыхъ и Аграфену Иванову.

Къ сему поступному письму крестьянская вдова Палагея Естифѣева Гарелина подписуюсь собственноручно по чищенному вѣрить. Къ сему поступному письму Иванъ Яковлевъ Гарелинъ своеручно подписуюсь. Зинаида Яковлева Гарелина а вмѣсто ея подписуюсь сестра родная Федосья Яковлева Гарелина она писать не умѣетъ. Къ сему поступному письму Федосья Яковлева Гарелина своеручно подписуюсь по чищенному вѣрить. При сей купчей свидѣтелемъ былъ Михайло Ивановъ Ямановскій руку приложилъ. При сей купчей свидѣтелемъ былъ Михайло Ефимовъ Гарелинъ руку приложилъ.

Сіе поступное письмо въ Ивановскомъ вотчинномъ правленіи

явлено и въ книгу подъ № 5 подлинно записано которое вслѣдствіе приказа главной канцеляріи отъ 20 Января сего года за № 257 симъ утверждается и пошлинныхъ съ 8000 рублей четыреста рублей приняты и въ книгу № 3-го на приходъ записаны. Февраля 3 дня 1822 года. Выборный Иванъ Кубасовъ."

Такимъ образомъ сдѣлки подобнаго рода признаны со стороны владѣльца совершенно законными и правильными; владѣнія признавались неоспоримыми; взимались пошлинныя деньги съ суммы, показанной въ актѣ, и по засвидѣтельствованіи вносились въ книгу. Пріобрѣтенное имущество, хотя бы и на имя помѣщика, считалось въ крѣпостномъ владѣніи ни какъ не помѣщика, а того, кто платилъ деньги. Въ 1823 году дано было тому же Мефодью Ивановичу Гарелину поступное письмо на земли Агафьей Васильевной Гарелиной, которое даетъ намъ понять, что духовныя завѣщанія крестьянъ утверждались главной канцеляріей Графовъ Шереметевыхъ. Выраженіе въ этомъ письмѣ: „поступаю я ему въ вѣчное и потомственное владѣніе собственныя свои земли, доставшіяся мнѣ по духовному завѣщанію отъ родителя моего"..., показываютъ, что наслѣдственныя имущества считались полною собственностью наслѣдниковъ и могли быть или отчуждаемы въ *полное и потомственное* владѣніе другимъ лицамъ, при чемъ говорится въ сдѣлкахъ по этому поводу—„владѣть ему (т. е.) покупщику и наслѣдникамъ его *вѣчно и безповоротно* и никому не вступаться (т. е. въ продаваемое имущество)." Такое положеніе создано было обычнымъ правомъ крестьянъ и утверждено помѣщиками, сначала въ видѣ засвидѣтельствованія выборными, затѣмъ такимъ же засвидѣтельствованіемъ со внесеніемъ въ книгу Вотчиннаго Правленія и взиманіемъ пошлины въ пользу помѣщика, чѣмъ въ сущности и ограничивалось право помѣщика на крестьянское имущество. Сборникъ „домовыхъ постановленій," изданный для руководства при

управленіи Ивановскою вотчиной во время опекунства надъ малолѣтнимъ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ, даетъ намъ понять, какъ смотрѣлъ помѣщикъ на свое право владѣнія крестьянскимъ имуществомъ. Два пункта § 54 этихъ постановленій слѣдующаго содержанія: Въ пунктѣ 9 говорится, что помѣщикъ имѣлъ право считать имѣніе крестьянина-владѣльца выморочнымъ и обращать его въ свою пользу, когда у того по смерти не окажется ни дѣтей, ни родственниковъ; пунктъ 10 говоритъ о духовныхъ завѣщаніяхъ и излагаетъ подробно порядокъ раздѣла наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ на правѣ собственности, въ первомъ случаѣ (т. е. въ наслѣдственномъ имуществѣ) по линіи родства *узаконеннымъ порядкомъ*, а въ послѣднемъ (т. е., когда имѣніе благопріобрѣтено) по волѣ пріобрѣтателей съ тѣмъ, что завѣщанія ихъ не могутъ уже быть нарушены ни какими спорами.—Такимъ образомъ, право собственности у крестьянъ возведено было въ законъ и помѣстье графовъ Шереметевыхъ, въ особенности село Иваново представляло собой маленькое самостоятельное государство внутри Россіи. При выходѣ на свободу крѣпостныхъ совершались обыкновенно формальныя отпускныя въ судебныхъ учрежденіяхъ. Такъ, мы имѣемъ отпускную отъ 1802 года, совершенную въ Нерехотскомъ уѣздномъ судѣ, коей Гвардіи Поручикъ Сумароковъ отпускалъ на волю свою крѣпостную, крестьянскую вдову Устинью Тимофееву „вѣчно на волю, гдѣ она жить пожелаетъ или въ замужество за кого выйти похощетъ.“ Тутъ требовалась подпись самого помѣщика или его довѣреннаго; затѣмъ свидѣтелей, а въ концѣ скрѣпа чиновника съ обозначеніемъ, что отпускная записана въ книгу и взяты пошлины. Отпускная писалась на гербовой бумагѣ. Въ Ивановѣ на этотъ счетъ было много проще—тамъ прямо изъ главной домовой канцеляріи Графа Шереметева давалась квитанція въ полученіи денегъ и тѣмъ довольствовались. Вотъ

образецъ: „1809 года мая 11 дня въ главной домовой Его Сіятельства Графа Димитрія Николаевича Канцеляріи принято села Иванова отъ крестьянина Мефодія Гарелина за выпускъ дочери его Аграфены на сторону въ замужество пять сотъ рублей. Въ чемъ ему сія квитанція и дана. Никита Александровъ. Казначей Алексѣй Ерунинъ.“ Тѣмъ и довольствовались. Подобная цѣна за выпускъ не должна считаться особенно крупною, хотя и пять сотъ рублей были по тому времени деньги не маловажныя. Помѣщики села Иванова не стѣснялись съ богатыхъ брать и очень крупныя суммы за выпускъ на свободу. Въ очередной книгѣ рекрутскимъ отдачамъ, составленной помѣщичьимъ управленіемъ, между прочимъ подъ семействами №№ 120 и 624 значится, что за увольненіе на свободу для выхода на сторону въ замужество крестьянскихъ дѣвицъ Сигклитикіи Ямановской и Харитины Гандуриной взято помѣщикомъ за первую десять, а за послѣднюю семь тысячъ рублей. Кромѣ того за освобожденіе семейства крестьянъ Гандуриныхъ отъ рекрутской повинности взыскано было съ нихъ тридцать тысячъ рублей. Если брались такія деньги за освобожденіе отъ рекрутской повинности, то по скольку же брали за выпускъ семействъ на волю? До реформы 1861 года крестьянскихъ семействъ на волю выкупилось болѣе пятидесяти. Выкупную сумму въ Ивановѣ можно смѣло положить въ милліонъ рублей не менѣе, такъ какъ выкупъ возможенъ былъ для самыхъ богатыхъ и многіе послѣ этого выкупа захудали. Къ величайшему удивленію владѣльцевъ домами и усадьбами при крѣпостномъ правѣ, какъ невыкупившимся на волю, а получившимъ ее по манифесту 19 февраля, такъ и выкупившимся до реформы пришлось за свои дома и усадьбы платить выкупъ вторично, хотя и имѣлись на эти владѣнія купчія крѣпости и передаточныя письма, засвидѣтельствованныя въ Вотчинномъ правленіи со взятіемъ пошлинъ. Возникаетъ по этому поводу любопытный

процессъ у помѣщика съ бывшими крѣпостными и вольноотпущенными, для изображенія котораго мы воспользуемся Докладной Запиской Я. П. Гарелина, которая была изготовлена еще въ 1865 году, когда этотъ процессъ былъ въ самомъ разгарѣ. Приводимъ подлинныя слова доклада.

„Во время обнародованія Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, купцы и мѣщане изъ вольноотпущенныхъ въ прежнее время крестьянъ Графа Шереметева, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ семействъ, имѣя постоянное жительство въ селѣ Ивановѣ, спокойно владѣли здѣсь своими домами и фабричными заведеніями, возведенными на собственный ихъ капиталъ на усадебныхъ земляхъ, которыя хотя по крѣпостнымъ вотчиннымъ актамъ и числились принадлежностью помѣщика, но въ сущности были пріобрѣтены вольноотпущенными, во время крѣпостной зависимости и послѣ, на свои деньги въ видѣ полной собственности *съ правомъ вѣчнаго, потомственнаго и безповоротнаго владѣнія*, ясно и буквально выраженнаго въ письменныхъ сдѣлкахъ, кои въ разныхъ видахъ и формахъ свидѣтельствовалъ и утверждалъ самъ помѣщикъ.

Мировой Посредникъ 4-го Участка Шуйскаго уѣзда составляя уставную грамоту на село Иваново по особому порученію Владимірскаго Губернскаго Присутствія, вмѣсто трехъ уставныхъ грамотъ помѣщика, оказавшихся неправильными, между прочимъ, на основаніи собранныхъ имъ фактовъ, опредѣлилъ, что усадебная земля въ селѣ Ивановѣ переходила отъ одного крестьянина къ другому въ вѣчную и потомственную собственность по письменнымъ сдѣлкамъ, свидѣтельствуемымъ вотчинною конторою, со взысканіемъ пошлинныхъ денегъ въ доходъ помѣщика по 20, 10 и 5 процентовъ суммы, за которую продавался усадебный участокъ; согласно чего всѣ усадебныя земли, въ количествѣ 54 десятинъ

1574 саженъ, занятыя постройками вольноотпущенныхъ крестьянъ, онъ, Мировой Посредникъ, оставилъ въ общемъ составѣ усадебной крестьянской осѣдлости на томъ основаніи, что помѣщикъ не представилъ ему ни какихъ документовъ, доказывающихъ что-либо противное. При ближайшемъ же разсмотрѣніи силы и значенія представленныхъ къ дѣлу доказательствъ, какъ-то: поступныхъ писемъ, духовныхъ завѣщаній и т. п. Мировой Посредникъ, протоколомъ 21 сентября 1863 года, заключилъ: „Принимая во вниманіе, что поступное письмо, хотя не есть правильный крѣпостной актъ, но Положеніемъ 19 февраля признаются законными и обязательными всѣ частныя сдѣлки помѣщика съ крестьянами; что хотя по симъ поступнымъ письмамъ продавалъ имущество крестьянинъ крестьянину, но если вотчинная контора утверждала подобную продажу, то оказывается, что она признала право собственности крестьянина на то имѣніе, которое онъ продавалъ, и утверждая таковую сдѣлку, контора становилась сама продавцомъ имѣнія по силѣ крѣпостнаго права, и что крестьянинъ, покупая имѣніе, платилъ свои деньги, будучи увѣренъ, что сдѣланная имъ покупка есть неотъемлемая его собственность, иначе онъ не купилъ бы, я признаю полною собственностью всѣ земли и строенія, пріобрѣтенныя крестьянами села Иванова по представленнымъ документамъ.“

Имѣя у себя болѣе ста документовъ такого же содержанія, гдѣ право собственности и право вѣчнаго и потомственнаго владѣнія выражено съ буквальною точностью, купцы и мѣщане, изъ вольноотпущенныхъ крестьянъ села Иванова, представили таковые во Владимірское Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, ходатайствуя: примѣнить къ нимъ силу статьи 56-й правилъ, о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ, въ которой сказано: „Если при повѣркѣ грамоты окажется, что помѣщикъ совершилъ до утвержденія Положеній о крестьянахъ съ отпущенными имъ

въ прежнее время на волю крестьянами сдѣлки о предоставленіи имъ въ пользованіе или въ собственность усадьбъ или вмѣстѣ съ тѣмъ и полевыхъ земель и угодій, то хотя бы такія сдѣлки и не были облечены въ законную форму и состояли только въ домашнихъ условіяхъ, подписанныхъ помѣщикомъ или его уполномоченнымъ, Мировой Посредникъ удостовѣряется въ подлинности такихъ условій и въ томъ, что упоминаемыя въ нихъ усадьбы или земли дѣйствительно состоятъ въ пользованіи не крестьянскаго общества, а уволенныхъ крестьянъ, и затѣмъ всѣ таковыя усадьбы или земли совершенно исключаются изъ крестьянскаго надѣла и оставляются на прежнихъ основаніяхъ (условіяхъ) за тѣми крестьянами, которымъ онѣ были отведены въ пользованіе или отданы въ собственность.

Помѣщикъ не оспариваетъ подлинности документовъ, представленныхъ отъ крестьянъ, отпущенныхъ на свободу въ прежнее время, равно и крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости по закону 19 февраля, признавая ихъ совершенно дѣйствительными; но когда по заявленіямъ тѣхъ и другихъ о правѣ собственности возникло въ мировыхъ учрежденіяхъ судебно-тяжебное разбирательство въ порядкѣ, установленномъ Положеніемъ 19 февраля, на началахъ суда по совѣсти, то Графъ Шереметевъ, желая уменьшить силу и значеніе ихъ, какъ документовъ, не имѣющихъ законной формы, началъ утверждать, вопреки буквальнаго ихъ смысла, что документы въ отношеніи временно-обязанныхъ крестьянъ есть только переуступка усадьбъ отъ одного къ другому, дозволенная въ видахъ предъупрежденія взаимныхъ споровъ и что документы не заключаютъ въ себѣ ничего болѣе, кромѣ права потомственнаго пользованія; въ отношеніи же крестьянъ, отпущенныхъ на волю въ прежнее время, помѣщикъ отзывался, что они не имѣютъ права, которое принадлежитъ временно-обязаннымъ крестьянамъ и что вольноотпущенные

проживаютъ въ селѣ Ивановѣ и пользуются усадебными землями и возведенными на нихъ разными жилыми и промышленными постройками на правѣ только временной аренды.“—

Въ такомъ видѣ возникъ споръ между помѣщикомъ и вольноотпущенными. Продолжаемъ словами того же доклада.

„Уѣздный Мировой Съѣздъ и Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе вполнѣ согласились съ Графомъ Шереметевымъ; причемъ не удостоивъ своимъ вниманіемъ ни одного изъ представленныхъ со стороны крестьянъ документовъ, и не упомянувъ въ своихъ постановленіяхъ о томъ, какой именно смыслъ въ нихъ заключается, они порѣшили, отдать всѣ имущества купцовъ и мѣщанъ, какъ-то: дома и фабрики съ находящеюся подъ ними усадебною землею въ исключительное владѣніе помѣщика подъ видомъ тѣмъ, что онъ есть юридическій собственникъ имѣнія и что купцы и мѣщане сами обращались къ нему (помѣщику) съ просьбами о выдачѣ имъ на дома и усадьбы законныхъ актовъ.“—

„Дѣйствительно, купцы и мѣщане, изъ вольноотпущенныхъ крестьянъ, во время существованія крѣпостнаго права много разъ просили Графа Шереметева о выдачѣ имъ формальныхъ купчихъ крѣпостей на принадлежащіе имъ дома и усадебныя мѣста; но они никогда не уступали своихъ имущественныхъ правъ въ пользу помѣщика и не прерывали своего владѣнія, фактически продолжавшагося безспорно цѣлые десятки лѣтъ. Поводомъ къ ходатайству у помѣщика о выдачѣ крѣпостныхъ актовъ были слѣдующія побудительныя причины: 1) что законъ 3 Марта 1848 года, дозволяя крѣпостнымъ людямъ укрѣплять недвижимыя имущества на свое имя съ согласія помѣщика (до сей поры всѣ сдѣлки крѣпостныхъ людей должны были совершаться на имя помѣщика), предоставилъ въ безусловную волю послѣдняго выдавать

крестьянамъ купчія крѣпости на дома, лавки и земли, пріобрѣтенныя ими на свой собственный капиталъ въ прежнее время на имя помѣщика и что для достиженія этой цѣли пріобрѣтатели не имѣли никакихъ другихъ способовъ, кромѣ просьбъ и ходатайства у помѣщика; 2) что купцы и мѣщане имѣли живѣйшее желаніе соединить село Иваново въ одну городскую общину съ сосѣднимъ съ нимъ Вознесенскимъ посадомъ подъ именемъ города Александрова въ честь нынѣ благополучно царствующаго (писалось это, какъ извѣстно, въ 1865 году) Государя Императора и для того предлагали помѣщику выкупъ за все Иваново съ принадлежащими къ нему землями по мѣрѣ получаемыхъ имъ доходовъ, принося такимъ образомъ добровольную жертву общему благу и спокойствію и 3) что собственность ихъ, основанная на крѣпостныхъ и некрѣпостныхъ сдѣлкахъ съ помѣщикомъ, безъ сомнѣнія нуждалась въ полномъ юридическомъ укрѣпленіи и совершенномъ чрезъ то самое освобожденіи ея изъ зависимости вотчинника, какъ для того, чтобы на пути переходовъ недвижимыхъ имуществъ отъ одного къ другому не было никакихъ затрудненій, такъ и для болѣе правильнаго и успѣшнаго хода фабричной промышленности. Кромѣ того купцы и мѣщане посредствомъ добровольной сдѣлки съ графомъ Шереметевымъ желали избѣжать судебныхъ процессовъ, всегда тягостныхъ и непріятныхъ для коммерческихъ людей, но помѣщикъ, воспользовавшись миролюбивымъ ихъ предложеніемъ, назначилъ самую несообразную цѣну выкупа за собственную ихъ усадебную осѣдлость, опредѣляя около десяти тысячъ рублей серебромъ за каждую десятину (или, какъ говоритъ князь Мещерскій въ своихъ Очеркахъ нынѣшней общественной жизни въ Россіи, написанныхъ въ 1867 году—„главное управленіе дѣлами Графа Шереметева требуетъ отъ купцовъ болѣе 20,000 рублей за десятину“ *) занятой ими мѣстности;

*) Князь Мещерскій. Очерки нын. общ. жизни въ Россіи. Стр. 187.

когда же этотъ стѣснительный и даже совершенно не совмѣстный съ ихъ средствами налогъ оказался невозможнымъ для выполненія и когда купцы и мѣщане, охраняя свою собственность, вынуждены были стать подъ защиту Высочайше утвержденныхъ 19 февраля Положеній, коими даровано имъ право доказывать свои права, „хотя бы сдѣлки и не были облечены въ законную форму и состояли только въ домашнихъ условіяхъ, подписанныхъ помѣщикомъ или его уполномоченнымъ,“ то помѣщикъ обратилъ въ доказательство противъ купцовъ и мѣщанъ просьбы ихъ о выдачѣ имъ купчихъ крѣпостей, стараясь устранить самый искъ ихъ подъ видомъ тѣмъ, что законъ 19 февраля изданъ не для купцовъ и мѣщанъ, а единственно для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и что, слѣдовательно, по мнѣнію Графа Шереметева, вольноотпущенные не могутъ пользоваться благомъ статьи 56 правилъ; относительно же представленныхъ ими домашнихъ актовъ, началъ утверждать, что имущество по онымъ продавалъ крестьянинъ крестьянину и что такого рода обоюдныя ихъ сдѣлки не обязательны для помѣщика.“

Далѣе, въ докладной запискѣ идетъ указаніе на содержаніе различныхъ актовъ, заключенныхъ между крестьянами и засвидѣтельствованныхъ вотчиннымъ правленіемъ. Образцы такихъ актовъ приведены у насъ, но не можемъ удержаться, чтобы не привести здѣсь одно мѣсто изъ докладной записки: „Смѣлъ ли бы крѣпостной крестьянинъ называть своею собственностью то, что принадлежитъ помѣщику, и помѣщикъ, въ свою очередь, допустилъ ли бы совершать въ своемъ вотчинномъ правленіи письменные акты, нарушающіе права его владѣльческой собственности, если бы онъ не былъ убѣжденъ въ противномъ?“

Вопросъ, не требующій отвѣта, такъ какъ всякому, хотя не много знакомому съ крѣпостнымъ правомъ, извѣстно положеніе крѣпостныхъ людей, вполнѣ зависимыхъ отъ помѣщика—

вздумалось помѣщику переселить изъ одной деревни въ другую крестьянъ или населить ими пустопорожнее мѣсто,—отдается приказъ, складываютъ крестьяне свои пожитки на воза и отправляются; нужно людей и крестьянъ для господской надобности, отправляются довѣренныя лица съ деньгами въ другую вотчину и закупаютъ, какъ видно это изъ прошенія выборнаго села Иванова М. П. Гарелина отъ 1772 года,—словомъ, крѣпостной человѣкъ не былъ человѣкомъ, а какой-то вещью, которой дорожили только потому, что вещь эта давала возможность помѣщику жить въ свое удовольствіе. Крѣпостныхъ дѣвушекъ привозили на базары возами и продавали ихъ, кому желательно было купить. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія такая торговля велась и въ Ивановѣ. Сюда привозили дѣвушекъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, главнымъ образомъ изъ Малороссіи и мѣстные крестьяне изъ богатыхъ покупали ихъ для домашнихъ услугъ. Многія изъ этихъ дѣвушекъ дожили до послѣдняго времени. Бывавшіе на дальнихъ окраинахъ крестьяне, какъ напр. Гандурины, покупали тамъ слугъ, преимущественно изъ Калмыковъ, которыми торговали тогда въ Астрахани и на ярмаркахъ Макарьевской и Ирбитской. Калмыки дожили здѣсь до 40-хъ годовъ и автору самому приходилось видать ихъ. Но обращаемся опять къ докладной запискѣ.

„Дѣйствіе поступнаго письма по селу Иванову не ограничивалось одними только усадебными землями, пріобрѣтенными крестьянами отъ своего помѣщика, оно простиралось на полевыя земли и на крѣпостныхъ людей, пріобрѣтенныхъ отъ другихъ владѣльцевъ. Здѣсь особенно важнымъ является то, что поступное письмо при каждомъ переходѣ того или другаго крестьянскаго имущества имѣло одинаковую форму и одинаковое значеніе. Слѣдовательно, въ поступное письмо входило только то, что составляетъ прямую собственность крестьянина, лишеннаго въ прежнее время возможности крѣпить

имущество формальнымъ порядкомъ на свое собственное имя и вслѣдствіе того, по самой необходимости, обязаннаго довольствоваться только такой формой домашняго укрѣпленія, какую далъ ему полновластный въ свое время господинъ. Въ справедливости сего можно удостовѣриться изъ представленнаго въ Мин. Вн. Дѣлъ при особомъ прошеніи Ивановскаго крестьянина Луки Ямановскаго подлиннаго поступнаго письма слѣдующаго содержанія: „Лѣта 1806 года Іюня въ 14 день, мы нижеподписавшіеся Его Сіятельства Графа Николая Петровича Шереметева села Иванова крестьяне Мефодій и Яковъ Ивановы дѣти Гарелины дали сіе поступное письмо того жъ села Иванова крестьянину Ивану Михайлову большому Ямановскому, дѣтямъ его и наслѣдникамъ въ томъ, что продали имъ доставшееся намъ послѣ покойнаго родителя нашего Ивана Матвѣевича Гарелина недвижимое имѣніе наше при деревнѣ Василевѣ, Токовица тожъ, усадебную и пахатную землю, что въ ней будетъ находиться въ трехъ поляхъ, на пашнѣ, заросшемъ лѣсомъ, со всѣми, принадлежащими къ той деревнѣ въ лугахъ по рѣчкѣ Шархмѣ сѣнными покосами, все безъостатку; а взяли мы за эту землю и за сѣнные покосы при написаніи сей купчей пятьсотъ рублей; а напредъ сего оная земля и сѣнные покосы наши никому иному не укрѣплены и не заложены, а если кто въ оную пахотную и сѣнокосную землю будетъ вступаться, то мы, Гарелины, должны его, Ямановскаго, отъ всѣхъ вступщиковъ очищать и тѣмъ никакого убытку ему, Ямановскому, дѣтямъ его и наслѣдникамъ не доставить.“ Образецъ поступнаго письма на крѣпостныхъ людей представленъ нами выше.

Обращаемся къ спору между помѣщикомъ и бывшими крѣпостными, прекрасно изображенному въ докладной запискѣ: „Такимъ образомъ, поступныя письма на полевыя земли и крѣпостныхъ людей, по примѣру поступныхъ писемъ на

усадебныя земли, писанныя отъ крестьянина крестьянину и свидѣтельствуемыя вотчиннымъ правленіемъ со взысканіемъ въ доходъ помѣщика пошлинныхъ денегъ, въ теченіи болѣе ста лѣтъ, доказываютъ ясно, что полноправный вотчинникъ во время существованія крѣпостнаго права допустилъ въ предѣлахъ своего имѣнія не только право собственности крестьянъ на пріобрѣтенныя ими усадебныя земли съ постройками и безъ построекъ, но и на цѣлыя вотчины, населенныя крѣпостными людьми. Нынѣ же, когда наступила минута укрѣпить землю въ собственность пріобрѣтателей формальнымъ порядкомъ, помѣщикъ говоритъ, что поступныя письма даютъ одно лишь право пользованія для временно-обязанныхъ крестьянъ, а для крестьянъ, отпущенныхъ на волю въ прежнее время, не даютъ ни права собственности, ни права пользованія." По силѣ крѣпостнаго права трудно что-нибудь возразить противъ этого. Но послушаемъ, что говорится въ запискѣ: „Крестьянинъ, по прежде дѣйствовавшимъ законамъ, самъ былъ собственностью помѣщика и въ то же время самъ имѣлъ такую же собственность; онъ владѣлъ землями и людьми и не пользовался лишь полными гражданскими правами, которыя на этотъ разъ замѣнялись именемъ помѣщика. Чѣмъ объяснить такое явленіе въ жизни фабричнаго села Иванова? Оно объясняется съ одной стороны неограниченностью крѣпостнаго права дававшаго помѣщику полную возможность установлять въ своемъ имѣніи тотъ или другой своеобразный порядокъ дѣлъ, по собственному его произволу, а съ другой стороны дѣйствіемъ капиталовъ, которые сосредоточились въ рукахъ промышленныхъ крестьянъ и создали для нихъ особое положеніе, далеко превзошедшее общій уровень крѣпостнаго ихъ состоянія. Пріобрѣтая право собственности на недвижимыя имущества въ формѣ, доступной крѣпостному человѣку и установленной волею полноправнаго вотчинника, крестьянинъ прежде или послѣ дѣлался обладателемъ капитала, нажитаго

промышленнымъ его трудомъ, потомъ платилъ помѣщику оброкъ, по числу нѣсколькихъ десятковъ ревизскихъ душъ или тяголъ, призрѣвалъ бѣдныхъ и увѣчныхъ своихъ собратій и отбывалъ въ этомъ отношеніи всѣ обязанности, лежащія на помѣщикѣ, а въ заключеніе всего откупилъ у него собственную свою личность безъ отчужденія пріобрѣтенныхъ въ крѣпостное время правъ на землю, заплативъ ему огромную сумму денегъ, которая на всѣ времена обезпечила для помѣщика самую возвышенную цифру оброчной повинности. Все это, взятое вмѣстѣ, составляетъ тотъ краеугольный камень, на которомъ возникла и развилась до огромныхъ размѣровъ и до извѣстной степени совершенства извѣстная въ цѣлой Россіи фабричная промышленность села Иванова съ Вознесенскимъ посадомъ. При чемъ помѣщикъ съ своей стороны не только не лишился никакихъ владѣльческихъ интересовъ, но напротивъ онъ пріобрѣлъ ихъ съ безпримѣрнымъ избыткомъ, ибо изъ разныхъ многосложныхъ платежей крестьянскихъ за выкупъ личности и за землю онъ могъ составить и конечно составилъ для себя постоянный доходъ, на много превышающій всѣ экономическіе разсчеты земельнаго собственника и всѣ тѣ доходы, которые предоставлены помѣщику Положеніемъ 19 февраля."

Что помѣщикъ дѣйствительно получилъ съ Иванова большія деньги, это показываютъ очередныя книги рекрутскимъ отдачамъ, о которыхъ мы уже упоминали. А что жилыя и промышленныя постройки переходили отъ одного крестьянина къ другому не въ видѣ простой, по мнѣнію помѣщика ничего будто бы незначущей переуступки, а въ смыслѣ продажи недвижимаго имущества въ собственность нераздѣльно съ землею, то это видно изъ той же очередной книги рекрутскимъ отдачамъ, гдѣ подъ семействомъ № 730— крестьянина Сокова (бывшаго основателемъ ситцепабивной промышленности въ селѣ Ивановѣ) сказано: „капиталу

имѣется на опекунствѣ за проданную крестьянину Михаилу Ямановскому каменную фабрику и при ней съ галандрепой машиной и съ землей 10,000 рублей.“

„Каждый отдѣльный фактъ первоначальнаго пріобрѣтенія крестьянами той или другой земельной собственности, равно и всѣ денежные платежи, принесенные ими въ пользу крѣпостнаго права, легко бы можно было разъяснить съ большею подробностью письменными документами и книгами, хранилищемъ коихъ былъ вотчинный архивъ помѣщика, и при томъ представить на видъ цѣлый рядъ неопровержимыхъ доказательствъ того, что сдѣлки на переходъ недвижимыхъ имуществъ съ правомъ собственности совершались не только между одними вотчинными крестьянами, но и между посторонними лицами, какъ-то: между священнослужителями и купцами. Однако жъ этотъ ближайшій способъ разъясненія правъ на земли утратился вслѣдствіе письменнаго заявленія повѣреннаго Графа Шереметева, что всѣ конторскія книги и дѣла, какъ болѣе не нужныя, имъ уничтожены, а оставлены одни только крѣпостные акты. Затѣмъ едвали уже предстоитъ существенная надобность обращаться къ историческимъ изслѣдованіямъ о томъ, какъ въ первый разъ образовалась въ рукахъ крестьянъ собственность на усадебныя и другія земли, и едва ли нужны первоначальные источники права собственности по каждому отдѣльному случаю, когда большая часть послѣдующихъ письменныхъ сдѣлокъ о переходѣ имуществъ отъ одного крестьянина къ другому, на правѣ полной собстенности, засвидѣтельствована самимъ помѣщикомъ и не оспаривается имъ въ подлинности по производству дѣла въ Мировыхъ учрежденіяхъ, хотя въ послѣдствіи времени Графъ Шереметевъ, противорѣча заявленію уполномоченнаго своего объ уничтоженіи имъ конторскихъ книгъ и документовъ, началъ выбирать изъ массы цѣлаго архива нѣкоторыя бумаги по собственому его усмотрѣнію и

представлять ихъ къ дѣлу въ опроверженіе предъявленныхъ исковъ, но въ числѣ сихъ бумагъ, равно и ссылокъ, сдѣланныхъ на извѣстныя мѣста документовъ, нѣтъ ни одной относящейся прямо къ существу исковъ; всѣ онѣ истолкованы неправильно и служатъ въ защиту такихъ тягловыхъ господскихъ земель, находящихся въ пользованіи крестьянъ, о которыхъ не было ни какихъ споровъ и подъ видомъ которыхъ помѣщикъ полагаетъ возможнымъ присвоить собственныя купеческія и мѣщанскія земли, доказанныя другими документами, о коихъ повѣренные Графа Шереметева умолчали во всѣхъ просьбахъ."

„Графъ Шереметевъ, сознавая собственность купцовъ и мѣщанъ на недвижимыя въ селѣ Ивановѣ имущества крѣпостною записью 13 Декабря 1829 года и предписаніями на имя Ивановской вотчинной конторы отъ 12 Іюня 1830 и 23 Марта 1848 годовъ, представленными къ дѣлу, далъ вольноотпущеннымъ полное право имѣющіяся въ ихъ владѣніи строенія съ усадьбами продать, и какъ право продажи вполнѣ равняется праву собственности (ст. 1384 т. X, ч. 1 изд. 1857 года), то на основаніи сего купцы Дурденевскій, Кокушкинъ, Журавлевъ и Барановъ давно уже продали свои дома и земли ивановскимъ крестьянамъ Шеберстову съ прочими, за которыми они по уставной грамотѣ, составленной Мировымъ Посредникомъ и введенной въ дѣйствіе 23 Апрѣля 1863 года, утверждены въ собственность."

„Кромѣ всего изложеннаго, купцы и мѣщане представляли содержаніе собственной просьбы Графа Шереметева, поданной въ Правительствующій Сенатъ по 1-му Департаменту въ Январѣ мѣсяцѣ 1860 года по поводу сдѣланнаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ распоряженія о прекращеніи вседневной торговли въ селѣ Ивановѣ и вызова купечества Вознесенскаго посада на выкупъ Иванова со всѣми его угодьями. Въ этой просьбѣ (тутъ слѣдуютъ въ докладной запискѣ

выдержки изъ просьбы, но мы ограничиваемся однимъ резюме) составляющей одно изъ доказательствъ первой важности къ разрѣшенію возникшихъ споровъ, самъ помѣщикъ сознавалъ положительно, что въ числѣ жителей села Иванова значительная часть купцовъ, приписанныхъ къ Вознесенскому посаду; что крестьяне дѣятельнымъ распространеніемъ фабрикаціи и торговли вполнѣ заслуживаютъ обращенія ихъ въ свободное городское состояніе; что фабричная промышленность и торговля въ селѣ Ивановѣ есть вѣковое народное достояніе, пріобрѣтенное многолѣтнимъ тяжкимъ трудомъ, чрезмѣрными усиліями и самоотверженіемъ коренныхъ жителей; что село Иваново снабжаетъ своими произведеніями главнѣйшія мѣстности въ торговомъ мірѣ и доставляетъ существенную пользу всей коммерціи, и что, наконецъ, Иваново пріютило въ своихъ предѣлахъ многихъ купцовъ и взыскивало съ нихъ за проживаніе или самую ничтожную плату или вовсе никакой,— сознавая все это самъ же помѣщикъ отклонилъ предлагаемый ему купечествомъ выкупъ за это село со всѣми принадлежащими къ нему угодьями при полномъ и ясномъ убѣжденіи, что выкупъ отяготитъ крестьянъ и отдалитъ отъ нихъ цѣль истиннаго улучшенія ихъ быта. Казалось бы, (говорится въ заключеніи докладной записки), съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, должна исчезнуть и послѣдняя преграда къ осуществленію той мысли и того убѣжденія, которыя самъ помѣщикъ добровольно высказалъ въ своемъ ходатайствѣ предъ Правительствующимъ Сенатомъ, опредѣляя селу Иванову участь города, заслуженную многолѣтнимъ и тяжкимъ трудомъ, чрезмѣрными усиліями и самоотверженіемъ коренныхъ его жителей; но къ совершенной неожиданности, эта несчастная преграда явилась изъ того же источника, изъ котораго такъ еще недавно слышался голосъ сознанія о необходимости довершить судьбу этой замѣчательной мѣстности. По обнародованіи Положенія 19 Февраля 1861 года, помѣщикъ

по праву вотчинника, давно уже ограниченному частными его сдѣлками, отобралъ отъ крестьянъ базарныя площади съ выстроенными на счетъ общества лавками и другими постройками (т. е., то, что составляетъ одну изъ важныхъ потребностей фабричнаго села Иванова и что самъ помѣщикъ защищалъ въ пользу кореннаго населенія села Иванова), оцѣнилъ собственную крестьянскую усадьбу въ три раза дороже противъ настоящей ея стоимости, а вмѣстѣ съ тѣмъ присвоилъ себѣ и всѣ купеческія и мѣщанскія усадьбы съ постройками на милліоны рублей, подъ видомъ никогда не бывалой аренды. Такимъ образомъ, все Иваново, созданное, по выраженію даже самого Графа Шереметева, вѣковымъ народнымъ трудомъ, обращено въ удѣлъ одного помѣщика и поставлено въ такое безвыходное положеніе, при которомъ оно не только не можетъ достигнуть когда-либо цѣли самостоятельнаго городскаго устройства, но, очевидно, не въ силахъ существовать даже такъ, какъ оно существовало при крѣпостномъ правѣ."

Въ концѣ концовъ пришлось уступить силѣ и купцы и мѣщане принуждены были вторично платить за свои дома и земли. Базарныя площади и лавки остались во власти помѣщика и торговцы платятъ аренду, не смотря на то, что когда-то сами выстроили эти лавки и должно бы общество, а ни какъ не помѣщикъ получать эти деньги. Такая несправедливость бывшаго помѣщика доставила Иванову еще нѣсколько захудалыхъ фабрикантовъ, которые не могли уже поправиться послѣ этого совсѣмъ непредвидѣннаго вынужденнаго подарка Графу Шереметеву, который въ сущности ровно ничего не сдѣлалъ для внѣшняго благоустройства города, такъ какъ даже тѣ мостовыя, которыя существовали въ бывшемъ селѣ Ивановѣ, устроены были никакъ не помѣщикомъ, а тѣмъ же купечествомъ, которое выплатило Графу Шереметеву громадныя деньги за свой выкупъ и дважды уплатило за дома

и земли. Такъ кончился этотъ споръ помѣщика съ бывшими вольноотпущенными. Объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщику и объ ихъ выкупѣ будетъ сказано во второй части, такъ какъ выкупъ совершился послѣ 19 февраля 1861 года, а вскорѣ послѣ этого выкупа образовался городъ Иваново-Вознесенскъ.

Глава IV.

Исторія села Иванова и Вознесенскаго посада.

Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, какъ извѣстно, производилась чрезвычайно дѣятельная раскопка многочисленныхъ кургановъ, разсѣянныхъ по всей землѣ Русской. Раскопки эти, кромѣ достиженія прямой ихъ цѣли, подтвержденія различныхъ фактовъ русской исторіи, доставили свѣдѣнія о Мерянахъ, народѣ Финскаго происхожденія, который, въ первое время существованія Руси, занималъ видное мѣсто среди разноплеменнаго ея населенія и жилъ на сѣверо-востокѣ нынѣшней Россіи, спускаясь даже до Клязьмы и Москвы-рѣки. Раскопки кургановъ, произведенныя въ различныхъ мѣстностяхъ, показали, что Меряне жили главнымъ образомъ по берегамъ рѣкъ, а еще больше озеръ, при чемъ выбирали для своихъ поселеній возвышенности. Письменности у нихъ не было, такъ что судить по письменнымъ памятникамъ о ихъ развитіи, конечно, не приходится; но предметы, вынутые изъ могилъ, ясно показываютъ, что они стояли на довольно высокой степени развитія. Желающихъ ближе ознакомиться съ Мерянами, отсылаемъ къ цѣнному труду нашего извѣстнаго археолога Графа Уварова: „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ,“ къ которому приложена прекрасная карта разселенія Мерянъ. Около бывшаго Вознесенскаго посада находилось нѣсколько кургановъ, которые

носили общее названіе „Быки." Въ 1863 году обращено было вниманіе и на нихъ и поручено разрыть эти курганы покойному нынѣ редактору неоффиціальной части Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, пріобрѣтшему уже почетную извѣстность своими трудами по археологіи, К. Н. Тихонравову. Разрыто было 54 кургана и найденныя тамъ вещи оказались совершенно сходными съ такими же вещами, которыя находимы были въ курганахъ Суздальскаго, Юрьевскаго и Переславскаго уѣздовъ. Небольшая разница лишь въ томъ, что въ послѣднихъ нѣкоторыя вещи, именно, кольца и браслеты были серебряные, а здѣсь мѣдные. Найдено было нѣсколько остововъ, частью разсыпавшихся при копаніи, частью попорченныхъ потому, что курганы эти были вспаханы. Курганы были не наносные, а земля бралась тутъ же, такъ что они окружены были рвами порядочной глубины. При копаніи найдены были: у мужскихъ остововъ засапожные ножи у лѣвой ноги и у пояса; на кожаномъ поясѣ бляхи. У женскихъ остововъ на вискахъ въ волосахъ кольца; на шеѣ стеклянныя бусы и разныя мѣдныя привѣски; у плеча пуговицы; у кисти рукъ браслеты, какъ у большихъ, такъ и дѣтей. Въ нѣкоторыхъ курганахъ находимы были разбитые горшки, гдѣ находился пепелъ и угли. Топоры, которые находились у лѣваго бока нѣкоторыхъ мужскихъ остововъ, снабжены были длинными деревянными рукоятками, отъ которыхъ впрочемъ сохранился только слѣдъ. Пояса были кожаные и куски этой кожи частію сохранились. Точно такіе же курганы находились на нынѣшней Мельничной улицѣ, на возвышенности надъ спускомъ къ рѣкѣ, но курганы эти, конечно, уничтожены были при постройкѣ домовъ, еще въ 30-хъ годахъ. Такимъ образомъ первыми поселенцами въ здѣшней мѣстности являются Меряне. Но какъ они исчезли, кто заставилъ ихъ исчезнуть—неизвѣстно, только въ XVII столѣтіи мы находимъ уже здѣсь село порядочныхъ размѣровъ и съ

признаками промышленнаго направленія жителей. Это село Иваново, о которомъ и идетъ рѣчь.

Писать исторію села Иванова есть въ сущности писать исторію развитія той промышленности, которая доставила ему такую славу и поставила его на ряду съ самыми значительными промышленными мѣстностями. По этому слишкомъ распространяться объ историческихъ судьбахъ села Иванова мы не будемъ, а вкратцѣ упомянувши о прежнихъ временахъ, обратимъ главное вниманіе на развитіе мануфактурной промышленности, отъ времени до времени вставляя въ исторію этого развитія эпизоды изъ общественной жизни Иванова. Покойный В. А. Борисовъ, въ своемъ „Описаніи города Шуи и окрестностей,“ говоритъ между прочимъ о селѣ Ивановѣ, что оно въ 1561 году считалось въ числѣ черныхъ Государевыхъ селъ и подарено въ этомъ году князю Черкасскому, на сестрѣ котораго Иванъ IV женился въ томъ же 1561 году. Затѣмъ имѣніе это, не взирая на опалу, которая постигла князей Черкасскихъ, оставалось, по словамъ Борисова, все таки въ ихъ родѣ. Но болѣе точныя изслѣдованія показываютъ намъ, что Иваново находилось въ вотчинѣ князей Шуйскихъ, и только послѣ 1638 года, когда послѣдній представитель этого рода князь Иванъ Ивановичъ постригся въ монахи и умеръ подъ именемъ Іоны въ томъ же году, мы встрѣчаемъ новаго владѣльца Ивановской вотчины, князя Якова Куденетовича Черкасскаго, который въ первый разъ упоминается въ актѣ 1644 года. Названіе свое Иваново получило, какъ говорятъ, по церкви Іоанна Богослова, которая была здѣсь. Дѣйствительно, и теперь существуетъ при Воздвиженской церкви придѣлъ во имя Іоанна Богослова, и въ старину весьма распространено было обыкновеніе давать селамъ названія по существующимъ въ нихъ церквамъ. Первымъ актомъ, дошедшимъ до насъ отъ XVII вѣка, есть „Память Княгини Скопины-Шуйской въ село Иваново 1631 г.“

„Лѣта 7139 году Ноября въ 10 день. Память Княгини Анисьи Петровны Скопины Шуйской волости Кохмы села Иванова мельникомъ Левонтью Дмитріеву да Пятому Иванову. Уговорились вы съ Воиномъ Лукояновичемъ Карсаковымъ да съ подъячимъ З Богданомъ Григорьевымъ о монастырской мельницѣ, что въ Талецкой волости въ селѣ Усольѣ на рѣкѣ на Уводи и по рукамъ били и память къ себѣ о томъ за Богдановой рукой взяли, а дали записи пріѣхать было вамъ въ Суздаль какъ Воинъ Лукояновичъ изъ помѣстья пріѣдетъ и Воинъ Лукояновичъ дескать какъ въ Суздаль пріѣхалъ тому больши двухъ недѣль, а вы на мельницу записи писать не по своему уговору не бывали. И какъ къ вамъ ся память придетъ и вы бъ для уговору тое мельницы ѣхали въ Суздаль въ Покровской монастырь и пріѣхавъ явились на съѣзжей избѣ Воину Лукояновичу Карсакову да подъячему Богдану Григорьеву и той мельницѣ записи написали" *). Такимъ образомъ мы сразу встрѣчаемся съ промышленными Ивановцами, на этотъ разъ съ мельниками, которые арендовали мельницы даже внѣ Иванова. Упоминаемый здѣсь Воинъ Лукояновичъ Карсаковъ былъ стряпчимъ Суздальскаго Покровскаго монастыря; село Усолье—теперешняя слобода Холуй, гдѣ монастырь владѣлъ въ то время мельницей. Акты 1637 года показываютъ намъ, что Иваново находилось все еще во владѣніи Шуйскихъ, при чемъ оно носило даже названіе Иваново-Кохма, такъ какъ нынѣшнее село Кохма называлось Рожественымъ. Покровскій монастырь (нынѣ Покровскій соборъ въ г. Иваново-Вознесенскѣ) существовалъ уже въ то время, на что имѣется явное свидѣтельство въ подписи игумена этого монастыря на актѣ 1637 года **). Въ 1644 году владѣльцемъ Иванова является князь Я. К. Черкасскій, который вызванъ былъ въ Россію царемъ

*) Влад. Губ. Вѣд.

**) Самый актъ см. Борисова Описаніе г. Шуи.

Михаиломъ Өедоровичемъ. Въ 1633 году мы встрѣчаемъ этого Черкасскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ онъ получилъ тотъ самый домъ, который принадлежалъ прежде Козьмѣ Минину и въ которомъ до смерти своей жила несчастная невѣста Михаила Өедоровича Марья Хлопова (умерла въ 1633 году). Народъ въ Ивановѣ былъ промышленный, о чемъ намъ приходилось не разъ говорить выше. Акты 1644 и 1666 годовъ ясно показываютъ намъ, что Ивановцы не любили сидѣть на одномъ мѣстѣ, а ѣздили по ярмаркамъ, „съ торженцомъ и товаренцомъ волочились.“ Челобитная крестьянина села Иванова Трифона Григорьева отъ 1691 года показываетъ намъ, что его ограбили въ Холуйской—Тихвинской ярмаркѣ, сняли съ него 12 рублей, вырученныхъ имъ за *холщевый промыселъ.* Такимъ образомъ добрались мы до основнаго, такъ сказать, промысла, которымъ началась нынѣшняя слава Иваново-Вознесенска, какъ центра мануфактурной, ситцевой промышленности. Первоначальное поселеніе сосредоточивалось по лѣвой сторонѣ Потока, около Воздвиженской церкви. По описнымъ книгамъ Михаила Трусова и Витовтова Иваново значилось въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Опольномъ стану при урочищѣ Конусъ и ручьѣ Потокѣ *). По урочищу названа одна изъ Ивановскихъ улицъ, а ручей Потокъ существуетъ и до сихъ поръ. Въ Опольный станъ Суздальскаго уѣзда входила мѣстность, лишенная лѣсовъ, которая и до сихъ поръ носитъ названіе Опольщины. Актъ 1723 года добавляетъ указаніе, что Иваново находилось въ Опольномъ стану, словами „за лѣсомъ,“ такъ что не страннымъ является теперь включеніе въ безлѣсный станъ Иванова, окруженнаго въ старину дремучими лѣсами. Первоначальное поселеніе было не велико, но рядомъ съ Ивановымъ существовалъ монастырь. Извѣстно значеніе монастырей въ дѣлѣ образованія нашихъ поселеній. Громадное большинство нашихъ старинныхъ селъ образовалось

*) Борисовъ. Указан. соч.

именно благодаря существованію монастырей. Основывается монастырь. Слухи объ этомъ монастырѣ разносятся быстро—начинается хожденье на богомолье, а гдѣ собирается много народу въ пріуроченные дни, тамъ сейчасъ же являются предпріимчивые торгаши—„сперва съ поноской, потомъ съ полочкомъ, а тамъ ужъ и съ лавочкой.“ Не даромъ въ началѣ XVIII столѣтія установился особенный сборъ „съ богомольныхъ ярмарокъ.“ Какъ бы то ни было, а монастыри владѣли большими преимуществами сравнительно хотя бы съ помѣщиками—крестьянамъ было вольготнѣе: большихъ требованій монастырь не предъявлялъ, а свободы монастырскимъ крестьянамъ было много. Въ 1752 году мы встрѣчаемъ уже въ Ивановѣ Троицкую слободу *), которая переименована была потомъ въ Негорѣлую улицу. Къ этому времени Иваново уже успѣло вырости значительно—оно сдѣлалось торговымъ селомъ,—по крайней мѣрѣ, отъ 1705 года имѣется указъ объ открытіи торга въ селѣ Ивановѣ и о постройкѣ нужныхъ для продажи питей строеній, при чемъ для сбора пошлинъ и питейной прибыли должны были ѣздить изъ Шуи цѣловальники, такъ какъ Иваново отъ Шуи было не далеко. Въ 1707 году является уже въ Ивановѣ кабакъ и сбору отъ этого новозаведеннаго кабака въ первый же годъ получено 176 рублей 7 алтынъ и 2 деньги, а на слѣдующій 1708 годъ того же сбору было 212 руб. 29 алт. и 3 деньги. Торговали, значитъ, хорошо и было кому пить. Что Иваново въ первой половинѣ XVIII столѣтія было уже значительнымъ поселеніемъ, видно изъ любопытнаго указа Московской Духовной Дикастеріи Шуйскому Воскресенскому Протопопу Симеону отъ 6 Сентября 1723 года. Цѣликомъ приводить этотъ указъ, конечно, не зачѣмъ, такъ какъ онъ утомительно длиненъ по своимъ повтореніямъ,—помѣщаемъ его въ

*) Поступное письмо Кашинцева.

изложенiи, приводя наиболѣе любопытныя мѣста словами указа. Въ 1723 году въ Московскую Духовную Дикастерiю подана было челобитная Суздальскаго уѣзда вотчины князя А. М. Черкасскаго села Иванова и деревень старостъ Семена Елизарова и Сергѣя Иванова, а въ ней написано: „въ вотчинѣ-де господина ихъ князь Алексѣя Михайловича въ селѣ Ивановѣ приходскiя церкви—одна во имя Воздвиженiя Честнаго Креста Господня съ придѣломъ Iоанна Богослова, другая церковь во имя святыя Великомученицы Праскевы—построены *изстари*. А въ нынѣшнемъ-де 723 году Iюля въ 27 числѣ въ показанномъ селѣ отъ воли Божiей учинился пожаръ великой, отъ котораго погорѣло крестьянскихъ *двѣсти дворовъ*, а помянутыя церкви процѣлѣли.“ Во время этого пожара кто-то изъ простыхъ людей снялъ съ престоловъ одежды и антиминсы, которые потомъ нашлись въ цѣлости. Просьба заключалась въ томъ, „чтобы повелено было на помянутыхъ обнаженныхъ престолахъ одѣянiе положить вновь и сотворить посвященiе Троицкаго монастыря Игумену Ѳеодосiю, который обрѣтается въ богомольи господина ихъ при ономъ же селѣ Ивановѣ.“ Далѣе слѣдуетъ указанiе, что нужно было сдѣлать Протопопу Семеону—нужно было осмотрѣть, въ какомъ положенiи находятся одежды и антиминсы,—если не ветхи и не повреждены, то пусть Игуменъ Ѳеодосiй, по уставу сдѣлавши освященiе, положитъ ихъ опять на престолы; если же повреждены или сдѣлались ветхи, то положить новые. Въ этомъ указѣ для исторiи Иванова важно указанiе на то, что было двѣ церкви, значитъ, село было значительно и богато, а затѣмъ, что Покровскiй или Троицкiй, какъ уже называется онъ, монастырь былъ богомольемъ князя Черкасскаго. Упоминанiе о томъ, что церкви построены *изстари* и что возникъ вопросъ, не ветхо ли одѣянiе престольное и антиминсы, даетъ намъ знать, что Иваново существовало очень и очень долго.

Съ самаго перваго раза, когда являются историческіе памятники объ Ивановѣ, жители этого села представляются намъ промышленнымъ народомъ, который не довольствуется однимъ земледѣльческимъ трудомъ, очевидно, не обезпечивающимъ существованія крестьянина и его семьи—онъ изыскиваетъ всевозможныя средства для улученія своей жизни, и благодаря подвижности своей натуры и старинному, выработанному вѣками, безпокойному, дѣятельному характеру, берется за все—онъ и мельникъ (актъ 1631 и 37) и торговецъ по ярмаркамъ (1644 и 66) и съ холщевымъ промысломъ (1691); словомъ, на всѣ руки. Особенно посчастливилось Ивановцу въ послѣднемъ промыслѣ. Съ него началась у него новая эпоха въ его жизни,—изъ этого не особенно обширнаго ручнаго промысла выросла громадная фабричная промышленность, и послѣ первыхъ піонеровъ-торговцевъ холстомъ, „волочащихся по ярмаркамъ съ торженцомъ и товаренцомъ," появились цѣлые ряды лавокъ, спеціально носящихъ названіе Ивановскихъ рядовъ.

И такъ, въ концѣ XVII столѣтія мы встрѣчаемъ Ивановцевъ, какъ торговцевъ холстами по ярмаркамъ. Въ началѣ XVIII столѣтія торговля эта была уже на столько развита, что недовольствовались простымъ холстомъ, а красили его и набивали и этимъ уже раскрашеннымъ и набитымъ холстомъ вели торговлю въ отдаленныхъ мѣстностяхъ тогдашней Россіи. Такъ извѣстно, что въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ Астрахани вели торговлю Василій Гандуринъ съ братьями, а затѣмъ во второй половинѣ Иванъ Матвѣевичъ Гарелинъ. Астрахань была въ то время средоточіемъ торговли русскихъ съ азіатцами, такъ какъ Макарьевкая ярмарка едва только зачиналась. До того времени пока завелись въ Ивановѣ настоящія фабрики, набойка производилась по грубому холсту масляной краской. Искусство набойки требовало предварительнаго умѣнья вырѣзывать узоры на доскахъ,

посредствомъ которыхъ производилось печатанье или набойка. Къ искусству этому русскимъ не учиться было стать—давно уже на Руси знакомы были съ этимъ вырѣзываньемъ узоровъ на деревѣ, давно вырѣзывали изъ дерева цѣлыя фигуры для украшенія, давно употреблялись формы съ рисунками для выдѣлки кирпичей—изразцовъ. До сихъ поръ сохраняется эта рѣзьба на деревѣ, составляющая украшеніе богатыхъ домовъ въ нашихъ селахъ и деревняхъ. Во владимірской губерніи первыми мѣстностями, гдѣ началась набивка по холсту масляными красками, необходимо должны были явиться тѣ, въ которыхъ развито было малярное и иконописное мастерство—такой мѣстностью изстари былъ Суздальскій уѣздъ, въ округѣ котораго Борисоглѣбская слобода или городъ Шуя славился своими иконописцами. Ивановцы, во время своихъ постоянныхъ странствованій по ярмаркамъ, переняли мастерство набивать по холсту масляными красками, а рѣзчики у нихъ были свои, по крайней мѣрѣ, въ началѣ XVIII столѣтія здѣсь уже было извѣстно цѣлое семейство рѣзчиковъ, Кашинцевы, одинъ изъ которыхъ сдѣлалъ болѣе легкимъ и изящнымъ набоечное дѣло, выучившись, въ бытность свою въ Москвѣ и Шлиссельбургѣ на тамошнихъ фабрикахъ, вставлять латунь въ деревянныя доски, гдѣ вырѣзывался маперъ или рисунокъ.

Петръ Великій обратилъ большое вниманіе на развитіе отечественной промышленности. Съ этой цѣлью выписаны были имъ изъ-заграницы различные мастера, между прочимъ суконнаго и полотнянаго дѣла. Мѣстность около Шуи развитіемъ холщеваго и набоечнаго мастерства не могла не обратить на себя вниманія, тѣмъ болѣе, что Ивановцы повсюду „волочились“ съ своими товарами, и вотъ въ 1720 году въ Кохмѣ (въ 9 верстахъ отъ Иванова) является иностранецъ Тамесъ или Тамень, котораго Петръ пригласилъ изъ Голландіи, какъ мастера въ полотняномъ производствѣ *). Тамесу

*) Берхгольцъ.

отданы были Кохма и окружающія ее деревни съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ здѣсь полотняныя фабрики. Въ 1720 году устроена была Тамесомъ фабрика, которая и послужила основаніемъ и образцомъ для мѣстной льноткацкой промышленности. Его фабрика раздѣлялась на прядильную, ткацкую и бѣлильную; въ нихъ работали, кромѣ мужчинъ, и женщины, отданныя въ наказаніе. Мастера у Тамеса были выписаны изъ Голландіи, но между ними впослѣдствіи находились и русскіе, выучившіеся у него на фабрикѣ. Насколько вообще заботливо относилось правительство къ льнопрядильному и льноткацкому производству, показываютъ, кромѣ устройства этой фабрики, различныя мѣропріятія въ видахъ облегченія сбыта отечественныхъ матеріаловъ здѣсь и заграницей. Въ 1715 году велѣно было вездѣ ткать широкія полотна, а въ 1718 году опять дозволено продавать и отпускать заграницу узкія; въ 1723 году съ русскихъ полотенъ и крашенины приказано сбавить цѣны, чтобы этимъ средствомъ завлечь покупателей—иностранцевъ. Примѣръ Тамеса подѣйствовалъ благопріятнымъ образомъ на окрестныхъ обывателей и вскорѣ начали заводить здѣсь такія же фабрики; такъ устроены были фабрики въ Ивановѣ, Ярославлѣ и Костромѣ. Торговля равендукомъ, фламскимъ полотномъ, чешуйкой, дрелью и другими цвѣтными, гладкими и узорчатыми тканями мѣстнаго издѣлія производилась на городскихъ рынкахъ, сельскихъ базарахъ и въ особенности на ярмаркахъ. Этимъ занималось населеніе нынѣшнихъ Шуйскаго, Вязниковскаго и Ковровскаго уѣздовъ, которые носили названіе офень, ходебщиковъ или суздалъ, такъ какъ вся эта мѣстность въ XVII и XVIII столѣтіяхъ входила въ районъ Суздальскаго уѣзда. Потому-то до сихъ поръ на Украинскихъ ярмаркахъ торговыя помѣщенія ивановскихъ, шуйскихъ и окрестныхъ фабрикантовъ называются суздальскими, а сами торговцы суздалами. Въ 1751 году появляются уже въ Ивановѣ фабрики

М. И. Ямановскаго, И. М. Гарелина и Е. И. Грачева. Но эти фабрики не были еще ситценабивными,—это были полотняныя фабрики, а набивное искусство, но уже не масляными красками, возникло здѣсь слѣдующимъ образомъ.—

Старанія Петра Великаго развить въ Россіи промышленность не остались тщетными, тѣмъ болѣе, что она уже существовала, хотя и въ первобытномъ состояніи. Уже въ первой половинѣ XVII столѣтія открываются въ Петербургѣ и Шлиссельбургѣ различнаго рода фабрики, между прочимъ и ситце-набивныя. Рабочіе направлялись туда частію по неволѣ, частью добровольно и въ 30-хъ годахъ того столѣтія мы встрѣчаемъ свѣдѣнія объ Ивановцахъ, работавшихъ тамъ или имѣвшихъ сношенія съ тамошними купцами.—Важнымъ документомъ по этому дѣлу имѣемъ мы указъ Графа П. Б. Шереметева Ивановскому „первостатейному" Дурденевскому съ старостами, въ которомъ изображено слѣдующее обстоятельство: Въ 1737 году Дмитрій Ивановъ Ямановскій занялъ у Петербургскаго купца Ильина денегъ 150 рублей, въ чемъ и далъ послѣднему вексель за поручительствомъ двухъ Грачевыхъ.—Такимъ образомъ сношенія у Ивановцевъ съ Петербургомъ были уже въ первой половинѣ XVII столѣтія и при томъ видимо давнія и значительныя, такъ какъ ручательство двухъ Ивановскихъ крестьянъ считалось на столько надежнымъ, что благодаря ему выданы подъ вексель деньги.— Затѣмъ Ямановскій умеръ, наслѣдниками послѣ него остались братъ и жена, которые денегъ не платили, а пришлось платить поручителямъ. Со стороны поручителей тогда и подана была Графу Шереметеву челобитная, въ которой они просили, чтобы онъ приказалъ наслѣдникамъ покойнаго Ямановскаго удовлетворить ихъ, поручителей, за выплаченныя ими деньги, такъ какъ-де дѣла брата, наслѣдовавшаго фабрику, идутъ хорошо, самъ онъ не пьянствуетъ, какъ прежде, фабрика работаетъ постоянно, двое сыновей Ямановскаго живутъ въ

Петербургѣ и получаютъ по 110 рублей въ годъ. На это челобитье послѣдовалъ указъ Графа Шереметева (отъ 1759 года), чтобы сдѣлано было все для удовлетворенія челобитчиковъ.— И такъ, фабрика Ямановскаго существовала уже въ первой половинѣ XVII столѣтія, Ивановцы вели дѣла съ Петербургомъ и пользовались довѣріемъ, также работали на Петербургскихъ фабрикахъ и даже получали значительныя по тому времени деньги,—дѣло, значитъ, поставлено было на настоящую дорогу и полотняныя фабрики были въ ходу. Оставалось только дожидаться толчка, чтобы съ набойки масляными красками по холсту перейти къ болѣе раціональному способу набивать другими красками, тѣмъ болѣе, что конкуренція съ лучшею набойкой становилась все труднѣе и труднѣе. Въ это время мы встрѣчаемся съ путешествіями Ивановцевъ въ Шлиссельбургъ и другія мѣста съ цѣлью познакомиться съ секретомъ составленія красокъ. Положеніе мануфактурной промышленности въ Россіи въ то время было таково. Главная фабрикація набойки ситцевъ по новому способу сосредоточивалась въ Шлиссельбургѣ, гдѣ на фабрикѣ Леймана работало много Ивановцевъ. Кромѣ фабрики Леймана извѣстна была фабрика Чамберлинъ и Козенсъ, также ситценабивная. Образецъ работы этой фабрики съ сохранившимся клеймомъ, на которомъ выставленъ годъ 1755, находится у автора. Фабрики могли работать совершенно свободно, не нуждаясь въ рабочихъ, потому что давали тогдашнимъ фабрикантамъ большое количество крѣпостныхъ крестьянъ въ видахъ поощренія къ производству. Кромѣ того для большей поддержки фабричной производительности и для усиленія ея было издано запрещеніе дѣлать набойку и заводить новыя фабрики, кромѣ уже существующихъ, такъ что приходилось только открывать заведенія для выдѣлки полотна. Но подобное запрещеніе оказалось неудобнымъ и потому въ 1762 году послѣдовало дозволеніе заводить фабрики и дѣлать набойку, а по истеченіи

десятилѣтняго исключительнаго права на ситцевое производство, позволено всѣмъ заводить такія фабрики. Въ 1776 году встрѣчаемъ уже въ Ивановѣ по примѣру крупныхъ представителей полотняго производства много домашнихъ заведеній для набойки по холсту; нѣкоторые изъ такихъ фабрикантовъ сами набивали набойку, а семейства ихъ производили прочія работы. Такихъ домашнихъ или мелкихъ фабрикантовъ въ отличіе отъ большихъ, въ послѣдствіи прозвали горшечниками и кустарниками. Сами же фабриканты и продавали свои произведенія въ Москвѣ, Казани, селѣ Ивановѣ и на ярмаркахъ: макарьевской, ростовской, холуйскихъ, ковровской, парской и ирбитской, при чемъ крупные фабриканты возили свои товары и далеко, а мелкіе ограничивались Ивановомъ и окрестными ярмарками; главными же разносчиками Ивановскихъ произведеній по всѣмъ концамъ Россіи были офени, которыхъ не мало было въ самомъ Ивановѣ. Произведенія покупались или на наличныя деньги или въ кредитъ, но на краткіе сроки, отъ 3 до 6 мѣсяцевъ; шестимѣсячный срокъ считался самымъ дальнимъ и обременительнымъ для фабриканта и давался покупателю во время застоя торговли.

Въ 1775 году дозволено было всѣмъ рыть корень марены и продавать его, ибо, по словамъ указа, оставленіе этого по прежнему въ однихъ рукахъ причинило бы подрывъ фабрикамъ и красильщикамъ. Въ томъ же 1775 году уничтожено право, данное въ 1751 году, на 30 лѣтъ, на исключительное дѣланье и продажу кубовой краски и разрѣшено всѣмъ ее дѣлать; дозволено также каждому свободное добываніе кошенили. Въ 1769 году дозволено было каждому заводить ткацкіе станы для производства всякаго издѣлія по уплатѣ положенной въ то время пошлины, по рублю съ каждаго стана. Но этотъ сборъ со становъ, а также и съ фабрикъ по 1% съ капитала по цѣнѣ выработанныхъ издѣлій отмѣненъ въ 1775 году. Подобная пошлина заставляла

между прочимъ крупныхъ тогдашнихъ Ивановскихъ фабрикантовъ при подачѣ вѣдомостей въ мануфактуръ-коллегію уменьшать количество производства во избѣжаніе налога. Въ 1761 году запрещено фабрикантамъ и заводчикамъ не изъ дворянъ покупать крестьянъ, но въ 1798 году это запрещеніе отмѣнено для большаго умноженія фабрикъ и заводовъ. Въ 1798 году для поощренія русскаго ситценабивнаго производства постановлено возвращать фабрикантамъ половину взысканной пошлины съ бѣлаго иностраннаго полотна, такъ что русскій фабрикантъ, выписывающій изъ заграницы бѣлое бумажное полотно (въ то время бумага начала вытѣснять ленъ), получалъ обратно половину пошлины, когда на этомъ полотнѣ были набиты ситцы. Таковы были мѣропріятія правительства въ пользу отечественной промышленности. Обращаемся къ исторіи производства ситцевъ въ Ивановѣ, для чего намъ опять нужно вернуться къ началу второй половины XVIII столѣтія.

Съ 1776 года по Иванову распространились набоечныя заведенія у такъ называемыхъ горшечниковъ или кустарей. Это развитіе обязано было началомъ своимъ большимъ фабрикантамъ, которые не довольствуясь выдѣлкой полотна, ввели у себя существовавшую уже тогда набойку по холсту масляными красками. Что набоечныя заведенія существовали до 1776 года въ Ивановѣ, видно изъ духовнаго завѣщанія Ямановскаго, писаннаго въ 1773 году: „сыну меньшему Іоанну благословеніе изъ общей суммы на постройку дома и покупку земли подъ домъ семьсотъ рублей; а набоешныя избы супротивъ дому къ бору, подлѣ дому сыну большему Іоанну заочно благословляю.“ Ходъ тогдашняго производства для набивки по холсту былъ очень несложный; самостоятельныхъ рисовальщиковъ въ этотъ холщевый періодъ ивановской фабрикаціи не существовало, а рисунки заимствовали фабриканты съ московскихъ, петербургскихъ, рижскихъ и иностранныхъ

бумажныхъ или полотняныхъ издѣлій, которые для образцовъ покупали по нѣскольку аршинъ; эти рисунки существовали по нѣскольку лѣтъ и имѣли различныя названія: тупица, гребенка, коса, листочекъ, дунька и т. п. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло все еще съ полотняной фабрикаціей. Кромѣ свѣдѣній, которыя относятся къ 1751 году, мы имѣемъ слѣдующія данныя для подтвержденія давности полотняной фабрикаціи въ селѣ Ивановѣ. По запроснымъ извѣстіямъ изъ суздальской провинціальной канцеляріи между прочимъ сообщено: 1) въ академію наукъ отъ 28 апрѣля 1760 года и 2) въ кадетскій корпусъ отъ 31 января 1761 года, что „народъ уѣздный (въ суздальскомъ уѣздѣ) упражняется въ земледѣліи, а нѣкоторые ѣздятъ и ходятъ въ разные города съ иконами и для битья шерсти и прочаго," чѣмъ тогда промышляли многіе ивановцы и жители окрестныхъ деревень (извѣстными шерстобитами были Шодчинъ и Куваевъ). Между прочимъ, выставлены были полотняныя фабрики въ селѣ Ивановѣ на рѣкѣ Уводи, которыя содержались ивановскими крестьянами. Безъ сомнѣнія, это были фабрики Гарелина, Ямановскаго и Грачева, такъ какъ кромѣ ихъ никакихъ самостоятельныхъ фабрикъ въ то время не было.

Послѣ 1776 года начинается усиленное странствованіе Ивановцевъ въ Петербургъ и Шлиссельбургъ съ цѣлью узнать секретъ составленія красокъ и способы лучшей набивки. Около 1780 года отправились сначала въ Москву, потомъ въ Шлиссельбургъ (въ Шлиссельбургѣ была въ то время фабрика Леймана) Ивановскіе крестьяне Соковъ, Ишинскій, Бутримовъ, Демосинъ и Кулеинъ. Это все были люди, уже занимавшіеся у мѣстныхъ фабрикантовъ и въ большинствѣ случаевъ рѣзчики, т. е., вырѣзывали рисунки. Другіе отправлялись въ Ригу и Нарву. Въ Ригѣ одновременно съ Гандуриными, торговавшими въ Астрахани, вели торговлю Дурденевскіе. Около 1798 года на тамошнихъ фабрикахъ былъ набойщикомъ

ивановскій крестьянинъ Иванъ Кузьменковъ. Онъ выучился составлять краски и вернувшись въ Иваново, устроилъ небольшую набоечную фабрику, которая прекратила свое существованіе въ 1815 году, со смертью основателя. Но пока еще не возвращались первоначальные виновники развитія ситценабивной промышленности въ селѣ Ивановѣ, набивали болѣе платки, набойку и такъ называемую выбойку, которая вошла въ употребленіе во второй половинѣ XVIII столѣтія; выбойка была по холсту разныхъ сортовъ первоначально масляными и линючими (верховыми, смывными) красками, а потомъ заварными, окрашиваемыми въ астраханской, цареградской и персидской маренахъ и въ нѣмецкомъ и бреславскомъ крапахъ. Цвѣта, окрашенные въ крапахъ и маренѣ преимущественно были черный и красный; они послѣ заварки или крашенія набивались голубою изъ лазури и желтою изъ цитрона или охры. Кромѣ этого дѣлали однокубовые платки и ситцы, окрашиваемые въ холодныхъ кубахъ. Крашенину и пряжу для тканья окрашивали съ давняго времени въ горячихъ кубахъ, по просту въ горшкахъ, отчего и названіе мелочныхъ фабрикантовъ горшечниками. По словамъ ивановскихъ старожиловъ первое болѣе правильное заведеніе для набивки по холсту устроено было крестьяниномъ Иваномъ Ишинскимъ, слишкомъ за 50 лѣтъ до 1812 года, хотя уже тогда существовали здѣсь полотняно-набоечныя фабрики. Появленіе выбойки вызвано было желаніемъ подражать въ нарядахъ богачамъ (своего рода модой)—богачи носили шелковыя матеріи съ различными цвѣтами, а такъ какъ бѣднымъ покупать шелкъ было невозможно, то набойщики и рѣшились помочь горю, выпустивши въ свѣтъ выбойку. Первый выбоечный рисунокъ снятъ былъ съ бухарской бумажной бахты, которую можно и до нынѣ встрѣтить въ продажѣ. Слѣдовательно, въ Бухарѣ существовало одно изъ древнѣйшихъ производствъ набойки—оно осталось и до нынѣ

въ такомъ же грубомъ видѣ. Однородныя съ этими набойки привозятся и теперь въ Закавказье изъ Персіи—рисунки почти тѣже. Г. Н. Полушинъ въ своемъ, къ сожалѣнію весьма краткомъ, „Очеркѣ начала и развитія ситцевой промышленности въ селѣ Ивановѣ *)," вотъ что говоритъ о выбойкѣ: „Съ 1795 года по 1810 ивановскіе фабриканты работали, такъ называемую, выбойку, которая была въ большомъ ходу и по замысловатости своей работы заслуживаетъ полнаго вниманія. Набитый однимъ рисункомъ холстъ закрашивали въ черную краску, что и составляло выбойку: бѣлыя же мѣста рисунка предназначались для различныхъ красокъ. Пестрота рисунка составляла первое достоинство товара. Были и такіе сорта товара, которые требовали, по понятіямъ того времени, необходимой отдѣлки отъ руки; она слыла подъ именемъ *расцвѣтки* и состояла въ томъ, чтобы мелкія мѣста рисунка, для которыхъ ручной манеръ 1798 года былъ непримѣнимъ, *раскрашивать кисточкой*. Этой работой преимущественно занимались женщины: вооружась кисточкой онѣ раскрашивали штуку ситца предназначенной краской. Такихъ работницъ бывало до 20 на каждой фабрикѣ села Иванова и онѣ успѣвали изготовлять *по одной штукѣ въ день*." Тотъ же г. Полушинъ начало ситцевой фабрикаціи въ Ивановѣ въ полномъ смыслѣ этого слова относитъ къ 1751 году, когда, по его словамъ, Григорій Бутримовъ, вернувшись въ Иваново изъ Шлиссельбурга, устроилъ заведеніе на 100 набивныхъ и ткатскихъ становъ. Съ этимъ едва ли можно согласиться, потому что фабрика Бутримова девять лѣтъ спустя была неизвѣстна, такъ какъ перечислены фабрики на Уводи, а такія фабрики были въ то время только у Грачева, Гарелина и Ямановскаго. Первенство введенія правильнаго набоечнаго мастерства должно быть отдано, по словамъ старожиловъ, Ишинскому. Въ подражаніе ему завелъ у себя набоечное

*) Вѣстникъ Промышленности 1860 г. №№ 2 и 4. Н. Полушинъ. Назв. соч.

производство Михаилъ Ямановскій. Въ это время набивали платки, которые по рисункамъ называли рижскими, потому что образцы для нихъ были привезены изъ Риги. Платки набивались разными заварными цвѣтами, а послѣ крашенія также расцвѣчивались. Набойка служила для мебели и вмѣсто нынѣшнихъ ситцевъ для платьевъ, а выбойка для рубашекъ; синяя кубовая набойка употреблялась для рубашекъ и портовъ и была въ продажѣ изъ числа дешевыхъ сортовъ. На фабрикѣ Ямановскаго красоваромъ или мастеромъ для составленія красокъ былъ какой-то купецъ Передовщиковъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, гдѣ, по его словамъ, были уже набоечныя заведенія.—Надо думать, что это и была, извѣстная въ 1755 году, фабрика Чамберлинъ и Козенсъ. Весьма возможно, что этотъ же Передовщиковъ первый подалъ Ивановцамъ мысль отправиться въ Петербургъ и научиться тамъ составлять краски. Какъ бы то ни было, а около 1780 года отправляются туда Ивановцы въ качествѣ опытныхъ набойщиковъ и рѣзчиковъ и успѣваютъ въ своемъ намѣреніи, т. е., знакомятся съ искусствомъ составлять краски. Секретъ узнанъ былъ скоро, по крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ Сокова, какъ самостоятельнаго, хотя и маленькаго фабриканта уже въ 1789 г. По конторскимъ книгамъ И. М. Гарелина видно, что въ 1789 году продано О. С. Сокову мѣшокъ крапу по 14 руб. и пудъ орѣшковъ по 19½ рублей за пудъ. Въ исторіи развитія фабричной промышленности Иванова О. С. Соковъ играетъ чрезвычайно важную роль, такъ что мы приводимъ его біографію, которая, кстати, можетъ объяснить намъ значеніе Сокова. Мы уже видѣли, въ какомъ положеніи находилось въ Ивановѣ набоечное дѣло. Требовалось непремѣнно внести улучшенія въ набоечную фабрикацію, иначе трудно было выдерживать конкурренцію съ болѣе изящными петербургскими и другими набойками. Однимъ изъ первыхъ, постигшихъ секретъ составленія красокъ для набивки, былъ Осипъ

Степановичъ Соковъ. Онъ родился въ Ивановѣ около 1750 года, былъ ремесломъ рѣзчикъ и жилъ на фабрикахъ у своихъ же односельчанъ. Желаніе узнать секретъ составленія красокъ заставило его отправиться въ Петербургъ вмѣстѣ съ другими Ивановцами, о которыхъ мы упоминали выше. Онъ попалъ въ Шлиссельбургъ на фабрику Леймана и здѣсь скоро вывѣдалъ у лаборанта секретъ составленія красокъ и отдѣлки ситцевъ и около 1787 года вернулся въ Иваново, такъ какъ въ этомъ году онъ купилъ у крестьянина Василья Малева землю, на которой и устроилъ свою фабрику. Когда онъ вернулся въ Иваново, денегъ у него было не много, такъ что фабрика была устроена небольшая и матеріалы для своего производства онъ покупалъ у мѣстныхъ болѣе крупныхъ фабрикантовъ. Первая работа его была набойка по холсту и полотну. Въ то время холсты употреблялись Костромскаго, Ярославскаго, Кинешемскаго и мѣстнаго фабричнаго и крестьянскаго тканья, но потомъ мало по малу льняныя ткани были вытѣснены бумажными и фабрикація приняла другой ходъ. Фабрика Сокова существовала около 13 лѣтъ. Оставивши набойку по полотну, онъ началъ набивать по бумажнымъ тканямъ, отбѣливая ихъ вываркою въ щелокѣ и разстилкою по лугамъ, на такъ называемыхъ бѣльникахъ, потомъ набивая руками и окрашивая мареною. Съ году на годъ фабричное дѣло его увеличивалось, такъ что скоро онъ сталъ закупать многіе матеріалы въ Москвѣ или выписывать ихъ изъ Петербурга, что ставило его подражателей въ затруднительное положеніе. Для самого О. С. Сокова это было, конечно, очень легкое дѣло, такъ какъ онъ, въ бытность свою у Леймана, основательно изучилъ теченіе всѣхъ операцій по отбѣлкѣ, набивкѣ и крашенію и считалъ для себя удобнѣе покупать и выписывать матеріалы безъ посредниковъ. По словамъ старожиловъ, лично знавшихъ его, онъ былъ грамотнымъ, смышленымъ и весьма предпріимчивымъ

человѣкомъ. Много помогло ему стать на ноги еще и то обстоятельство, что, вернувшись изъ Шлиссельбурга въ Иваново, онъ нашелъ мѣстную фабрикацію въ томъ же видѣ, въ какомъ оставилъ ее, и потому-то первенство его было неоспоримо и трудно было подражать ему. Его раціональный способъ для набивки и крашенія удивлялъ многихъ Ивановцевъ, которые не знали еще правильныхъ рецептовъ для составленія красокъ и вообще для обихода въ отдѣлкѣ холстовъ и бумажныхъ тканей. Ситцы и вообще набойка фабрики Сокова имѣли въ то время большую репутацію по красотѣ красокъ, вкусу рисунковъ и чистотѣ обработки, такъ что и донынѣ Ивановцы хвалятъ бывшія произведенія Сокова и называютъ ихъ неподражаемыми. Образцы для рисунковъ онъ привезъ съ собою изъ Шлиссельбурга. Тутъ были не только образцы Шлиссельбургскихъ, но и Петербургскихъ и Московскихъ и иностранныхъ фабрикъ; ими онъ и воспользовался для набойки по холсту и бумажнымъ тканямъ. Въ послѣдніе годы существованія главнымъ помощникомъ Сокова, который самъ-то меньше сталъ заниматься дѣломъ, является въ качествѣ красовара крестьянинъ Петръ Витовъ, который, какъ говорятъ, выучился этому искусству въ Ригѣ. У автора хранятся рецепты красокъ Сокова и Витова—рецепты эти очень многосложны. Вообще составленіе красокъ у Сокова и Витова обходилось дорого, такъ какъ они употребляли въ нихъ вмѣсто воды хлѣбный уксусъ. Преимущественно для этого употреблялся Романовскій уксусъ (изъ г. Романово-Борисоглѣбска, Ярославской губерніи), на которомъ дѣлали черный, фіолетовый, красный, розовый и коричневый цвѣта съ ихъ разными оттѣнками для крашенія мареною и крапомъ. Тогдашніе ситцы красили персидскою и бухарскою мареною и бреславскимъ и гамбургскимъ крапами, послѣ крашенія вываривали въ мылѣ съ отрубями по нѣскольку разъ и наконецъ бѣлили лѣтомъ на бѣльникѣ, поливая водою

при помощи леекъ изъ рѣки или изъ нарочно устроенныхъ жолобовъ съ водою. Часто также весною бѣлили окрашенные товары на настѣ или выквашивали ихъ въ кислыхъ отрубяхъ и потомъ выпаривали въ мылѣ.

Въ послѣдніе годы своей жизни О. С. Соковъ мало уже занимался фабричнымъ дѣломъ и рѣдко куда выходилъ изъ дому, ведя самую уединенную жизнь за чтеніемъ газетъ и питьемъ любимаго имъ московскаго пива. Умеръ онъ въ 1801 году, имѣя около 50 лѣтъ отъ роду. Похороненъ былъ въ оградѣ Покровской церкви, но послѣ перестройки этой церкви въ 1817 году могила его оказалась подъ правымъ столбомъ при входѣ въ церковь. Обстоятельство это повидимому извѣстно весьма немногимъ, такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ попытки хотя бы простой надписью на столбѣ обозначить мѣсто погребенія этого дѣятеля, давшаго толчокъ ситценабивной промышленности въ Ивановѣ на раціональныхъ началахъ. Соковыхъ было три брата: Осипъ, Андрей и Михаилъ. Изъ нихъ только послѣдній былъ женатъ и имѣлъ сына Сергѣя. По смерти Осипа Степановича фабрика досталась его брату Андрею; но онъ и при жизни брата не умѣлъ управлять ею, къ тому же скоро умеръ, такъ что фабрикой сталъ владѣть ихъ племянникъ Сергѣй. Это былъ человѣкъ совсѣмъ другаго характера, чѣмъ его дядя. Онъ совсѣмъ не занимался фабричнымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что остался малолѣтнимъ наслѣдникомъ и продалъ фабрику М. И. Ямановскому въ 1810 году (передаточное письмо совершено было только въ 1814 году, явлено въ вотчинномъ правленіи и засвидѣтельствовано управляющимъ Гофманомъ и выборнымъ Александромъ Бабуринымъ). Сергѣй Соковъ умеръ въ молодыхъ годахъ отъ невоздержной жизни и родъ Соковыхъ въ мужскомъ колѣнѣ пресѣкся. Имѣніе перешло къ наслѣдникамъ по женской линіи. Въ 1810 году Соковская фабрика передѣлана была въ молельню для раскольниковъ поповщинскаго

толка и существуетъ до нынѣ подъ именемъ часовни. Единственнымъ памятникомъ Осипу Степановичу служитъ улица, носящая названіе Соковской. Улица эта, начинаясь отъ конца Покровской и начала Кокуя, идетъ перпендикулярно имъ до самой Уводи, мостъ черезъ которую въ этомъ мѣстѣ носитъ также названіе Сокова моста. По плану 1814 года улица эта хотя и значится, но названія не имѣла ни какого, только та ея часть, которая идетъ отъ нынѣшней часовни Александра Невскаго до моста называлась Литейною улицею, такъ какъ тутъ существовалъ тогда литейный заводъ.

Примѣръ Сокова не остался безъ подражанія. Другіе фабриканты также начали набивать сначала по кинешемскимъ, костромскимъ и ярославскимъ холстамъ, а затѣмъ и по бумажнымъ тканямъ, которыя привозились подъ именемъ бухарскихъ и индійскихъ изъ Астрахани; ткани эти употреблялись для ситцевъ, полуситцевъ, набойки, выбойки и платковъ. Мало по малу бумага вытѣсняетъ холсты и полотна. Въ концѣ XVIII столѣтія полотно и бумажныя ткани встрѣчаются еще рядомъ, но въ началѣ XIX столѣтія, особенно послѣ того, какъ здѣсь сами стали ткать миткаль,—холстъ и полотно окончательно уступаютъ мѣсто бумажнымъ тканямъ. Первоначальная набойка по бумажнымъ тканямъ производилась, какъ сказано выше, по бухарскимъ и индійскимъ тканямъ, которыя привозили сначала Гандурины, а потомъ Гарелинъ и Грачевъ изъ Астрахани; они же привозили марену, черные орѣшки и другіе товары, продавали ихъ въ Ивановѣ, а въ Астрахань возили уже набивные ситцы и набойки, также продавали тамъ льняныя произведенія своихъ фабрикъ. Черезъ Ригу, а потомъ черезъ Петербургъ и Москву получали мѣстные фабриканты англійскіе и нѣмецкіе миткали, называемые саянами, гарусами, бахтусами и каленкорами. Посредниками въ торговлѣ черезъ Ригу были Дурденевскіе, которые представляли собою такихъ же дѣятелей въ торговыхъ

сношеніяхъ съ западомъ, какими были Гандурины, Гарелинъ и Грачевъ на востокѣ. Посмотримъ какъ жили Ивановцы въ этотъ періодъ.

XVIII столѣтіе застаетъ уже Иваново значительно выросшимъ. Это видно изъ актовъ о пожарахъ, какъ наприм., актъ 1723 года (см. выше). Кромѣ того жители Иванова были уже зажиточны, такъ какъ вели торговлю повсюду и промышляли какъ дома, такъ и на сторонѣ. Отъ 1746 года сохранилось духовное завѣщаніе Ивановскаго крестьянина Ивана Петрова Кобылина, въ которомъ между прочимъ показано, что онъ завѣщалъ своимъ дѣтямъ, кромѣ святыхъ иконъ, домашней утвари и земель, значительныя суммы денегъ. Развитіе полотняной промышленности объясняетъ, какимъ образомъ могли составиться капиталы, значительные по тому времени. О Кобылинѣ преданіе говоритъ, что у него была полотняная фабрика, заводъ, какъ называли ихъ здѣсь, изъ числа первыхъ въ здѣшнемъ краѣ. Плохая, малоплодородная земля при большомъ населеніи Иванова заставляла Ивановцевъ отъ земледѣлія перейти къ промысламъ, а пахатныя земли быстро застраивались домами. Нынѣшняя Покровская улица, находящаяся въ центрѣ бывшаго села Иванова, носила названіе Пахатной. Да и вся мѣстность по правую сторону Кокуя отъ Воздвиженской церкви представляла собою поле, такъ какъ строились первоначально около Воздвиженской церкви. Для исторіи разселенія Иванова чрезвычайно важнымъ является названіе улицъ. На планѣ 1814 года, значитъ, когда Иваново было уже большимъ селомъ, мы находимъ въ числѣ улицъ двѣ Голявыхъ, большую и малую, которыя идутъ отъ рядовъ къ кладбищу. Улицы эти представляли пустопорожнее мѣсто съ построенными на немъ изрѣдка домами, было *голое* мѣсто, отъ чего и названіе Голява улица. Рядомъ съ Негорѣлой улицей, переименованной такъ изъ Троицкой слободы (въ поступномъ письмѣ отъ

1752 года, Кашинцеву, эта улица носитъ названіе Троицкой слободы), мы видимъ улицу Старую Заднюю, а за ней Новую Заднюю. Это уже позднѣйшія наслоенія Иванова и застроены они окончательно только въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Старинными улицами можно считать Панскую, которая получила свое названіе отъ того, что, по преданію, здѣсь стояли станомъ Литовцы во время набѣговъ ихъ въ XVII столѣтіи. Мѣсто на этой улицѣ, гдѣ она имѣетъ небольшой долокъ, спускающійся къ Потоку, носитъ названіе курень, такъ какъ тутъ-де стояли казаки, прибывшіе вмѣстѣ съ Литовцами *). Мельничная улица получила свое названіе отъ находившихся тутъ въ старину небольшихъ вѣтряныхъ мельницъ; это тоже изъ неособенно давно застроенныхъ улицъ и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія называлась у обывателей „Заулокъ." На ней больше всего сохранилось домовъ старинной стройки. Предки наши любили прочную стройку, чтобы жить въ домѣ могли не только они и дѣти ихъ, но и „дѣти дѣтей даже до седьмаго колѣна." И строиться такъ представлялась полная возможность: лѣсу было множество, выборъ деревьевъ большой; а лѣсъ былъ по истинѣ богатырскій—остатки его представлялъ до позднѣйшаго времени извѣстный *боръ*, срубленный нынѣ. До сихъ поръ сохранилось здѣсь нѣсколько домовъ, которые насчитываютъ себѣ отъ 150 до 200 лѣтъ. Изъ сохранявшихся до половины нынѣшняго столѣтія домовъ извѣстенъ былъ домъ вышеупомянутаго Кобылина, рисунокъ котораго отправленъ былъ авторомъ въ Русское географическое общество, какъ образецъ штиля внѣшняго устройства старинныхъ крестьянскихъ деревянныхъ строеній. Онъ еще въ 50-хъ годахъ представлялъ собой типъ старинныхъ богатыхъ домовъ и былъ украшенъ различными рисунками затѣйливой столярной работы. Такіе же точно дома въ началѣ нынѣшняго столѣтія были у М. Е.

*) Рукопись Полушина.

Гарелина и А. Е. Гандурина, но они послѣ пожаровъ устроили у себя каменные дома, такъ что домъ Кобылина былъ единственнымъ изъ старинныхъ богатыхъ деревянныхъ домовъ. Стройка была болѣе или менѣе однообразна—строили въ замокъ или лапу. Если домъ былъ въ два этажа, то стройка была въ подклѣтъ,—такая стройка была только у зажиточныхъ и нижній этажъ назначался для склада различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей, а въ верхнемъ жили сами хозяева. Изъ сохранившихся старинныхъ домовъ особенно интересны два—это бывшая судная изба и домъ, бывшій Бабайкина. Въ бывшей судной избѣ, принадлежащей нынѣ мѣщанину Гусеву, расположеніе комнатъ въ верхнемъ и нижнемъ этажѣ оставлено такое же, какъ было въ старину, даже до сихъ поръ сохранилась низенькая дверь, вѣрнѣе корридоръ, по которому водили изъ канцеляріи въ чорную арестантовъ. Потолокъ и полъ въ домѣ былъ и до сихъ поръ остались тесаные, а не пиленые. Бревна, изъ которыхъ былъ построенъ домъ, толщиною отъ 7 до 12 вершковъ (такой же толщины бревна во всѣхъ уцѣлѣвшихъ отъ той эпохи домахъ). Въ верхнемъ этажѣ сохранилось нѣсколько изразцовъ старинной кафельной печи, которыя представляютъ собой или рисунки цвѣтовъ или птицъ, звѣрей и людей съ замысловатыми подписями. Изразцы эти доставлялись изъ Ярославля и судя по рисункамъ не моложе второй половины XVII вѣка. Самымъ лучшимъ памятникомъ эпохи устройства кафельныхъ печей въ Ивановѣ служитъ печь, устроенная въ домѣ Я. П. Гарелина. Она вся состоитъ изъ израцовъ съ рисунками,—подъ нѣкоторыми изъ нихъ подписей нѣтъ, но большинство съ подписями. Приводимъ нѣсколько подписей. „Клюющая птица между двумя деревьями—*тѣмъ питаюся;* человѣкъ, размахнувшійся топоромъ надъ деревомъ—*кто его посѣчетъ;* дремлющій мужчина—*здѣ хощу почити;* звѣрь, лѣзущій на дерево—*хощу разорити;* женщина, играющая на инструментѣ

въ родѣ торбана—*музыка моя удивительна* и т. п. Уголъ печи, выдающійся наружу въ комнату, составленъ изъ изразцовъ съ колонками. Такая же печь со множествомъ рисунковъ существуетъ въ домѣ Варенцова. Другой образецъ стариннаго дома представляетъ намъ домъ бывшій Бабайкина, на углу Кокуя и Фокинскаго переулка. Онъ построенъ подклѣтомъ въ замокъ, имѣетъ волоковыя окна какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажѣ и крытъ по скалѣ, т. е., сначала идетъ береста, а потомъ тесъ. Дома въ Ивановѣ встарину всѣ были крыты по скалѣ, за исключеніемъ, конечно, такихъ, которые покрыты были соломой. Каменная церковь Покровскаго монастыря была крыта въ прошломъ столѣтіи тесомъ по скалѣ. Объ этомъ имѣются любопытныя свѣдѣнія въ монастырской расходной книгѣ за 1764 годъ. Между прочимъ тамъ читаемъ: „Мѣсяцъ Мартъ 10 число. Деревни Фефелова крестьянину Ивану Петрову сыну Богомолову за взятой у него тесъ на покрышку каменной церкви Божія за триста за каждое сто по девяти рублевъ по десяти копѣекъ отдано двадцать семь рублевъ тридцать копѣекъ.“ Далѣе: „Мѣсяцъ Іюнь 16 числа. Въ селѣ Дуниловѣ въ ярмарку въ Тихановъ день куплено въ рознь у крестьянъ шестьсотъ скалъ на крышку въ монастырѣ каменныя церкви Божія въ отдачѣ за оныя скалы денегъ четыре рубли тридцать пять копѣекъ.“ „20 Іюня. Деревни Ветлягина крестьянину Ѳедору Егорову за семьсотъ скалъ на крышку въ монастырѣ церкви Божія по шестидесяти по двѣ копѣйки за каждое сто отдано четыре рубли сорокъ шесть копѣекъ.“ 30 числа у крестьянина Ивана Егорова куплено на туже потребу 100 скалъ за 65 копѣекъ. Крыть по скалѣ запрещено здѣсь послѣ пожара 1839 года, но до сихъ поръ еще сохраняются нѣкоторые дома, уцѣлѣвшіе отъ этого пожара—всѣ они крыты по скалѣ. Въ нижнемъ этажѣ дома Бабайкина косяки дверей полукруглые — образецъ старинной работы, претендующій на изящество. До 50-хъ годовъ

нынѣшняго столѣтія всѣ окна были снабжены снаружи ставнями, которые на ночь запирались болтами и послѣ 8 часовъ вечера иначе не вели переговоровъ съ посторонними посѣтителями, какъ черезъ волоковое окно,—такъ какъ Ивановцы постоянно поддерживали память о знаменитомъ Безсчастномъ Черкашениновѣ, державшемъ въ 1644 году Шую два дня въ осадѣ. Эти волоковыя окна сохранились до сихъ поръ во всѣхъ старинныхъ домахъ. На сколько опасно было появляться поздно ночью на улицахъ, до сихъ поръ еще разсказываютъ мѣстные старожилы. Что же было въ прежнее время, если въ XIX столѣтіи по улицамъ расхаживали съ ножомъ въ рукахъ смѣльчаки изъ Ивановцевъ? Въ старину, когда Иваново было окружено лѣсами со всѣхъ сторонъ, нѣкоторые изъ мѣстныхъ обывателей, отправляясь въ дальнюю дорогу, служили молебны и причащались, какъ будто отчаяваясь вернуться живыми домой. По дорогѣ въ Шую на разстояніи 4 верстъ отъ Иванова существуетъ оврагъ, называемый мозголомнымъ, гдѣ грабили въ старину путешественниковъ и ломали имъ головы. Въ Москву ѣздили по Стромынкѣ на своихъ или наемныхъ лошадяхъ, а на Макарьевскую или Нижегородскую ярмарку лѣтомъ по Волгѣ или на долгихъ съ извѣстными ямщиками черезъ с.с. Васильевское, Мытъ и Пурехъ. Еще въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія Опрянинъ оврагъ былъ покрытъ густымъ лѣсомъ, отъ котораго теперь не осталось и слѣдовъ. Оврагъ этотъ былъ прославленъ знаменитымъ разбойникомъ Опрянинымъ, обратившимся въ какую-то миѳическую личность. Другимъ тоже знаменитымъ разбойникомъ былъ Иванъ Ѳаддеичъ, уроженецъ с. Осенева. Онъ былъ грозой для купцовъ и дворянъ, но къ мужикамъ былъ снисходителенъ, а подъ добрый часъ и награждалъ ихъ деньгами или вещами Про него сохранился между прочимъ довольно характерный анекдотъ, что будучи на добычѣ, конечно, гдѣ-то на пролегающей въ глухомъ лѣсу дорогѣ,

онъ замѣтилъ мужика, везущаго на базаръ возъ горшковъ; разбойникъ приказываетъ трепещущему мужику остановиться, слѣзть съ телѣги и сейчасъ же перебить все свое скудное имущество. Мужикъ повиновался и переколотилъ обо что попало, всѣ горшки въ полной увѣренности, что и съ нимъ будетъ поступлено не лучше. Но каково же было удивленіе крестьянина, когда атаманъ. вынувъ изъ своей кожаной мошны горсть золотыхъ монетъ, снялъ съ мужика шапку, бросилъ въ нее золото и, отдавъ мужику, сказалъ: „спасибо за работу! ну теперь поѣзжай съ Богомъ домой, да молчи объ этомъ—ни гу-гу! *)." Не мудрено, что при такихъ условіяхъ, съ одной стороны изъ боязни, съ другой по увѣренности получить при случаѣ помощь, крестьяне являлись часто укрывателями разбойниковъ.

Образованность была въ самомъ повидимому плачевномъ положеніи, по крайней мѣрѣ главная-то масса населенія была совсѣмъ необразована и проявляла по временамъ свою дикость мало того, что въ грабежахъ, разбояхъ и убійствахъ, но и въ поджогахъ для болѣе удобнаго грабежа. Особенно извѣстенъ этимъ періодъ отъ 1775 до 1793 года, когда мы насчитываемъ шесть большихъ пожаровъ отъ поджоговъ и нѣсколько не такъ значительныхъ отъ неосторожности и воли Божіей. Вообще нужно замѣтить, что отъ пожаровъ Иваново страдало часто и сильно. У В. А. Борисова **) приведенъ перечень большихъ пожаровъ съ 1699 до 1839 года. Свѣдѣнія о пожарахъ онъ заимствовалъ изъ памятныхъ записокъ А. Ф. Полушина. Въ 1699 году выгорѣла большая часть села и двѣ церкви: Крестовоздвиженская и Пятницкая. Въ 1775 году августа 21 сгорѣло до 400 домовъ; сгорѣли также ряды, много лавокъ съ товарами, два кабака—Большой и Подпушечный, хлѣбные стога, кузницы, приказная изба

*) В. Борисовъ. Влад. Губ. Вѣд. 1858 г. № 43.

**) В. Борисовъ. Описаніе г. Шуи и окрестностей.

съ дѣлами, двѣ церкви—Воздвиженская деревянная съ придѣломъ Іоанна Богослова и обгорѣлъ верхъ и главы Рождественской каменной съ придѣломъ Праскевы Пятницы; на колокольнѣ колокола растопились и попадали. Тогда выгорѣли улицы Широкая, Кабацкая, двѣ площади Большая и Малая, Московская улица, Прислониха, Посикуша и Панская. Въ 1781 году іюня 28 въ Широкой улицѣ загорѣлось у крестьянина Семена Сарычова и сгорѣло 260 домовъ и до 10 улицъ. Въ 1793 году іюня 10 былъ страшный и опустошительный пожаръ. Загорѣлось въ домѣ Головачова и сгорѣло до 500 домовъ. Этотъ пожаръ разорилъ весьма многихъ и его помнили до 1839 года. Въ 1839 году 13 мая сгорѣло въ Ивановѣ до 416 домовъ и 61 фабрика; убытокъ отъ этого пожара простирался до милліона ста тысячъ рублей сер. Дополняемъ эти свѣдѣнія записками М. И. Ямановскаго, обязательно доставленныя Л. Д. Ямановскимъ. Онѣ отличаются краткостью и въ то же время выразительностью. „1775 года мѣсяца Августа 4 дня въ 8 час. нощи былъ пожаръ отъ Димитрія Икрянистова и Негорѣлая по горѣ до Сокова Михаила.“ Икрянистовъ по строгимъ полицейскимъ дознаніямъ оказался поджигателемъ и въ 1776 году былъ публично наказанъ кнутомъ; кромѣ того 8 человѣкъ, обвинявшихся въ поджогахъ и грабительствахъ во время пожаровъ 1775 и 1781 годовъ, были сосланы въ Сибирь по приказанію Графа Шереметева. О пожарѣ 1789 года читаемъ у Ямановскаго: „1789 года мѣсяца апрѣля 29 дня въ воскресенье 1 часъ дни былъ пожаръ отъ Матвѣя Каретникова до Гарелина Ивана и до монастыря и кельи *все начисто* сгорѣло.“ Это *все начисто* встрѣчается чуть не во всѣхъ Ивановскихъ пожарахъ, такъ какъ стройка была оченъ тѣсна, большая часть домовъ были покрыты соломой, а если и крылись тесомъ, то по скалѣ, т. е., по берестѣ, что доставляло тоже прекрасный матеріалъ огню. Послѣ каждаго пожара

отпускался помѣщикомъ лѣсъ для постройки и только въ 1839 году помѣщикъ, самъ пріѣхавшій въ Иваново, распорядился выдать каждому погорѣльцу по 30 рублей на стройку.

Поджоги и грабежи, развившіеся съ необыкновенною быстротою въ Ивановѣ, обратили вниманіе помѣщика и такъ какъ тогда хорошо помнили выраженіе, что „просвѣщеніе облагораживаетъ умы,“ Графъ Шереметевъ рѣшилъ устроить въ Ивановѣ школу, которая и была открыта въ 1791 году. На содержаніе ея была назначена особая сумма изъ крестьянскихъ денегъ, а покровителемъ былъ самъ Графъ. Но повидимому школа эта находилась не въ цвѣтущемъ состояніи и въ 1811 году передана была въ вѣдомство Московскаго Учебнаго Округа съ подчиненіемъ Дирекціи Владимірскихъ народныхъ училищъ. Школа до самаго переименованія села Иванова въ городъ носила названіе Графскаго училища. Церковь не имѣла ни какого вліянія на жителей, потому что хотя они и были усердны по отношенію къ пожертвованіямъ, но посѣщали очень рѣдко, да къ тому же расколъ господствовалъ тогда въ Ивановѣ. Главными сектами были поповщинская и перекрещенская. Начетчиковъ было много и они часто устраивали соборы или собранія для споровъ о правотѣ своего ученія. Главными руководителями этихъ собраній были Петръ Кулеинъ, Иванъ Столбовъ, Михаилъ Полушинъ, Иванъ Бурылинъ и Василій Коруновъ. У поповщинской секты были большею частью бѣглые попы, для совершенія службъ и разныхъ требъ, привезенные изъ разныхъ мѣстностей сосѣднихъ губерній, особенно Нижегородской. Поповъ нерѣдко ловили чиновники, а раскольники выкупали ихъ за значительныя суммы денегъ. Между главными ревнителями раскола считались Е. И. Грачевъ, М. И. Ямановскій и И. И. Кубасовъ. Въ числѣ старшихъ поборниковъ раскола состояли его главными руководи-

телями содержатели моленъ, уставщики служебныхъ обрядовъ, чтецы и пѣвчіе на клиросахъ. Содержатели моленъ по поповщинскому толку были М. И. Ямановскій, Е. А. Дурденевскій, В. Коруновъ и С. И. Кобылинъ, а по перекрещенскому—Е. И. Грачевъ, В. Е. Грачева и И. Кубасовъ. Со смертью этихъ лицъ расколъ началъ упадать и въ настоящее время раскольниковъ осталось самое незначительное число. Къ чести нѣкоторыхъ старообрядцевъ можно сказать, что они нерѣдко жертвовали на украшеніе православныхъ храмовъ, особенно М. И. Ямановскій, который послѣ устройства Единовѣрческой церкви перешелъ въ единовѣріе и похороненъ по смерти близь самой церкви.—

Обращаемся опять къ фабричнымъ дѣламъ. Мы остановились на фабрикѣ Сокова и его подражателей. До появленія въ Ивановѣ фабрики Сокова, что относится къ 1787 году, торговля и набойка ситцевъ производилась уже, но это было скорѣе домашнее мастерство, чѣмъ правильно организованная промышленность. Съ Петербургомъ и Москвой вели дѣло И. М. Гарелинъ и Гандурины; послѣдніе были главными торговцами въ Астрахани,—потомъ присоединились къ нимъ Грачевъ и Ямановскій. Изъ счетовъ И. М. Гарелина (1778—79 г.г.) видно, что кромѣ своихъ льняныхъ произведеній онъ скупалъ у другихъ ивановскихъ фабрикантовъ работу ихъ фабрикъ для продажи; такъ для Астрахани куплено было—у Ямановскаго ситецъ по 50 коп., у Грачева выбойка по 41 коп. и у М. Лоскутова платки по 18 коп. Эти платки были холщевые набивные. И. М. Гарелинъ кромѣ своихъ льняныхъ произведеній продавалъ бумажные платки, выбойку ровную и тонкую. Дрель продавалась узкая по 14 к., волнистая по 23, широкая по 17 коп.; набойка холщевая узкая по 10, ровная по 17; выбойка по 42 и платки бумажные по 57 коп. за платокъ. Настоящая торговля въ Петербургѣ своими произведеніями началась у Гарелина

съ 1782 года. Въ 1785—89 г.г. кромѣ тканья и набойки на здѣшнихъ фабрикахъ красили въ синій цвѣтъ (индиго) въ горячихъ кубахъ холщевую крашенину (отчего потомъ для бумажныхъ тканей получилось названіе кубовые ситцы) по 10 коп. съ арш.; за бумажную бязь и китайку брали по 20 коп. съ арш. Эти, окрашенные въ синій цвѣтъ, матеріалы употреблялись крестьянами и лицами небогатыми. Индиго употреблялось бенгальское и платили за него въ то время по 160—180 рублей за пудъ. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія является уже на ряду съ полотняными издѣліями выбойка по бухарской бязи и бумажные платки. Это былъ результатъ торговыхъ сношеній съ востокомъ черезъ Астрахань. Въ 1787 году уже начинается здѣсь тканье бязи изъ бухарскаго хлопка. Хотя ткачество льняныхъ издѣлій издавна велось въ Ивановѣ, и здѣшніе ткачи могли бы ткать добротныя бумажныя ткани, но тогда не знали еще обработки бумажной пряжи, особенно заклейки,—черезъ это, конечно, замедлялось и самое развитіе промышленности въ здѣшнемъ краѣ. Первоначальное тканье производилось изъ льна пополамъ съ бумагой, такъ называемая полубумажная ткань, такимъ образомъ, что основа была льняная, а утокъ бумажный. Та заклейка, которая употреблялась при этомъ и была годна для грубой бухарской пряжи, не могла быть примѣнена къ тонкимъ бумажнымъ нитямъ. Въ 1788 году и до 1795 М. И. Гарелинъ и Е. И. Грачевъ покупали иногда бумажную узкую и широкую бязь у московскихъ ткачей—фабрикантовъ. Бязь эта носила названіе *ровной* и *тонкой*. Разные сорта бязи шли на выбойку также различныхъ сортовъ, которая продавалась по разнымъ цѣнамъ. Куски выбойки назывались концами, что перешло потомъ вообще къ набивнымъ ситцамъ, такъ что до позднѣйшаго времени можно было услышать, какъ говорили ивановскіе рабочіе: „подь скорѣе! хозяинъ велѣлъ концы таскать въ набойну!“ Но главная покупка

бумажной ткани производилась въ Петербургѣ у Претора, Монбельса и Бехерахта. Въ первый разъ названіе *миткаль* встрѣчается въ 1793 году при покупкѣ И. М. Гарелинымъ у Претора и Монбельса 700 кусковъ. Первый сортъ покупали по 25 р. 50 коп. за кусокъ; второй по 22 р. 40 коп., мѣрою въ кускѣ 48 аршинъ. Всѣ вообще покупки такого рода производились на наличныя деньги. Неудобство подобнаго рода сношеній облегчалось тѣмъ, что Ивановскіе фабриканты тамъ же въ Петербургѣ продавали свои набивные бумажные и полотняные товары. Покупныя бумажныя ткани назывались англійскими, швейцарскими и нѣмецкими и слыли подъ названіемъ бахтусовъ, гарусовъ и саяновъ. *Бязью* или *бахтусомъ* назывался ровный иностранный миткаль. Надо полагать, что названіе это онъ получилъ изъ Азіи, откуда до позднѣйшаго времени привозили набойку, называемую *бахтою*, набитую на грубой бумажной ткани. *Гарусомъ* называли широкіе тонкіе, а *саяномъ* узкіе миткали. Англійскій миткаль покупался преимущественно бѣленый; Ивановская отбѣлка не могла давать тѣхъ красокъ, которые выходили на миткалѣ англійской бѣлки послѣ окрашиванья въ маренѣ и крапѣ. Происходило это отъ несовершенства знанія въ бѣлкѣ миткаля. Потому-то Ивановцы и старались набивать болѣе по англійскому миткалю.—

Мы видимъ изъ всего вышеприведеннаго, что набойка и выбойка по льнянымъ тканямъ все еще существуетъ, но на ряду съ нею усиливается выработка ситцевъ по бумажнымъ тканямъ. Кромѣ Кинешемскихъ холстовъ встрѣчаемъ мы здѣсь холсты Городецкіе; но такое, повидимому, усиленіе льноткацкихъ произведеній оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ бумажными тканями. Уже въ 1789 и 90 г.г. находимъ мы, что выбойка, которая прежде исключительно была по холсту, является въ двухъ видахъ—*бумажная* по бязи и *холщевая*. Это означаетъ, что производство выбойки по бязи

получило право гражданства, такъ какъ до сихъ поръ, появившись въ первый разъ въ 1782 году рядомъ съ холщевой, она производилась такъ, между прочимъ. Въ 1793 году изъ купленой И. М. Гарелинымъ партіи миткалю часть попала Е. И. Грачеву. Миткаль купленъ былъ бѣленый. Тогда же куплено было сахару—сатурну по 19 р. 30 коп.

Между выбойками, набойками и синими кубовыми платками встрѣчаются въ первый разъ въ 1789 году *верховые* платки. Это относится какъ разъ къ тому времени, когда началъ здѣсь свою дѣятельность Соковъ. Первые соковскіе ситцы, а равно и у прочихъ фабрикантовъ, раздѣлялись на сорта: 1) бѣлоземельные, черно-грунтовые мелкіе и крупные; 2) мебельные и 3) травчатые. Для рубашекъ употреблялась обыкновенная красно-грунтовая выбойка. Соковъ первый началъ набивать бѣлоземельные и чорно-грунтовые ситцы съ краповыми розовыми, фіолетовыми, красными и прочими прочными оттѣнками. Въ 1792—93 г.г. уже и у М. И. Гарелина начали работать бѣлоземельные ситцы. Въ 1793 году *саяны* были мѣрою 24 аршина и продавались по 12 руб. за кусокъ; *бахтусы* мѣрой 17 арш. по 11 рублей, а *гарусы* мѣрою 47 арш. по 75 рублей за кусокъ. Въ то время являются уже попытки тканья изъ англійской пряжи. Съ аршина за это тканье платили по 12 коп. хотя найти умѣющихъ управляться съ этой пряжей ткачей было очень трудно, все таки ткать начали, такъ какъ явились рабочіе изъ Москвы. Въ концѣ XVIII столѣтія чуть не все Иваново обратилось въ сплошную мастерскую. Требованіе на фабрику рабочихъ рукъ было большое, такъ какъ производство увеличивалось все больше и больше. Еще раньше владѣлецъ Иванова обратилъ вниманіе на развитіе льняной промышленности и въ 1768 году рѣшилъ обложить женщинъ села Иванова оброкомъ льняной пряжей, распредѣливъ его слѣдующимъ образомъ: отъ 18 до 20 лѣтъ платили по 3 фунта,

отъ 20 до 25 лѣтъ 8 фунтовъ и отъ 25 до 30 лѣтъ 10 фунтовъ *). Но мѣстнаго производства льна не было, весь ленъ покупался на сторонѣ, подать ложилась тяжело на неимущій классъ, а потому крестьяне стали просить Графа Шереметева, чтобы онъ переложилъ подать натурой на деньги. Графъ согласился и съ тѣхъ поръ эта *бабья* подать взималась деньгами. Большинство Ивановцевъ въ концѣ прошлаго столѣтія были набойщиками и рѣзчиками. Ребята также работали въ качествѣ штрифовальщиковъ, а женщины занимались бѣлкой миткаля и ситцевъ зимой на настѣ, а лѣтомъ на лугу, около Потока сначала, гдѣ у каждаго домовладѣльца устроено было *мѣсто*, т. е., отгорожено извѣстное пространство на берегу, гдѣ и разстилался холстъ или миткаль, который поливали изъ Потока водой по мѣрѣ высыханія. Платилось за бумажныя ткани по $3^1/_2$, а за льняныя по 3 коп. съ куска. Такіе же *мѣста* устроены были потомъ по Безъимянному ручью, послѣ того, какъ сведенъ былъ боръ, растущій по оврагу, гдѣ протекаетъ этотъ ручей. Мѣстные старожилы, насчитывающіе себѣ по 80 лѣтъ, отлично помнятъ этотъ боръ (онъ упоминается и въ духовномъ завѣщаніи Ямановскаго отъ 1773 г.). Фабриканты не довольствовались однимъ Ивановомъ, а отдавали настить и въ окрестныя селенія, въ Авдотьино, Коноховo, Подталицкое. Даже церковно-служители, получая скудное содержаніе, были ремесленниками—нѣкоторые изъ нихъ были стекольщиками, другіе сапожниками, впослѣдствіи переплетчиками; въ концѣ XVIII столѣтія большинство ихъ состояло различнаго рода мастеровыми при здѣшнихъ фабрикахъ. Когда заведены были галандри, то они занимались вертеньемъ колеса (ходили въ колесѣ), приводящаго въ движеніе галандренные валы. Первое извѣстіе о галандряхъ встрѣчается въ 1792 году, когда за галандренье ситцевъ брали по 8 коп. съ куска. До сей же поры бумажныя и

*) Полушинъ. Назв. соч. Вѣстникъ Промышл. 1860 г. № 2.

льняныя ткани лощились камнемъ, отбивались деревянными колотушками и пропускались черезъ деревянные банкутовые катки, которые приводились въ движеніе людьми и лошадьми. Затѣмъ уже къ 1792 году являются галандри съ бумажными и металлическими катками, приводимыми въ движеніе тою же силою.

Къ концу XVIII столѣтія мы видимъ уже, кромѣ начала раціональнаго производства ситцевъ, расширеніе торговли и промышленности и постепенныя улучшенія въ пріемахъ выдѣлки ситцевъ, хотя улучшенія эти шли очень туго. Въ 1793 году въ первый разъ стали употреблять въ Ивановѣ на фабрикѣ И. М. Гарелина купоросное масло (сѣрную кислоту) для бѣлки бумажныхъ тканей. Его покупали въ Москвѣ по 18 руб. за пудъ. Англійскій миткаль становился все дороже и дороже. Очевидно, долженъ былъ произойти переломъ въ мѣстной производительности—она должна была такъ или иначе освободиться изъ зависимости Петербурга и Москвы по отношенію къ матеріаламъ, которые обрабатывались окончательно въ Ивановѣ. Первые, хотя и робкіе шаги на этомъ пути были уже сдѣланы, въ видѣ попытки самимъ ткать миткаль изъ англійской пряжи. Мѣстная ситцевая производительность растетъ все больше и больше. При такихъ знаменіяхъ вступаемъ мы въ XIX столѣтіе. Чтобы достойнымъ образомъ завершить исторію ивановской промышленности XVIII столѣтія, мы должны упомянуть объ Ефимѣ Ивановичѣ Грачевѣ, дѣятельность котораго почти цѣликомъ относится къ этому вѣку.

Е. И. Грачевъ былъ однимъ изъ первыхъ ивановскихъ фабрикантовъ по своему богатству и значенію. Фабрика, устроенная имъ въ Ивановѣ, постоянно встрѣчается по своему производству на ряду съ фабриками Гарелина и Ямановскаго. Эти три, замѣчательныхъ въ исторіи развитія фабричной промышленности въ Ивановѣ, дѣятеля имѣли самыя

значительныя фабрики и давали, такъ сказать, тонъ ходу всего дѣла. Сначала Ефимъ Ивановичъ въ дѣлѣ закупки матеріаловъ пользовался, какъ и Ямановскій, посредничествомъ Гарелина, но затѣмъ повелъ дѣло самостоятельно и въ концѣ XVIII столѣтія въ числѣ торговцевъ ситцами въ Астрахани встрѣчается между Ивановцами и Грачевъ. Онъ держался *старой вѣры* и былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей и благотворителей сектантовъ. Къ чести его можно отнести то, что онъ былъ благотворителемъ какъ для ближнихъ одинаковой съ нимъ вѣры, такъ и для всѣхъ, кто обращался къ нему съ просьбой о помощи. Кромѣ того онъ пожертвовалъ значительныя суммы въ Московскій Университетъ, за что имя его включено въ число благотворителей этого старѣйшаго Русскаго Университета и помѣщено вмѣстѣ съ другими въ актовой залѣ. Около 1802 года онъ освободился изъ крѣпостной зависимости, но продолжалъ свое дѣло въ Ивановѣ, взявши *свой* домъ, фабрику и земли въ аренду у Графа Шереметева (на планѣ 1814 года фабрика Грачева названа „казенной Его Сіятельства"). Онъ былъ хорошо знакомъ съ Графомъ Аракчеевымъ и чрезъ него сдѣлался извѣстенъ Императору Александру I, Который наградилъ его золотой медалью для ношенія на шеѣ на Андреевской лентѣ. Ефимъ Ивановичъ считался именитымъ московскимъ гражданиномъ и не смотря на то, что по выходѣ на свободу сдѣлался первостатейнымъ московскимъ купцомъ, удержалъ свое значеніе въ Ивановѣ и даже имѣлъ вліяніе на мѣстное управленіе. Иначе и быть не могло, такъ какъ таже голыдьба считала его своимъ благодѣтелемъ и что скажетъ Ефимъ Ивановичъ, то и свято. Умеръ онъ 67 лѣтъ и похороненъ въ бору, какъ разъ почти напротивъ своей фабрики. Здѣсь же похоронены и прочіе члены его семейства, жившіе и умершіе въ Ивановѣ.

Въ исторіи городовъ и селъ единственно полными источниками являются различные акты, относящіеся къ церквамъ

и монастырямъ. Оттого и происходитъ то замѣчательное явленіе, что, читая историческое описаніе какого-нибудь города или села, видишь въ концѣ концовъ, что читаешь историческое описаніе церквей, находящихся въ данной мѣстности, а жизнь самаго города или села только упоминается отчасти, да и то больше, конечно, позднѣйшаго времени, когда можно было пользоваться разсказами стариковъ. Иванову и въ этомъ отношеніи приходится быть исключеніемъ изъ общаго правила. Мы имѣемъ достаточно указаній на характеръ и занятія жителей Иванова въ XVII столѣтіи; отъ XVIII столѣтія сохранилась объ этомъ масса матеріаловъ, и къ удивленію, о церквахъ имѣются самыя скудныя свѣдѣнія, которыя позволяютъ намъ сдѣлать настоящее ихъ обозрѣніе только въ XIX столѣтіи, т. е., когда можемъ пользоваться и разсказами стариковъ и личными наблюденіями. Но такъ какъ исторія села Иванова была бы не полна безъ исторіи его церквей, то воспользуемся тѣмъ скуднымъ матеріаломъ, который имѣется у насъ и посмотримъ, что было съ церквами съ тѣхъ поръ, какъ о нихъ имѣются свѣдѣнія. Первое извѣстіе о ивановскихъ церквахъ встрѣчается въ запискахъ А. Ф. Полушина, когда онъ говоритъ о пожарахъ. Въ 1699 году былъ большой пожаръ, между прочимъ сгорѣло двѣ церкви, Воздвиженская и Пятницкая *). Отъ 1723 года имѣется болѣе обстоятельное свѣдѣніе объ этихъ церквахъ: въ указѣ изъ Московской Духовной Дикастеріи Шуйскому соборному протопопу Симеону приводятся слова прошенія ивановскихъ старостъ объ освященіи антиминсовъ и престольныхъ одѣяній; между прочимъ тамъ читаемъ: „въ вотчинѣ де Господина ихъ (т. е., старостъ) селѣ Ивановѣ приходскія церкви: одна во имя Воздвиженія Честнаго Креста Господня съ придѣломъ Іоанна Богослова, другая церковь во имя Св. Великомученицы Прасковы, построены *изстари*.“ Такимъ образомъ видимъ

*) В. Борисовъ. Описаніе г. Шуи и окрестн. Стр. 147.

мы, что въ началѣ XVIII столѣтія было здѣсь двѣ церкви. По переписи 1719 года узнаемъ и о причтѣ. При Воздвиженской церкви, значащейся за княземъ А. М. Черкасскимъ, было два попа, дьяконъ и церковно-служители, дѣйствительно служащіе, т. е., не оставленные за штатомъ, на покоѣ.

О Покровскомъ монастырѣ, потомъ о приходской церкви и соборѣ, сохранилось болѣе свѣдѣній, благодаря тому, что имъ больше занялись, чѣмъ Воздвиженской церковью. Начало его сокрыто во мракѣ временъ, какъ и большинство нашихъ захолустныхъ монастырей. Въ первый разъ извѣстіе о немъ является въ 1637 году, когда на мировой записи Леонтія Кумошенка мы видимъ подпись игумена этого монастыря *). Другимъ стариннымъ актомъ является челобитная царю Алексѣю Михайловичу Суздальскаго уѣзда села Иванова Покровскаго монастыря чернеца Варлаама въ 1653 г. **). Въ актахъ XVII вѣка монастырь этотъ называется Покровскимъ, такъ какъ главная церковь была въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Въ XVIII столѣтіи онъ называется то Покровскимъ, то Троицкимъ: въ ревизскихъ сказкахъ по первой переписи 1719 года онъ названъ Покровскимъ и служители этого монастыря постоянно называли его Покровскимъ. Между тѣмъ жители Иванова звали его Троицкимъ монастыремъ, что видно изъ акта 1723 года, гдѣ сказано, что освященіе антиминсовъ и престольныхъ одѣяній можетъ совершить игуменъ Троицкаго мостыря Ѳеодосій, „который обрѣтается въ богомольѣ господина ихъ (т. е., князя А. М. Черкасскаго) при ономъ же селѣ Ивановѣ.“ Мѣсто для монастыря было выбрано превосходное: невысокая гора, круто спускающаяся съ одной стороны къ Уводи, съ другой къ Потоку, дремучій боръ, окружавшій его со всѣхъ сторонъ и остатки котораго сохранились до сихъ поръ на взгорьяхъ—

*) Борисовъ. Описаніе г. Шуи и окрестн. Стр. 280.

**) Тамъ же. Стр. 148.

природа, словомъ, располагала къ молитвѣ и не мудрено, что иноки, которые всѣ принадлежали въ прежнее время къ любителямъ природы въ строгой ея красотѣ, т. е., къ лѣсамъ, позволяющимъ уединяться для молитвы и невольно чувствовать свое ничтожество предъ всемогущимъ Творцомъ всего міра, нашли здѣсь мѣсто, подходящее совершенно къ условіямъ ихъ жизни и поселились тутъ. Мы болѣе всего склонны думать, что этотъ монастырь главнымъ образомъ обязанъ своимъ существованіемъ Новгородцамъ. Если Новгородцы не основали его, то по крайней мѣрѣ усердно поддерживали, доказательствомъ чему служитъ большое количество иконъ Новгородскаго письма и при томъ съ изображеніемъ святыхъ, пользующихся особеннымъ почитаніемъ именно у Новгородцевъ, какъ жившихъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и разсѣявшихся по всему сѣверу Россіи. Изъ иконъ замѣчательны по своей древности икона Соловецкихъ Чудотворцевъ, затѣмъ Святителя Николая, Бориса и Глѣба въ княжескихъ одеждахъ и Деисусъ очень древняго письма. Не взирая на то, что Иваново было густо населено старообрядцами, которые повсюду покупали старинныя книги и иконы, здѣсь въ монастырѣ тѣ и другія сохранились, можетъ быть, благодаря тому, что былъ монастырь, а не приходская церковь чуть не до конца XVIII столѣтія. Изъ иконъ особенно важна изображающая перенесеніе мощей Бориса и Глѣба. Когда въ 1850 году ее вздумали поновить и счистили потемнѣвшія отъ времени краски, то обнаружилась слѣдующая надпись: „Написанъ сей святый образъ при державѣ Великаго Князя Θедора Іоанновича всея Россіи при Святѣйшемъ Патріархѣ Московскомъ и при Митрополитѣ Варлаамѣ Ростовскомъ 7099 (1591) года.“ Кромѣ этого при иконѣ Казанской Божіей Матери, такъ называемой недвижимой, помѣщается рѣзной акафистъ Богоматери, который можно отнести къ концу XVI столѣтія. На колокольнѣ Покровскаго

собора виситъ колоколъ, на которомъ находится такая надпись: вверху—„Приложилъ сей колоколъ Преосвященный Савватій Митрополитъ Астраханскій и Керскій въ Суздальскій уѣздъ въ село Иваново въ монастырь,“ а внизу—„Покровъ Пресвятыя Богородицы и учини душѣ вѣчное поминовеніе вѣсу въ немъ 96 пудовъ. Перелилъ его мастеръ города Чебоксаръ Алексѣй Есенцевъ Аржамазцевъ Ноября 1 дня 1777 года.“ Митрополитъ Савватій назначенъ былъ въ Астрахань изъ Крестовыхъ Патріаршихъ Ризничихъ въ 1683 году (умеръ въ 1695) *. По преданію, онъ нѣкоторое время былъ здѣсь игуменомъ.

Въ оградѣ нынѣшняго собора находятся два старинныхъ надгробныхъ камня; на одномъ изъ нихъ значится: „Лѣта 7137 (1629) Февраля въ 4 день преставися рабъ Божій Деомидъ во иноцѣхъ Деонисій схимникъ“; на второмъ: „Лѣта 7189 (1681) Апрѣля въ 23 день преставися рабъ Божій инокъ схимникъ Діонисій.“ Старинныя книги хранились здѣсь до того времени, пока не была построена Единовѣрческая церковь, куда книги эти и были отданы. Въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія благочинный Покровской церкви Алексинскій распорядился уничтожить самопроизвольно много старинныхъ актовъ, хранившихся въ церковной палаткѣ. Такимъ образомъ исчезло много драгоцѣнныхъ актовъ какъ для исторіи монастыря, такъ и села Иванова. Между прочимъ должны бы храниться здѣсь синодики, въ которые вписывались на вѣчное поминовеніе благотворители съ ихъ родомъ.—Въ XVIII столѣтіи только нынѣшняя холодная церковь была каменная, теплая же церковь была деревянная, но послѣ 1815 года она перенесена на кладбище, гдѣ стоитъ до сихъ поръ. Церковь старинной стройки съ шатровой крышей и строена никакъ не позднѣе XVII столѣтія, такъ какъ строить на церквахъ шатровыя крыши запрещено было съ 1711 года.

*) Календарь для духовенства на 1878 г. Прилож. къ Церковно-Общ. Вѣстн.

Нынѣшняя теплая церковь во имя св. Троицы съ двумя придѣлами отстроена въ 1817 году ивановскими крестьянами Гандуриными; на устройство ея было употреблено до 60 тысячъ рублей. По внутреннему своему убранству это одна изъ богатѣйшихъ церквей здѣсь. Постройка производилась по плану архитектора Мавричелли и представляетъ собою правильный квадратъ по 13 саженъ въ сторонѣ. Еще въ концѣ XVIII столѣтія сохранялись вокругъ монастыря деревянныя стѣны съ высокими башнями по угламъ; затѣмъ онѣ были сломаны и на мѣстѣ ихъ выстроена теперешняя каменная ограда тоже съ башнями по угламъ. Въ 1789 году 29 Апрѣля былъ пожаръ, при описаніи котораго упоминается еще монастырь. Монастырь обращенъ былъ въ приходскую церковь при составленіи монастырскихъ штатовъ по Владимірской епархіи. Предлагали будто бы Графу Шереметеву содержать его на свой счетъ, такъ какъ руга шла и прежде изъ вотчинной конторы; Графъ предложилъ въ свою очередь крестьянамъ, но тѣ отказались и монастырь былъ обращенъ въ приходскую церковь, къ которой отчислена была половина домовъ прихожанъ Воздвиженской церкви (около 250 домовъ). Изъ сохранившихся памятниковъ старины, кромѣ перечисленныхъ выше предметовъ, находятся въ церкви рѣзныя изображенія двунадесятыхъ праздниковъ и нѣкоторыхъ другихъ; работа чрезвычайно отчетливая и изящная по тому времени; затѣмъ образъ Софіи Премудрости Божія, чисто новгородскій, и упомянутый выше Деисусъ, который замѣчателенъ тѣмъ, что Спаситель изображенъ съ челкой, т. е., волосы у него, спускаясь на лобъ, обрѣзаны въ кружокъ. Къ несчастью мѣстное духовенство, на обязанности котораго лежитъ храненіе древностей и памятниковъ старины, небрежно относится къ этому и много очень древнихъ иконъ погибло въ церковныхъ палаткахъ отъ сырости. Въ 1816 году, когда копали фундаментъ для строющейся

Троицкой церкви, вынутъ былъ гробъ съ сохранившимся остовомъ въ монашескомъ одѣяніи; гробъ этотъ поставленъ подъ аркой въ сѣверной церковной стѣнѣ. Уцѣлѣвшая часть расходной монастырской книги за 1764 годъ позволяетъ намъ посмотрѣть немного на жизнь иноковъ того времени. Монастырь былъ не богатъ, хотя владѣлъ порядочными лугами. Внутри монастыря находился скотный дворъ, хлѣбные амбары и погребъ, которые приходилось чинить въ 1764 г., такъ какъ даже такія деревья, изъ которыхъ строили наши предки дома, отказывались служить за долгимъ временемъ. 29 іюня записано: „Деревни Таковца крестьянину Василью Чисуеву за два бревна въ монастырь на починку погреба дано семь (7) копѣекъ.“ Строенія крыты были, конечно, соломой и только церкви да игуменская келья покрыты были тесомъ. Братія съ игуменомъ во главѣ получала ругу изъ вотчинаго правленія или по полугодно или по третямъ или, наконецъ, по мѣсячно. Указы въ вотчинное правленіе о выдачѣ руги шли сначала отъ князей Черкасскихъ, а потомъ отъ Графа Шереметева за собственноручной ихъ подписью Игуменъ получалъ въ каждую треть по 3 р. 33¼ коп., одинъ іеромонахъ 1 р. 66½, другой столько же— по росписи на 1765 годъ (монастырскій годъ начинался съ 1 Сентября). Въ 1764 году игуменъ получалъ 10 рублей въ годъ, одинъ іеромонахъ 5, другой 4 рубля; іеродіаконъ Сильвестръ получалъ въ мѣсяцъ 32 копѣйки; дьячекъ въ годъ 3 руб., а пономарь 2 рубля. Не мудрено, что церковнослужители были мастеровыми людьми. Вообще монастырскіе жили не особенно богато—закупка матеріаловъ производилась не въ запасъ, а небольшими партіями, такъ, напр., соли покупали не больше 10 фунтовъ заразъ; гороху покупали на 3—6 копѣекъ. Въ большіе праздники при разрѣшеніи рыбы покупали ее копѣекъ на 6—10 и только на Пасху взято было рыбы на 21 коп. Во время пріѣзда Архіерея

монастырь расходовалъ деньги сверхъ обычая, „ради Епископа,“ какъ записывался этотъ расходъ. Такъ въ Августѣ 1764 г. подъ 5 числомъ читаемъ: „Села Иванова у крестьянина Ѳедора Иванова Сучкова куплено ладану роснаго восемь золотниковъ въ церковь Божію на праздникъ Преображенія Спасова и ради Преосвященнѣйшаго Геннадія Епископа за каждый золотникъ отдано ему по двѣ копѣйки итого 16 копѣекъ.“ Ради того же Геннадія Епископа куплено въ тотъ же день „муки пуховыя на печеніе просвиръ“ на 6 коп. На праздникъ Преображенія Спасова куплено, кромѣ рыбы, которой взято на 11 коп., гречневой крупы да масла постнаго на 4 коп. Позволена была, такимъ образомъ, роскошь.

Не взирая на свое незначительное состояніе, монастырь не могъ обойтись, чтобы не подать помощь бѣднымъ. Около монастыря, гдѣ нынѣ дома священнослужителей, было нѣсколько домиковъ, въ которыхъ жили старики и старухи, призрѣваемые монастыремъ, и находилось нѣсколько крестьянскихъ домовъ. Это была, такъ называемая *монастырская слободка*, которая къ половинѣ XVIII столѣтія разрослась въ большую Троицкую слободу (потомъ Негорѣлая улица). Отъ этого мѣста до самого Сокова моста шумѣлъ, по преданію, густой боръ. Теперь все это застроено домами и отъ бывшаго во кругъ монастыря бора осталось только нѣсколько сосенъ по склонамъ горы, гдѣ стоятъ церкви. Относительно Воздвиженской церкви только и приходится узнавать, что въ такой-то пожаръ „церкви Божіи процѣлѣли,“ въ другой— деревянныя сгорѣли, а у каменной обгорѣлъ верхъ—и больше ничего.—

Конецъ XVIII столѣтія и начало XIX ознаменовались въ исторіи фабричной промышленности важными нововведеніями. Со второй половины XVIII вѣка прядильное искусство въ Англіи въ лицѣ Харгрэвса, Аркрайта и Кромптона получило такихъ людей, которые сдѣлали положительный пере-

воротъ. Въ 1764 году Харгрэвсъ изобрѣлъ свою дженни-пряху, въ которой соединено было одновременно 8 веретенъ съ разнообразной пряжей; но она употреблялась только для выпряданія утка. Въ 1767 году является Аркрайтъ съ своимъ прядильнымъ станкомъ, честь изобрѣтенія котораго принадлежитъ собственно Чайату, но въ несовершенномъ видѣ— усовершенствовалъ его и ввелъ въ употребленіе Аркрайтъ. Онъ устроилъ прядильное заведеніе, гдѣ станы приводились въ движеніе лошадьми; но другое устроенное имъ заведеніе онъ поставилъ уже на лучшую ногу, такъ какъ замѣнилъ лошадей водянымъ колесомъ, отъ чего прядильная машина названа *ватернымъ* (water—вода) станомъ, а пряжа носитъ названіе *ватера* или водяной. Прядильный станъ прекрасно исполнялъ свое дѣло приготовленія основы для бумажной ткани и съ этихъ поръ прекращается въ Англіи употребленіе льняной основы и начинается производство бумажной ткани, преимущественно коленкора. Но эти машины-дженни и ватерный станокъ—для пряденія тонкихъ нумеровъ были не удобны: тонкая нитка, не имѣя достаточной крѣпости, не выдерживала натяжки валиковъ послѣдняго, навиваясь на катушку. Въ это время является машина, которая совершенно исправила указанный недостатокъ. Это была *мюль* или *мюль-дженни*, которая соединяла въ себѣ начало ватернаго стана и дженни-пряхи. Изобрѣтателемъ ея былъ Самуилъ Кромптонъ. Около 1785 года къ этой, усовершенствованной трудами дальнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ фабричной промышленности, машинѣ примѣненъ былъ паръ. Въ ткачествѣ первыми изобрѣтателями, значительно облегчившими трудъ тканья, являются тоже англичане. До 1738 года тканье производилось на неуклюжихъ станахъ, за которыми работало постоянно два человѣка— одинъ бросалъ челнокъ, другой ловилъ его и возвращалъ первому. Около 1738 года Джонъ Кэй изобрѣлъ способъ, при которомъ ткачъ давалъ движеніе челноку, не бросая его.

Впрочемъ способъ этотъ примѣнялся сначала къ тканью суконъ и только около 1760 года примѣненъ былъ къ бумажному производству. Въ этомъ же году Робертъ Кэй изобрѣлъ способъ ткать какъ бѣлый коленкоръ, такъ и разноцвѣтную матерію, употребляя любой изъ челноковъ съ цвѣтными утками, не вынимая и не вставляя ихъ каждый разъ въ станокъ. Послѣднимъ усовершенствованіемъ въ дѣлѣ ткачества является изобрѣтеніе самоткацкой машины, что случилось уже въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія *). Мы привели подробный довольно ходъ изобрѣтеній въ бумажной фабрикаціи потому, что съ конца прошлаго столѣтія видимъ постепенное вытѣсненіе отечественныхъ льняныхъ тканей и восточныхъ бумажныхъ иностранными бумажными, преимущественно англійскими тканями и потому, что у насъ нововведенія эти принимались очень туго. Достаточно указать на то, что челноки-самолеты въ ткацкомъ станѣ дѣлаются въ Ивановѣ извѣстными только послѣ 1815 года.

Первыя попытки въ Россіи стать на твердую ногу въ бумаго-прядильномъ и ткацкомъ дѣлѣ относятся къ концу прошлаго и началу нынѣшняго столѣтія. Въ 1798 году въ Петербургѣ выстроена была аббатомъ Оссовскимъ фабрика, на которой былъ приложенъ способъ механическаго пряденія бумаги. Но эта была еще не совершенная фабрика и только съ 1805 года она приняла надлежащій видъ и стала возрастать, когда къ пряденью приложили паровую силу. Это была та самая фабрика, изъ которой образовалась извѣстная Александровская мануфактура, послужившая разсадникомъ къ учрежденію въ Россіи бумагопряденія. Тамъ же стараніями управляющаго Александра Вильсона былъ поставленъ въ 1808 году первый въ Россіи механическій ткацкій станокъ.

*) Интересующихся подробной исторіей развитія мануфактурной промышленности отсылаемъ къ прекрасной статьѣ *Каменскаго* (Вѣстн. Пром. 1859 г. №№ 10 и 11) „Рабочій народъ въ Англіи.“

Съ того же 1808 года начали было и въ Москвѣ устраиваться бумагопрядильныя заведенія по примѣру Александровской мануфактуры, чему много способствовала постоянно возраставшая цѣнность бумажной пряжи, доходившей около 1812 года до 300 рублей за пудъ. Впрочемъ онѣ рушились и настоящее появленіе бумагопрядиленъ у частныхъ лицъ надо полагать послѣ 1822 года. На казенной фабрикѣ всетаки недостаточно было для ивановскихъ фабрикантовъ, такъ какъ дѣло у нихъ было поставлено на широкую ногу. Одинъ Ямановскій въ 1797 году показалъ капиталъ производства въ 46,766 рублей. Но это производство росло очень быстро и только въ 1800 году замѣчается нѣкоторое пониженіе въ виду того, что въ это время произошелъ разрывъ съ Англіей; говорятъ, что въ это время многіе ивановскіе фабриканты не изъ крупныхъ раззорились, но это едва ли вѣрно, такъ какъ мы замѣчаемъ постоянное возрастаніе числа фабрикантовъ. Посмотримъ, какимъ образомъ устраивались наши первоначальныя фабрики, которыя удержались здѣсь до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Центромъ, такъ сказать, всей фабрики было строеніе, гдѣ помѣщались съ своими столами набойщики. Въ началѣ становилась стая съ окнами чуть не со всѣхъ сторонъ, такъ какъ свѣту было нужно какъ можно болѣе. На верху устраивались вѣшала, по которымъ двигался миткаль во время набивки. Затѣмъ стаи покрывали, въ рабочей разставлялись верстаки, на которыхъ производилась набивка и фабрика была готова. Рабочіе не заставляли себя ждать, такъ какъ заработокъ былъ очень хорошій. Съ появленіемъ колеристовъ, которымъ будетъ посвящена отдѣльная страница, у набойщиковъ показываются уже помощники, такъ называемые *штрифовальщики*. Но чтобы представить цѣльную картину набивнаго дѣла, мы воспользуемся прекрасной статьей Инженеръ-Технолога Несытова.

Вотъ что говоритъ онъ о набойщикахъ. (Приводимъ его статью въ сокращенномъ изложеніи) *).

Набойщикъ для своей работы на ситцевыхъ фабрикахъ имѣетъ отъ хозяина *набойной столъ* или *верстакъ;* по лѣвую сторону стола помѣщается скамейка, на которой ставится *штрифовальный ящикъ, обрѣзъ*, съ краской или составомъ, наложенной на суконкѣ. Вверху мастерской находятся, какъ и мы уже упомянули, *вѣшала*, т. е., находящіяся близь потолка параллельныя, горизонтальныя жерди, черезъ которыя набойщикъ перекидываетъ миткаль, отпущенный ему для набивки. Каждая набивная мастерская непремѣнно должна быть свѣтла, а главное тепла, чтобы набитая по миткалю краска могла скорѣе высохнуть *не подтекая.* Чтобы быть искуснымъ набойщикомъ, нужно было пройти порядочную школу. Будущій набойщикъ поступалъ на фабрику 12—15 лѣтъ такъ называемымъ *штрифовальщикомъ*, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы растирать кистью краску по суконному дну обрѣза и такимъ образомъ подготовлять эту краску каждый разъ для набойщика, когда послѣдній беретъ съ круга формой краску. Во все время работы набойщика штрифовальщикъ, сидя верхомъ на скамьѣ, на которой поставленъ штрифовальный кругъ, за каждымъ ударомъ формой по миткалю растираетъ краску кистью. Когда штрифовальщикъ привыкъ къ своему дѣлу, набойщикъ иногда позволяетъ ему набивать формой малосложный узоръ и указываетъ ему всѣ пріемы, которые тотъ долженъ себѣ усвоить. Черезъ годъ—два штрифовальщикъ дѣлается уже набойщикомъ и принимается за работу съ извѣстной подготовкой и знаніемъ дѣла. Отъ искуснаго набойщика требуется, чтобы онъ вѣрно, по знакамъ, показываемымъ иголками, вдѣланными въ четырехъ концахъ формы, накладывалъ краску на поверхность

*) Владимірскій Историко-Статистическій сборникъ. 1869 г. *Несытовъ.* Набойщики и колеристы Влад. губ.

выбѣленнаго миткаля и расправлялъ бы миткаль по набивному столу такъ, чтобы никогда не было складокъ, иначе при крашеніи складки эти оставляютъ бѣлыя неокрашеныя полосы и образуютъ такъ называемыя *ласы.* Въ дѣлѣ набойщика *заводка манера* составляетъ главное. Заводка манера состоитъ въ томъ, что формою дѣлается на миткалѣ первый абрисъ рисунка (десейна), отъ котораго зависитъ вся красота ситца и чистота набивки послѣдующими красками. Смотря по артикулу ситца и его колерамъ набивается одинъ и тотъ же кусокъ (штука) разными досками (узорами). Поэтому самихъ набойщиковъ раздѣляютъ главнымъ образомъ на 4 группы: 1) *заводчики,* набивающіе заводку; 2) *грунтовщики,* которые набиваютъ грунтъ, т. е., фонъ ситца; 3) набойщики, работающіе красную, желтую, фіолетовую и другія краски, и 4) *расцвѣтчики,* которые окончательно расцвѣчивали ситцы зеленой и голубой красками. Смотря по этому раздѣленію набойщиковъ, одинъ и тотъ же десейнъ набивали послѣдовательно два, три и болѣе набойщика, которые получали за каждый проходъ не одинаковую плату, измѣняющуюся смотря по роду набивки, сложности рисунка и тонкости работы. Были ситцы отъ 10 до 12 проходовъ, т. е., набивались послѣдовательно 10—12 красками. Во всякомъ случаѣ заводчикъ получалъ всегда съ прохода болѣе, чѣмъ другіе набойщики; изъ набойщиковъ всего менѣе получалъ расцвѣтчикъ. Задѣльная плата набойщикамъ зависѣла отъ рисунка, манера, которымъ они набивали ситцы, а потому и трудно опредѣлить ее; къ тому же она измѣнялась послѣдовательно по годамъ (отъ 50 коп. одноцвѣтнаго и до 2 р. 50 коп. за многоцвѣтные ситцы, за проходъ). Штрифовальщикъ находился при каждомъ набойщикѣ, который содержалъ его на свой счетъ, какъ бы на правахъ мастера, къ которому мальчика отдали въ ученики. Впрочемъ, иногда и хозяева платили штрифовальщику отъ 10 рублей и болѣе въ годъ.

Успѣхъ работы набойщика зависѣлъ отъ манера ситца, величины набивной формы и отъ качества выданной ему краски, а также отъ правильнаго и тщательнаго приготовленія формы рѣзчикомъ. Если манеръ многосложенъ, то имъ труднѣе печатать и набойщикъ тогда прибиваетъ форму къ миткалю деревянной колотушкой, піанкой (чокмарь), при чемъ, конечно, тратится время на прибой. Если рисунокъ малъ, то онъ не споръ къ работѣ, а потому можно бы двойнымъ маneромъ за разъ набить два малыхъ пространства; но за то скорость первой набивки замѣняетъ пространство второй, такъ что разсчетъ въ успѣхѣ и въ платѣ выходитъ почти одинъ и тотъ же. Если рѣзчикъ сдѣлалъ неровно поверхность формы и не соблюлъ въ точности *рапортовъ* рисунка, то набойщикъ можетъ испортить ситецъ, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ краска совпадаетъ съ тканью, а въ другомъ она не прикасается къ ней—это поведетъ при окрашиваніи ситцевъ къ неровности цвѣта и къ пробѣламъ. Но самое важное вліяніе на успѣхъ работы набойщика имѣетъ краска или составъ. Если она слишкомъ *загущена*, то ложится на миткаль не ровно и мѣстами, дѣлается вязкою и пристаетъ къ формѣ; напротивъ, когда она *жидко загущена*, то расплывается, дѣлается на ситцѣ *подтечка*, а при крашеніи *пробѣлы* и *пятна*—въ обоихъ случаяхъ за это отвѣчаетъ колеристъ. Столъ или верстакъ набойщика дѣлается четырехъ-угольный въ 2½ аршина длины, 1½ арш. ширины и 1 арш. 2 вер. и болѣе вышины. На немъ горизонтальная, ровно выстроганная доска изъ половыхъ досокъ. Во время работы столъ покрывается толстымъ или тонкимъ сукномъ и на него ровно и гладко разстилается миткаль, назначенный для набивки. Сукно стелется для мягкости и для того, чтобы иглы формы и самая форма не касались дерева и не портились бы. Возлѣ стола на скамейкѣ штрифовальный ящикъ, въ которомъ плаваетъ кругъ, имѣющій обечку какъ у сита. Въ этотъ

кругъ, обрѣзъ, наливаютъ сначала сгущенный крахмалъ, на него кладутъ клеенку и затѣмъ уже сукно, на которомъ наштрифовывали кистью составъ. Форма или набивная (манеръ), грушеваго или пальмоваго дерева рѣзная доска, выдавалась набойщику изъ конторы; какъ скоро онъ кончалъ набивать ею, она сдавалась обратно. Кіянка или молотокъ (чокмарь) употреблялась набойщикомъ только при большихъ формахъ,—для приколачиванія къ миткалю, а при легкихъ формахъ кулакъ набойщика замѣнялъ кіянку.

Прежде чѣмъ введено было въ фабричное производство запариванье ситцевъ для укрѣпленія расцвѣта на ткани и для приданія яркости и колера (оно вошло въ употребленіе съ 1835 года), ситцы заваривали въ жидкомъ отварѣ крапа, гарансина и марены въ краповыхъ ваннахъ и горячей водѣ. Для этого устраивались особыя зданія на берегу рѣки, которыя носили названіе *заварокъ*. Съ существованіемъ заварокъ неразрывно связано было существованіе *мытилокъ*, устраиваемыхъ посреди рѣки. Если набивная была на берегу, то она соединялась съ заваркой. Заварка также устраивалась просто: строилось зданіе, имѣющее широкую дверь на улицу, безъ потолка, который замѣнялся крышей, и съ узенькой дверью на рѣку по направленію къ мытилкѣ. Зданіе на половину было набито дровами, остальная часть занята была большими печами со вмазанными вверху котлами, большею частью желѣзными—мѣдные были только у богатыхъ хозяевъ. Надъ котломъ помѣщался баранъ, на который накладывался набитый ситецъ, концы ситца обыкновенно связывались; баранъ постоянно вертѣли назначенные для этого рабочіе, такъ что ситецъ, наложенный на немъ, представлялъ собой подобіе безконечнаго ремня. Ситецъ обыкновенно сначала *посирили*, т. е., заваривали его въ жидкомъ растворѣ коровьяго помета, затѣмъ уже заваривали въ краскахъ. Когда находили, что ситецъ достаточно заварился, его снимали съ барана и

мытильщики отправлялись смывать его въ мытилку. Мытилка прежде состояла изъ простаго плота, затѣмъ стали уже строить особыя зданія на подобіе портомоекъ (слово старинное—*порты* въ древности обозначало всякую матерію, изъ которой шилось платье). При помощи тѣхъ же палокъ, на которыхъ принесенъ былъ заваренный ситецъ, его полоскали и затѣмъ выкручивали воду изъ вымытаго ситца, отжимали, тутъ же посредствомъ особо устроенныхъ крючьевъ. Выжатый такимъ образомъ ситецъ шелъ въ сушильню или на бѣльникъ. Процессъ не особенно сложный, но отнимавшій массу времени и требовавшій особыхъ зданій, тогда какъ при современномъ устройствѣ фабрикъ все это заключено въ одномъ зданіи.

Вотъ, такъ сказать, тѣ предварительныя свѣдѣнія о фабричномъ дѣлѣ, какія мы считали необходимымъ дать читателю, прежде чѣмъ рѣшили начать исторію мѣстной фабричной дѣятельности въ XIX столѣтіи. Продолжаемъ теперь эту исторію. Мы уже видѣли, что въ Россіи началось механическое бумагопряденіе, но Ивановцы упорно держатся Бухарской пряжи и покупаютъ иногда въ Москвѣ и Петербургѣ бумажныя ткани „заморскія.“ Льняное производство окончательно вытѣснено было бумажнымъ. Причиной этому былъ разрывъ съ Англіей, куда главнымъ образомъ сбывали Ивановскіе фабриканты свои льняныя произведенія. Многіе фабриканты потерпѣли въ то время значительные убытки и оставили льняныя ткани, замѣнивши ихъ бумажными. Въ 1803 году, какъ видно изъ вѣдомостей, подаваемыхъ въ Мануфактуръ-коллегію, на фабрикахъ М. И. Гарелина и М. И. Ямановскаго было одно бумажное производство, а льнянаго уже не видно; ситцы, выбойка и платки—все было бумажное. Съ этого же года является здѣсь англійская бумажная пряжа, изъ которой сами уже фабриканты ткали миткаль. Вотъ какая цѣнность матеріаловъ была на фабрикѣ

М. И. Гарелина (по канторскимъ книгамъ)—Миткаль своей фабрики 25 арш. 13 рублей; полуситецъ по нѣмецкому миткалю 25 арш. 25 рублей; выбойка по нѣмецкому миткалю 25 арш. 22 руб.; платки по нему же 19 платковъ 25 рублей; выбойка по своему миткалю 17 рублей (мѣра таже, что и въ нѣмецкомъ миткалѣ); платки по своему миткалю 19 платковъ 20 рублей. Въ этомъ году миткаль названъ бумажнымъ полотномъ и фабрики вмѣсто полотняныхъ и ситцевыхъ называются уже бумажно-ткацкими и ситцевыми фабриками. Такимъ образомъ, 1803 годъ является началомъ новой эпохи въ фабричной жизни села Иванова. Съ этого времени, не взирая на континентальную систему, принятую у насъ по настояніямъ Наполеона I, бумажное производство, т. е., ситценабивное все усиливается и усиливается, торговля Ивановцевъ все растетъ. Не отстаетъ Иваново отъ вѣка и по части внѣшняго благоустройства. По крайней мѣрѣ мы находимъ указаніе на этотъ счетъ въ такъ сказать послужномъ спискѣ М. И. Ямановскаго, который составленъ былъ въ 1833 году въ виду того, что М. И. просилъ себѣ свободы съ своими потомками. Для насъ въ настоящемъ мѣстѣ важенъ 2-й п. (всѣхъ пунктовъ 5), въ которомъ говорится: „Въ селѣ томъ (т. е. Ивановѣ) базарный въ пользу общества доходъ простирался только за 2000 рублей. Ямановскій ради общему добру и желая пріумножить сей доходъ въ 1809 году на церковныя деньги 2000 рублей не взирая на такъ незначительное оныхъ количество и не касаясь новой раскладки на жителей по тягламъ помощію одного базарнаго сбора приступилъ къ исправленію старыхъ и постройкѣ новыхъ каменныхъ лавокъ и выстроилъ вокругъ церквей Крестовоздвиженской на шестидесяти и Пятницкой на сорока двухъ саженяхъ каменной ограды. Вокругъ первой съ трехъ сторонъ одноэтажныхъ, а съ четвертой дву-этажныхъ каменныхъ сто пять лавокъ, противъ оныхъ на каменномъ фундаментѣ въ особомъ

корпусѣ на сорока саженяхъ шестьдесятъ двѣ деревянныя лавки. При Пятницкой церкви къ лѣвой боковой сторонѣ выстроилъ каменный придѣлъ во имя Великомученика Георгія въ длину на восьми саженяхъ со сводомъ, а къ задней сторонѣ на пятнадцати саженяхъ каменныхъ со сводомъ семь полатокъ. Противъ сей церкви въ особыхъ двухъ корпусахъ на пространствѣ вообще тридцати девяти саженъ тринадцать каменныхъ съ подвалами и со сводами полатокъ. Къ удобнѣйшему же производству въ базарные дни торговли внизу въ оврагѣ противъ дву-этажныхъ лавокъ уровнялъ и утвердилъ по тонкому и болотистому мѣсту вновь площадь въ ширину на двадцать, а въ длину на восемьдесятъ саженъ, проведя вдоль оной и обложа деревомъ закрытую канаву. На сей площади выстроилъ: 1) на столбахъ съ нѣсколькими деревянными лавками на 42 саженяхъ для мѣстной продажи сарай, 2) таковой же сарай на сорока саженяхъ для распродажи муки и въ немъ для вѣсовъ особыя мѣста, 3) деревянный на 13 саженяхъ на столбахъ сарай для продажи набивныхъ на Ивановскихъ фабрикахъ издѣлій и сапожной крестьянской шитой обуви, 4) таковой же на шести саженяхъ для хлѣбной и калачной продажи. Таковымъ устройствомъ своимъ онъ Ямановскій доходъ въ пользу общественныхъ нуждъ увеличилъ до 25000 руб. въ годъ, вмѣсто прежняго годоваго сбора, какъ выше сказано, двухъ тысячъ рублей,—что извѣстно главной канцеляріи.“ Вотъ съ какими дѣятелями на общественную пользу встрѣчаемся мы въ Ивановѣ все время, пока оно находилось въ крѣпостной зависимости, вѣрнѣе сказать, до 50-хъ годовъ. Лѣтопись села Иванова съ справедливой гордостью можетъ указать не мало такихъ лицъ, которые служили на пользу общества или своимъ значеніемъ или внося свѣтъ въ трудовую жизнь Ивановцевъ по части фабричной дѣятельности. Встрѣчаются и теперь, но у насъ сдѣлалось какимъ-то общимъ правиломъ, что нужно сначала умереть, чтобы прі-

обрѣсти славу и дать почувствовать современникамъ свое значеніе. По отношенію къ Иванову, впрочемъ, и это правило имѣетъ исключеніе—здѣсь можно жить, приносить пользу обществу, умереть и быть позабыту. Примѣромъ забывчивости можемъ мы привести Сокова и Грачева. Многіе ли знаютъ теперь, гдѣ покоится прахъ этихъ дѣятелей? Почти никто. А между тѣмъ и тотъ и другой значительныя личности—первый какъ основатель ситценабивнаго настоящаго искусства, а второй, какъ сила въ мѣстной жизни.

До 1812 года Иваново медленно двигалось на пути развитія мануфактурной промышленности. Пожаръ Москвы въ 1812 году далъ сильный толчекъ этому дѣлу и съ этихъ поръ Иваново неудержимо стремится впередъ, не взирая на всѣ препятствія, которыя приходилось одолѣвать на дорогѣ. Московскія фабрики, которыя совсѣмъ было, сообща съ Петербургскими, отстранили Ивановцевъ на задній планъ и съузили районъ ихъ дѣятельности, долго не могли поправиться послѣ погрома двѣнадцатаго года, а въ это время Иваново работало усиленно и успѣло запастись силами на столько, что дальнѣйшая судьба мануфактурной промышленности была обеспечена. Въ 1814 году уже Ямановскій выработалъ ситцевъ и платковъ на 1,650,000 рублей. Съ 1812 года Англійская бумажная пряжа вошла во всеобщее употребленіе, благодаря дѣятельности В. М. Киселева, которому въ этомъ году удалось по случаю купить партію Англійской бумажной пряжи въ 5,000 пудовъ у Московскихъ купцовъ по 60 руб. за пудъ. Но къ концу года пряжа эта стоила уже 300 руб. пудъ. Киселевъ съ этой поры занялся продажей Англійской пряжи, съ году на годъ усиливая торговлю и имѣя непосредственныя сношенія съ Англіей до самаго 1847 года, когда Русская пряжа окончательно вытѣснила Англійскую. Русская пряжа выступаетъ въ первый разъ въ 1831 году, когда утокъ русской выпрядки сталъ вытѣснять утокъ Англійскій,

а съ 1840 года явилась и основа русской выпрядки. Прослѣдимъ цѣнность выработанныхъ матеріаловъ на здѣшнихъ фабрикахъ съ 1803 года по 1815, при чемъ укажемъ сумму, на которую вырабатывалось ежегодно у одного изъ крупнѣйшихъ мѣстныхъ фабрикантовъ, у М. И. Ямановскаго. 1803 годъ начало бумаго-ткацкаго и ситцеваго производства съ полнымъ устраненіемъ льняныхъ издѣлій, а 1815 годъ—когда производство на фабрикѣ Ямановскаго достигло своего апогея, за которымъ послѣдовалъ упадокъ. Цѣнность показана по конторскимъ книгамъ М. И. Гарелина.

1803 годъ. Миткаль собственной фабрики 25 арш. въ кускѣ 13 руб.; полуситецъ по нѣмецкому миткалю 25 арш. 25 руб; выбойка по нѣмецкому миткалю 25 арш. 22 руб.; платки по нѣмецкому миткалю 19 платковъ 25 руб.; выбойка по своему миткалю 25 арш. 17 руб.; платки по своему миткалю 19 платковъ 10 руб. Полуситецъ выработывался такъ, что основа была льняная, а утокъ бумажный бухарской пряжи, отчего его набивали больше дешевыми красками; притомъ же на немъ краски выходили очень плохо по недостатку бѣленія. Для тканья полуситцевъ иногда употребляли бѣленую льняную пряжу, которую покрывали бухарской суровой бумажной пряжей. Эту ткань не варили въ известкѣ, а только въ щадрикѣ или поташѣ, а потомъ для бѣленья выстилали на лугу или на настѣ, послѣ чего она шла въ набойку. Покупали бухарскую бумажную пряжу по 60 рублей. Бухарская бумажная пряжа появляется въ первый разъ въ 1801 году; ее покупали тогда мѣстные фабриканты и сами ткали миткаль на своихъ фабрикахъ.—Миткаль нѣмецкій разнаго разбора по $17^1/_2$ руб. (кусокъ 25 арш.). Крапъ голландскій по 20 руб.; квасцы шведскіе 6 рублей; чернильные орѣшки 11 руб.; синій сандалъ 8 руб.; купоросное масло 25 руб. На фабрикѣ Ямановскаго выработано въ этомъ году на 130,000 руб.

1804. Цѣны тѣже. Прибавился ситецъ по своему миткалю 25 арш. 20 руб. Въ покупкѣ является англійская бумажная пряжа по 60 руб. Чернильные орѣшки по 18 р. за пудъ; красный сандалъ $12^1/_2$ руб. и шведскіе квасцы 5 руб. На остальное цѣны тѣже. Съ началомъ употребленія машинной англійской бумажной пряжи стало развиваться и самое ткачество, такъ какъ бухарскую пряжу трудно было приспособить для тканья по неровности нити отъ ручной выпрядки.—Дрова въ это время покупались аршинныя по 2 руб. за сажень.

1805. Работали тоже и цѣны тѣже. Бухарская пряжа видимо вытѣсняется англійскою—ее въ дѣлѣ въ 10 разъ меньше, чѣмъ англійской. Одинъ Ямановскій употребилъ англійской пряжи 2062 пуда для тканья миткаля на 600 станахъ. Для тканья раздавали пряжу больше по деревнямъ, чѣмъ ткали на фабрикѣ.—

1806. Цѣнность матеріаловъ и товаровъ таже. Является въ первый разъ Бреславскій крапъ.—

1809. Сорта работали тѣже, что въ 1804 году. Ямановскій употребляетъ англійскую пряжу по 150 рублей и Бухарскую по 130 руб. Крапъ голландскій и бреславскій по 35 руб. за пудъ; чернильные орѣшки 23 руб.; красный сандалъ 15 руб.; шведскіе квасцы 12 рублей; купоросное масло 25 руб.; крѣпкая водка 50 руб.; селитра 35 рублей; камедь 50 руб.; крахмалъ калязинскій 4 рубля; уксусъ романовскій 80 коп. за ведро; дрова 3 руб. за сажень. Благодаря введенію континентальной системы прямая торговля съ Англіей прекращена и англійская бумажная пряжа *въ употребленіи не показана.* Но по разсказамъ старожиловъ, болѣе всего употреблялась англійская бумажная пряжа, только она называлась бухарской или выработанной на Александровской мануфактурѣ. На самомъ дѣлѣ съ 1808 по 1812 годъ англійская бумажная пряжа привозилась сюда черезъ Пруссію

подъ именемъ брабантскихъ нитокъ, которыя и очищались пошлиной въ таможнѣ, какъ произведеніе дружественнаго государства. Въ 1807 году произведено на фабрикѣ Ямановскаго на 280,000 руб.

1810. Сорта ситцевъ тѣже. Мѣра миткаля была 25 арш., для платковъ мѣра 17 платковъ. Продажа производилась въ Москвѣ, Петербургѣ и на ярмаркахъ: Макарьевской, Ростовской, Никольской на Шахмѣ, Ковровской, Холуйской, Парской и Ирбитской; кромѣ того пріѣзжали въ Иваново покупатели изъ Ярославля и другихъ городовъ и селеній. Покупали Ивановцы: Бумагу Александровской мануфактуры 200 рублей; бухарскую 150; крапъ голландскій и бреславскій 80; чернильные орѣшки 70; красный сандалъ 37; шведскіе квасцы 14; крѣпкую водку 75; купоросное масло 30; селитру 50; камедь 50; крахмалъ $4^1/_4$; индиго 650 рублей; дрова 4 руб. за сажень.

1812. Сорта товаровъ тѣже. Покупали: Бумагу Александровской мануфактуры 100; иностраннаго пряденья 150; крапъ голландскій и бреславскій 80; чернильные орѣшки 40; красный сандалъ 12; шведскіе квасцы 10; купоросное масло 60; крѣпкую водку 100; селитру 50, камедь 50; крахмалъ $4^1/_4$; индиго 500; дрова 4 рубля за сажень.

1813. Сорта ситцевыхъ товаровъ тѣже. Продажа производилась какъ въ 1810 и 1812 г.г. Покупали: Бумагу Александровской мануфактуры 120; иностранную 160; крапъ голландскій и бреславскій 75; чернильные орѣшки 50; красный сандалъ 18; шведскіе квасцы 10; масло купоросное 65; крѣпкую водку 100; селитру 40; камедь 40; крахмалъ 8; уксусъ романовскій ведро $2^1/_4$; индиго 500 руб. за пудъ; дрова изъ разнаго лѣса 6 руб. за сажень. При ручныхъ работахъ ситцеваго производства требовалось на фабрикахъ рабочаго народа въ 1800, 1803, 1805—7 и до 1813 года на 20,000 кусковъ до 180 человѣкъ и на 35,000

кусковъ до 250 человѣкъ, изъ которыхъ около 130 были набойщики. Мѣра ситцевъ была въ кускѣ 25 арш., а платковъ въ кускѣ 18—19. По такому разсчету по коротко-мѣрности ситцевъ и платковъ народу требовалось слишкомъ много, особенно если сравнить нынѣшнее машинное производство.

1814. Ситецъ былъ мѣрою 37 аршинъ, цѣною за кусокъ 45 рублей; полуситецъ въ 17 аршинъ по 25 руб.; выбойка въ 25 арш. 35 руб.; платки 18 платковъ 51 рубль. На фабрикѣ Ямановскаго выработано въ этомъ году 40,000 кусковъ ситцевъ и платковъ на 1,650,000 рублей. Такое производство по тогдашнему времени ставило М. И. Ямановскаго въ число первоклассныхъ фабрикантовъ во всей здѣшней мѣстности.

1815. Цѣны ситцевъ тѣже. Выработано у Ямановскаго 45,000 кусковъ на 1,805,000 рублей. Съ слѣдующаго года производство у Ямановскаго стало уменьшаться, благодаря тому, что онъ мало самъ занимался дѣломъ. Свѣдѣнія о количествѣ выработаннаго ситцу почерпнуты изъ вѣдомостей, которыя представлялись чрезъ полицію два раза въ годъ въ Мануфактуръ-Коллегію. Интересно, что въ рецептахъ для составленія красокъ мы находимъ кромѣ тѣхъ матеріаловъ, которые показаны выше, другія ядовитыя вещества, какъ-то, мышьякъ и т. п., но въ вѣдомостяхъ ихъ не показывали, такъ какъ тогдашняя полиція не рѣдко затѣвала дѣла и фабрикантамъ приходилось давать ей порядочныя деньги, чтобы только оставили ихъ въ покоѣ.—

Такимъ образомъ видимъ мы постоянное усиленіе производства, которое увеличивалось не только у крупныхъ, но и у мелкихъ фабрикантовъ, съ тою только разницею, что у крупнаго фабриканта было болѣе шансовъ на продолжительное существованіе, чѣмъ у мелкаго. Въ Ивановѣ въ это время неурядица была страшная: на ряду съ людьми,

заботящимися о развитіи промышленности, оказались и такіе, которые не имѣя ни средствъ, ни способностей къ какому бы то ни было дѣлу, составили партію недовольныхъ обогащеніемъ своихъ земляковъ. Пожары 1775 и 1781 годовъ были ихъ дѣломъ; грабежи и убійства усиливались съ году на годъ. Помѣщикъ не могъ не обратить вниманія на состояніе Иванова и вотъ въ 1817 году стараніями бывшаго въ то время управляющаго Гофмана устроили въ селѣ Ивановѣ полицію, которая состояла изъ полиціймейстера, двухъ частныхъ приставовъ и восьми квартальныхъ надзирателей. Содержаніе полиціи, какъ-то: квартира, жалованье и проч. было отъ крестьянъ села Иванова. Но эта мѣра не принесла никакой пользы, и послѣ того какъ былъ убитъ одинъ изъ квартальныхъ, полицію уничтожили— она существовала около 2 лѣтъ. Грабежи усилились особенно съ появленіемъ полиціи; недовольные улучшеніями разбѣжались и по окольнымъ дорогамъ, такъ что проѣздъ въ Иваново составлялъ довольно опасное предпріятіе. Въ 1823 году обкрадена была даже Покровская церковь—сняты были богатыя украшенія и ризы съ двухъ иконъ: Казанской и Смоленской Богоматери, церковная касса была разломана и потеря храма простиралась до 50,000 рублей. Воры, впрочемъ, были скоро найдены—это были Хохловъ и Вихоревъ, которые работали въ церкви съ артелью. Они были наказаны на площади кнутомъ, а имущество было возвращено въ церковь. Это время было временемъ сильнѣйшаго развитія раскола. Въ 1818 году, чтобы нѣсколько успокоить пришедшихъ въ ожесточеніе, благодаря спорамъ, раскольниковъ, отвели для различныхъ толковъ особыя кладбища, такъ что столкновеній было меньше. Изувѣрство доходило до крайнихъ предѣловъ и приходилось принимать крутыя мѣры: одного крестьянина И. И. Нечунаева наказали 25 ударами кнута и сослали въ каторжную работу за ругательство надъ крестомъ. Правда,

по мѣрѣ того, какъ вымирали старики старообрядцы расколъ становился все слабѣе и слабѣе, потому что молодежь держалась уже иныхъ взглядовъ и побывавши въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ, находила суровыя требованія старообрядства вещью неудобной. Окончательный ударъ старообрядству нанесенъ былъ построеніемъ въ 1834 году Единовѣрческой церкви.—

Не взирая на такія нестроенія, фабричное производство все растетъ. Еще въ 1809 году, какъ мы видѣли выше, Ямановскій, вмѣстѣ съ другимъ выборнымъ старшиной Четверковымъ, устроилъ новыя лавки, доходъ съ которыхъ шелъ въ пользу крестьянскаго общества и позволялъ имъ покрывать часть расходовъ по разнымъ отраслямъ ихъ хозяйства. До 1855 года изъ дохода съ лавокъ въ пользу помѣщика отдѣлялось до 700 рублей, а съ 1855 года доходъ въ пользу помѣщика возвышенъ до 6,000 слишкомъ, тогда какъ въ пользу общества поднятъ доходъ еще на 3000 рублей. Мы видѣли, на сколько содѣйствовала развитію торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и промышленности, постройка лавокъ: доходъ съ двухъ тысячъ сразу поднялся на двадцать пять тысячъ. Улучшенія быстро шли одно за другимъ. Съ 1819 года по 1824 управляющимъ былъ А. А. Савичъ, со вступленіемъ котораго въ должность обязанность о благоустройствѣ Иванова возложена была на вотчинное правленіе, т. е., на самихъ же Ивановцевъ. Въ 1825 году вотчинное правленіе цѣликомъ состояло изъ Ивановцевъ, такъ какъ по приказанію Графа Шереметева въ этомъ году управляющимъ былъ назначенъ М. И. Гарелинъ. Вотъ списокъ тогдашнихъ должноснтыхъ лицъ: Управляющій М. И. Гарелинъ, выборный А. Ф. Полушинъ, полиціймейстеръ И. Д. Козыревъ, помощникъ И. Ф. Коноплянниковъ, сборный староста В. А. Напалковъ, расходчикъ В. П. Дурденевскій. Всѣ должностныя лица состояли изъ крестьянъ села Иванова и это назначеніе имѣло свою

выгоду: спорныя дѣла крестьянъ Иванова разбирало правленіе, которое не имѣло надобности судить пристрастно и зная практически нужды и дѣятельность с. Иванова, служило хорошимъ распорядителемъ къ болѣе прочному и выгодному положенію села и фабрикантовъ, а потому промышленныя дѣла Ивановцевъ пошли еще успѣшнѣе, такъ что въ 1825 году было уже здѣсь до 125 фабрикъ.

Мы должны упомянуть здѣсь о М. И. Гарелинѣ, какъ одномъ изъ видныхъ дѣятелей на поприщѣ фабричной промышленности и по управленію Ивановскими общественными дѣлами. Мефодій Ивановичъ родился въ Ивановѣ въ 1757 г. Въ 1801 году онъ принялъ отъ отца ткацко-полотняную фабрику, которая въ 1804 году была преобразована въ ситце-набивную. Неоднократно Мефодій Ивановичъ былъ избираемъ въ выборные и управлялъ Ивановомъ, самостоятельно ведя такъ называемыя мірскія дѣла. Память о его полезномъ управленіи до сего времени сохранилась у многихъ оставшихся стариковъ. Имѣя обширную ситцевую фабрику, онъ торговлей нажилъ значительное состояніе—самъ онъ вообще занимался торговлей, а фабрикой завѣдывалъ одинъ изъ его сыновей, Петръ Мефодіевичъ. Мефодій Ивановичъ по тогдашнему времени былъ человѣкъ любознательный и мыслящій; читалъ книги, газеты и вообще интересовался событіями того времени. Умеръ онъ въ 1825 году.

Вернемся нѣсколько назадъ и начнемъ съ мѣропріятій правительства по отношенію къ русскимъ фабрикамъ. Въ нихъ мы замѣчаемъ колебанія и даже довольно крупныя. Въ 1804 году запрещено было привозить по западной границѣ всякія бумажныя ткани, какъ бѣлыя, такъ набивныя и крашеныя, а сухимъ путемъ и моремъ запрещенъ привозъ всякихъ платковъ, бумажныхъ и полотняныхъ. Дѣлалось это, очевидно, въ виду развитія отечественнаго ткачества такъ какъ фабрика Оссовскаго сдѣлалась уже казенною. Въ это

время начинаютъ развиваться Украинскія ярмарки. Въ 1806 г. дозволено привозить машины безъ пошлины. Въ этомъ же году обложена пошлиной бумажная пряжа по 1 р. 80 коп. съ пуда. Въ 1816 году опять запрещенъ былъ ввозъ полотна и бумажныхъ издѣлій. Тарифъ 1819 года является чрезвычайно быстрымъ скачкомъ отъ запрещенія ввозить ткани и издѣлія иностранныхъ фабрикъ къ полной свободѣ въ этомъ отношеніи. Въ 1820 году велѣно съ бѣлыхъ бумажныхъ тканей взимать $37^1/_2$ коп. съ фунта, съ крашеныхъ по 75 коп., а издѣлія пестрыя и холстинку причислить къ печатнымъ и взимать пошлину по 3 р. 60 коп. съ фунта. Тарифъ 1819 года былъ особенно не выгоденъ для мѣстныхъ фабрикантовъ, да и для всей Россіи, такъ какъ трудно было спорить съ иностранными произведеніями, которыя, благодаря развитому изстари искусству, какъ по дешевизнѣ, такъ и по изяществу превосходили Русскія. По этому тарифу, дѣйствіе котораго началось съ 1-го Января 1820 года, всѣ пошлины раздѣлены были на внутреннія и провозныя; впрочемъ, при очисткѣ товаровъ онѣ брались безъ раздѣленія. Этотъ тарифъ, какъ объявлено было въ манифестѣ отъ 20 Ноября 1819 года, составленъ былъ въ Варшавѣ Русскими, Польскими, Австрійскими и Прусскими Коммисарами вслѣдствіе заключенныхъ дружественныхъ трактатовъ между Россіею, Пруссіею и Австріею. Пошлины опредѣлено было взимать серебряной монетой, но по внутреннимъ таможнямъ могли взыскивать банковыми ассигнаціями по курсу, который объявлялся тогда. Тарифъ этотъ памятенъ до сихъ поръ старикамъ торговцамъ и фабрикантамъ, такъ какъ онъ былъ причиной, какъ говорятъ, множества банкротствъ и причинилъ большой ущербъ въ торговлѣ. Разсмотримъ пошлины на бумажные товары, чтобы судить, на сколько гибеленъ былъ для бумажнаго производства въ Россіи этотъ тарифъ. Вотъ какія пошлины взимались по тарифу 1819 года: хлопокъ сырецъ безъ пошлины; бумажная вата по 90 коп.

съ фунта; хлопчатая бумага бѣлая и крашеная по 2 руб. 50 коп. съ пуда; бумажныя издѣлія всякаго рода не набивныя, въ томъ числѣ и миткаль по $37^1/_2$ коп. съ фунта; такія же издѣлія набивныя и печатныя по 1 р. 40 коп. съ фунта; бумажныя прозрачныя издѣлія какъ гладкія, такъ съ бѣлыми или цвѣтными узорами, тканыя или шитыя, какъ кисея и платки полукисейные всякаго рода по 1 р. 80 коп. съ фунта; если же эти товары были набиты или печатные, то по 3 р. 60 коп. съ фунта. Въ сущности тарифъ этотъ имѣлъ и хорошую сторону. Въ Россіи не было еще въ то время бумагопрядильныхъ фабрикъ и усовершенствованныхъ ткацкихъ становъ, за исключеніемъ Александровской мануфактуры, а потому пошлины на бумажную пряжу и хлопокъ были больше, чѣмъ умѣренны и служили для развитія бумагопрядильнаго производства. Что касается пошлинъ съ набивныхъ издѣлій, въ томъ числѣ и ситцевъ, то онѣ дѣйствительно были высоки. Такъ, на 53 арш. добротнаго ситца шириною въ 15 вершковъ, вѣсомъ $7^1/_2$ фунтовъ, налагалось пошлины по 1 р. 40 коп. съ фунта, всего 10 р. 50 коп., т. е., безъ малаго 20 коп. съ аршина; на 72 арш. средней доброты ситца, шириною $13^1/_2$ вершковъ, вѣсомъ $7^1/_2$ фун., налагалось тоже 10 р. 50 коп., т. е., около $14^1/_2$ коп. на аршинъ; съ 75 арш. низшей доброты ситца шириною $12^1/_2$ вершковъ, вѣсомъ 7 фунтовъ, пошлины взималось 9 р. 80 коп., т. е., немного больше 13 коп съ аршина.

До этого времени Иваново успѣло уже вырости значительно. Еще въ XVIII столѣтіи поселеніе перекинулось отъ Воздвиженья по сю сторону Потока и образовалась улица Кокуй; монастырская слободка успѣла выросги въ Троицкую слободу (нынѣ Негорѣлая улица), а по плану 1814 года мы насчитываемъ уже 27 улицъ безъ переулковъ. Боръ по Безъимянному ручью исчезъ, на его мѣстѣ образовались маленькіе бѣльники, такъ называемыя „мѣста,“ а по обѣ

стороны оврага, гдѣ протекаетъ этотъ ручей, выросло двѣ улицы. Боръ, шумѣвшій отъ монастыря до Сокова моста, также исчезъ, а на его мѣстѣ образовалось такое же село, какимъ было Иваново въ старину. Въ селѣ по плану значатся 4 фабрики: одна „казенная Его Сіятельства." т. е., та, которая принадлежала Грачеву, и три крестьянскихъ, Ямановскаго и Гарелиныхъ. Тутъ же обозначены двѣ мельницы; тоже „казенныя Его Сіятельства," различные торговые ряды, три питейныхъ дома и четыре богадѣльни. Часовня Казанской Божіей Матери находится чуть не на вспольи; Кабацкая улица носитъ два названія Кабацкая и Варварская. Въ 1819 году начали устраивать здѣшніе фабриканты каменныя фабрики и на фабрикахъ являются различнаго рода мастера-иностранцы, принося съ собой знаніе болѣе усовершенствованныхъ пріемовъ ситцеваго производства и вытѣсняя русскихъ красоваровъ, упорно державшихся однихъ и тѣхъ же пріемовъ. Впрочемъ, благодарная память стариковъ сохранила имена нѣкоторыхъ дѣятелей, маленькихъ, правда, но всетаки вносившихъ струю новизны въ рутину производства. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстенъ очень хорошо всѣмъ здѣшнимъ фабрикантамъ и пользовался полнымъ уваженіемъ съ ихъ стороны—это былъ И. Р. Кашинцевъ, рѣзчикъ и рисовальщикъ (онъ умеръ въ 1811 году). Онъ былъ изъ извѣстной семьи Кашинцевыхъ, принесшихъ съ собой изъ Шлиссельбурга умѣнье вставлять въ манеръ латунь и тѣмъ подвинувшихъ набивное дѣло впередъ. Другой—Подгорковъ, самоучка-механикъ. Онъ былъ старообрядецъ, но любилъ почитывать газеты и книжки гражданской печати. Это былъ первый, примѣнившій здѣсь водяную силу къ галандренью ситцевъ. Онъ снялъ у Графа Шереметева въ аренду мельницу, на Уводи, по своимъ собственнымъ вычисленіямъ устроилъ колеса и пустилъ въ ходъ галандрю. Третій—„свой" химикъ А. Мироновъ или Ледневъ, съ малолѣтства слѣпой.

Онъ былъ и химикъ и механикъ, имѣлъ свое химическое заведеніе и лавку, гдѣ торговалъ продуктами своей фабрики. Первый началъ печатать фабричныя карточки.

На западѣ совершались важныя усовершенствованія въ бумажномъ производствѣ. Въ 1813 году Томсонъ и К° первые начали красить въ Англіи бумагу и миткаль въ такъ называемый Адріанопольскій красный цвѣтъ, посредствомъ Смирнской марены. Во Франціи уже около полустолѣтія существовали красильныя заведенія для бумаги и бумажной ткани. Это красильное мастерство занесено было во Францію изъ Леванта и составляло тамъ большой секретъ. Въ Ивановѣ начали красить бумагу и миткаль въ Адріанопольскій цвѣтъ у Гарелина въ 1829 году иностранцы Геббель и Барукъ. Впослѣдствіи это крашеніе развилось въ г. Александровѣ и его окрестностяхъ въ большихъ размѣрахъ. Въ 1818 году стали набивать въ Ивановѣ такъ называемые „саксонскіе" (лаписъ) кубовые ситцы, которые названы такъ потому, что первый, работавшій эти ситцы и жившій въ Москвѣ на фабрикѣ Чорикова, былъ родомъ изъ Саксоніи. Первыми фабрикантами, узнавшими секретъ составленія этой краски, были М. И. Гарелинъ и Л. С. Удинъ. Съ нихъ взяли уже примѣры и другіе фабриканты. Во Франціи, Англіи и Германіи саксонскіе ситцы работались раньше, чѣмъ въ Россіи—они были извѣстны тамъ въ концѣ прошлаго столѣтія, а около 1805 года Даніилъ Кёхленъ въ Мюльгаузенѣ и Гауссманъ въ Кольмарѣ усовершенствовали ихъ. Въ Россіи производство двигалось—по правдѣ сказать—черепашьимъ шагомъ: на западѣ давно уже введены были въ употребленіе паровыя машины, а у насъ все еще господствовало ручное производство. Въ то время какъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія (съ 1818 по 1830 г.) производство ситцевъ у Битепажа въ Петербургѣ, Вебера, Титова и Прохорова въ Москвѣ помогало имъ обогащаться быстро, такъ какъ изящество

отдѣлки не заставляло желать лучшаго, Ивановскіе фабриканты остаются при томъ же, какъ и прежде. Петербургскіе и Московскіе фабриканты продавали лучшіе сорта своихъ ситцевъ за баснословную, можно сказать, цѣну—отъ 1 руб. до 2 руб. 50 коп. и даже до 3 рублей за аршинъ, а Ивановскіе позволили себѣ повысить цѣну только до 1 р. 30 к. и то съ нѣкоторою робостію—обыкновенная цѣна колебалась между 50 к. и 1 р. за арш. и это при большихъ пошлинахъ на ситцы. Вѣроятно, потому-то и возникли жалобы на ущербъ въ торговлѣ. Впрочемъ Гурьевскій тарифъ отмѣненъ былъ въ 1822 году при Графѣ Канкринѣ, который опять запретилъ ввозъ иностранныхъ набивныхъ издѣлій въ Россію.—

На сколько развита была до этого времени промышленность въ Ивановѣ, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что на него стали уже обращать вниманіе. Въ 1817 году В. С. Благовѣщенскій составилъ „Статистическое описаніе Владимірской губерніи" *) по уѣздамъ. Вотъ что говоритъ онъ о селѣ Ивановѣ (между прочимъ единственное село, которому онъ посвятилъ отдѣльную страницу): „Въ топографическомъ отношеніи село Иваново лежитъ при рѣкѣ Уводи, разстояніемъ отъ г. Шуи въ 30 верстахъ, весьма значительно по своей промышленности, которая превосходитъ своею торговлею и рукодѣліями не только всѣ города сей губерніи (т. е. Владимірской), но и можетъ сравняться съ знатнѣйшими губернскими городами, каковъ есть Ярославль и Калуга, ибо здѣсь выдѣлывается однихъ мануфактурныхъ издѣлій, какъ-то: миткалю, полотна, ситцу на сумму *до 7 милліоновъ*, а торговля онаго простирается до 6 милліонновъ. Село Иваново заключаетъ въ себѣ весьма много полезныхъ ремесленниковъ и художниковъ, коихъ считается до 5000 человѣкъ. Промышленность онаго столь велика, что оно

*) Влад. Истор.-Статист. Сб. *Тихонравова* 1869 г.

служитъ центральною торговлею во всей губерніи и имѣетъ коммерцію со многими губерніями, а нѣкоторые торгуютъ и въ Сибири. Обработываемыя въ семъ селѣ мануфактурныя издѣлія развозятся не только по многимъ губерніямъ, но отправляются и въ Польшу; Ивановскіе торговцы также участвуютъ на многихъ знатнѣйшихъ ярмаркахъ, а болѣе на Макарьевской, въ коей находится у нихъ особенный рядъ подъ именемъ *Ивановскаго*, въ коемъ было въ нынѣшнемъ (т. е. 1817) году различныхъ товаровъ на сумму до 4 милліоновъ." Дѣлая затѣмъ описаніе бумажныхъ фабрикъ во Владимірской губерніи, онъ говоритъ: „Къ важнѣйшимъ заведеніямъ во Владимірской губерніи принадлежатъ бумажныя фабрики, коихъ считается 176; изъ нихъ особенное заслуживаютъ вниманіе въ Шуйской округѣ въ селѣ Ивановѣ, въ городахъ: Юрьевѣ, Шуѣ, Переславлѣ и Гавриловскомъ посадѣ. 1) Въ селѣ Ивановѣ на фабрикѣ Московской 2-й гильдіи купеческой дочери Варвары Ефимовой Грачевой вырабатывается миткаля 29,369 штукъ, мѣрою отъ 25 до 37 аршинъ; для этого количества закупается одной бумаги на 750 тысячъ рублей и прочихъ матеріаловъ на 150 тысячъ. На сей фабрикѣ находится 900 челюстей и 103 набивныхъ стола; всѣхъ издѣлій продается на 1,255,066 рублей, изъ сего четвертая часть остается непроданною. Чистой прибыли отъ продажи бываетъ 96,712 рублей. За этой фабрикой слѣдуетъ въ семъ же селеніи крестьянина Графа Шереметева Михаила Ивановича Ямановскаго. На его фабрикѣ находится 1000 становъ и 110 набивныхъ столовъ, на нихъ вырабатывается въ годъ миткалю 17,500 штукъ, полуситцу 1,000 штукъ, выбойки 15,000 штукъ и 4,000 штукъ платковъ. Бумаги на означенные матеріалы покупается до 2,000 пудовъ, цѣною на 300,000 рублей, а равно красокъ и прочихъ матеріаловъ на 284,100 рублей; всѣхъ издѣлій продаетъ на 1,415,000 рублей. Здѣсь однихъ работниковъ мужескаго пола

находится 1,402 человѣка и женскаго 85 душъ; при чемъ особенное вниманіе заслуживаетъ, что сей крестьянинъ при своемъ заведеніи имѣетъ четыре пожарныя большія трубы и 30 бочекъ въ весьма хорошей исправности и къ инструментамъ всегда въ готовности содержитъ потребное число лошадей, такъ что ежели бы гдѣ и встрѣтились несчастные случаи въ упомянутомъ селѣ, то онъ во всякое время употребляетъ сіи принадлежности въ дѣйствіе, чѣмъ самымъ и снискалъ особенное уваженіе отъ всѣхъ жителей. За сею слѣдуетъ также весьма значительная фабрика крестьянина Мефодія Иванова Гарелина; на ней находится 1,021 станъ и 85 набивныхъ столовъ, гдѣ бываетъ работниковъ до 1,407 человѣкъ; вырабатывается миткалю 12,000 штукъ и покупается 11,000, изъ коего набивается въ ситецъ 12,000 штукъ, въ выбойку 10,000 и въ платки 1,000 штукъ. Всѣхъ вырабатываемыхъ издѣлій продается на 1,035,000 рублей, отъ чего получается чистой прибыли 45,980 рублей. На показанныхъ трехъ фабрикахъ готовыхъ издѣлій всегда можно найти на 100,000 рублей. Между прочимъ достойно замѣчанія и то, что сіи фабрики выдѣлываютъ матеріалы весьма хорошей доброты, которые уважаемы бываютъ и въ самой Москвѣ. Вообще же всѣхъ обрабатываемыхъ издѣлій въ селѣ Ивановѣ простирается до 7,031,900 рублей, для чего закупается одной бумаги до 20,000 пудовъ, изъ коей вырабатывается миткалю 215,607 штукъ, а изъ онаго набивается въ ситецъ 55,140 штукъ, въ платки 20,360 штукъ, въ выбойку 77,670 штукъ, а прочій оставшійся миткаль продается неокрашеннымъ.“

И такъ, мы видѣли, въ 1825 году было уже до 125 фабрикъ и благоустройство Иванова поставлено на надлежащую дорогу. Въ двадцатыхъ годахъ на Ивановскихъ фабрикахъ появляются въ качествѣ колеристовъ иностранцы, которые приносили съ собой тотъ или другой секретъ при-

готовленія красокъ. Сначала колеристы были иностранцы, но потомъ они почти совершенно были замѣнены русскими и остались большею частью только въ видѣ директоровъ—механиковъ. Здѣсь весьма кстати поговорить о колеристахъ и ихъ значеніи въ фабричномъ дѣлѣ. Воспользуемся для этого статьей Несытова *). Въ дѣлѣ набивнаго мастерства первое мѣсто на успѣхъ работы несомнѣнно принадлежитъ колеристу или, по мѣстному выраженію, красовару. Самое названіе опредѣляетъ уже назначеніе колериста. Дѣйствительно, отъ него многое зависитъ—если онъ доставитъ слишкомъ густую или слишкомъ жидкую краску, ситецъ испорченъ; доставитъ надлежащей густоты, но самъ не досмотритъ во время приготовленія краски, опять что-нибудь не такъ, опять порча ситца. Такимъ образомъ колеристъ долженъ во первыхъ обладать знаніемъ своего искусства, при чемъ для большей успѣшности недовольствоваться разъ усвоенными познаніями, а слѣдить за современными усовершенствованіями, потому что только тогда будетъ онъ находиться на высотѣ своего призванія. Затѣмъ подготовка матеріаловъ тоже вещь чрезвычайно важная въ колеристикѣ; качество и количество матеріаловъ (химическихъ солей, кислотъ, щелочей, растительныхъ, животныхъ и минеральныхъ веществъ, простыхъ и сложныхъ), которые колеристъ употребляетъ въ своемъ дѣлѣ; далѣе—аккуратность и своевременность исполненія работъ, предпринятыхъ колеристомъ. Всему этому способствуетъ состояніе погоды, температура воздуха, вѣтры и механическія средства, болѣе или менѣе улучшенныя. Отдѣльно надо поставить одно изъ важнѣйшихъ условій, которое имѣетъ особенное значеніе въ колеристикѣ—это *качество и свойства воды*. Вода играетъ такую важную роль въ этомъ искусствѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при небольшихъ средствахъ достигали блестящихъ результатовъ, въ другихъ же при самыхъ обширныхъ средствахъ результатъ получался плачевный.

*) Влад. Истор.-Статист. Сб. *Тихонравова* 1869 г. Указанная статья Несытова.

Главнымъ мѣстомъ дѣйствій колериста служитъ *фабричная лабораторія*, которая называется въ Ивановѣ *красоваркой* и состоитъ обыкновенно изъ двухъ комнатъ: *секретной* и *собственно лабораторіи или красоварки*. На большихъ фабрикахъ лабораторія устраивается каменная со сводами. Собственно въ лабораторіи устроенъ котелъ для горячей воды, другой для вывариванья сандаловъ и для варенія красокъ и крахмалу. Вареніе декстрина, лейокома и аравійской камеди производится въ кастрюляхъ на плитѣ, устроенной тутъ же. *Секретная* комната—мѣсто, гдѣ колеристъ производитъ развѣсъ матеріаламъ и дѣлаетъ свои пробы и опыты. Входъ въ эту комнату не всякому доступенъ, такъ какъ въ ней скрываются всѣ дѣйствія, занятія и результаты колериста, что составляетъ его неприкосновенную собственность; совершая секретно свои опыты, колеристъ пользуется за это увеличеннымъ жалованьемъ, а безъ подобной предосторожности и самый извѣстный по искусству колеристъ потеряетъ цѣну своимъ знаніямъ, если онъ открыто будетъ дѣйствовать или какъ-нибудь подглядятъ составъ и даже ходъ его операціи, благодаря которымъ онъ получилъ извѣстность. Колеристы различаются по роду ихъ знаній отдѣльныхъ частей набивнаго и красильнаго дѣла. *Колеристъ пунцовыхъ* (французскихъ) *ситцевъ*, окрашивавшій ихъ по *адріанопольскому способу* получалъ отъ двухъ до четырехъ тысячъ рублей въ годъ жалованья за свои знанія. *Колеристъ цвѣтныхъ, заварочныхъ и (затѣмъ) запарочныхъ ситцевъ* получалъ отъ 300 до 3000 р. въ годъ. Самымъ малымъ сравнительно жалованьемъ пользовался *кубовщикъ (мастеръ)*, окрашивавшій ситцы въ кубовую краску (индиго)—онъ получалъ отъ 150 до 600 рублей въ годъ. Надо правду сказать, что всѣ кубовщики—мастера это русскіе самоучки. Первые колеристы—иностранцы явились въ Москвѣ послѣ 1812 года, сначала изъ плѣнныхъ, а затѣмъ уже пріѣзжали по приглашенію Московскихъ

фабрикантовъ. Изъ Москвы иностранцы переселились и въ Иваново, гдѣ въ 1828 году является первое механическое ситценабивное заведенiе у Грека Спиридонова въ сельцѣ Воробьевѣ. По примѣру Спиридонова завели и у себя на фабрикахъ цилиндренныя машины братья Гарелины и Бабуринъ въ 1829 году. Въ слѣдующiе годы онѣ стали быстро распространяться и вскорѣ почти замѣнили ручную набивку ситцевъ, выбойки и тому подобныхъ сортовъ бумажныхъ тканей. Съ 1830 года выбойка окончательно сходитъ со сцены, ее замѣняютъ дешевые ситцы, отпечатанные на цилиндренныхъ машинахъ. Эти цилиндренныя машины на первыхъ порахъ приводились въ движенiе лошадьми. Всѣ первыя цилиндренныя машины дѣлались въ Москвѣ иностранцами—механиками, по образцу бывшихъ тогда машинъ на фабрикахъ Титова, Витта и Остерида и Вебера. Съ того времени начался упадокъ набоечнаго ремесла въ селѣ Ивановѣ, а равно большее развитiе выработки ситцевъ въ численности ихъ производства. Рисунки на мѣдныхъ валахъ для печатанiя цилиндренными машинами дѣлались здѣсь иностранцемъ Фричемъ, который поселился въ Ивановѣ съ 1830 года, началъ устраивать набивныя машины, чеканить пунсонами цилиндренные валы, гравировать и накатывать на нихъ разные рисунки для набивки ситцевъ, а также отливать эти валы изъ зеленой мѣди, продавая даже въ кредитъ нѣкоторымъ Ивановскимъ фабрикантамъ. Для устройства цилиндренныхъ машинъ и прочихъ принадлежностей Фричъ завелъ чугунно-литейное заведенiе и разныя мастерскiя, съ потребнымъ количествомъ слесарей и рабочихъ, которые большею частью и занимались устройствомъ, починками и поправками на Ивановскихъ и окрестныхъ фабрикахъ. Въ промежутокъ съ 1830 до 1851 годъ Фричъ сдѣлалъ и пустилъ въ ходъ на Ивановскихъ и окрестныхъ фабрикахъ болѣе 40 цилиндренныхъ машинъ и отлилъ нѣсколько тысячъ мѣдныхъ цилиндровыхъ валовъ; отливку

валовъ главнымъ образомъ производилъ онъ изъ красной штыковой мѣди, съ прибавкою на каждый пудъ до 20% шпіатеру, иногда и больше. Изъ своихъ механиковъ—самоучекъ Ивановцы помнятъ крестьянина Ивана Хорина, который дѣлалъ деревянные часы большаго формата, около 1823 года, а потомъ около 1835 года устроилъ машины набивать ситцы и накатывать мѣдные валы. Граверное искусство въ Ивановѣ также введено было иностранцами, между коими замѣчательны были Праксъ, Тиссо, Лежѐ отецъ и сынъ, Штиссъ, Шмитъ и Гандеръ. На первыхъ цилиндренныхъ машинахъ выработка ситцевъ была весьма несовершенна, но все-таки превосходила чистотою ручную набивку во всѣхъ сортахъ Ивановскихъ ситцевъ. Цвѣта для набойки болѣе всего употреблялись: красный краповый, розовый шафлорый, бланжевый или шамуа, краповый пюсъ, голубой калевый или фаянсовый, зеленый кверцитронный, оранжевый хромовый. За набивку ситцевъ первоначально брали отъ 25 до 30 к. съ аршина, тогда какъ со введеніемъ машинъ это оказывалась продажная цѣна ситца. Химическими произведеніями пользовались сначала изъ Москвы, гдѣ въ то время (въ 30-хъ годахъ) извѣстны были химическія заведенія Бауера, Бесса и В. Л. Лепешкина. Они-то главнымъ образомъ и поставляли сюда купоросное масло, соли, кислоты и другіе матеріалы, замѣняя ими иностранные. Отъ нихъ заимствовались знаніями и мѣстные обыватели, которые потомъ сами стали заводить свои фабрички—химическія заведенія.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія во Франціи Пирро изобрѣлъ способъ печатать ситцы посредствомъ прямонабивной машины, печатающей ситцы плоскими формами. Машина эта въ честь изобрѣтателя названа пирротиной. Машина Пирро послужила основаніемъ къ усовершенствованію *прямо-плоскостнаго* машиннаго печатанія (набиванія) плоскими формами въ нѣсколько колеровъ. Въ Россіи она

явилась уже усовершенствованною инженеромъ Гуммелемъ въ Берлинѣ. Первое появленіе ея въ Россіи относится къ 1846 году *), при трехъ-колерномъ механизмѣ; затѣмъ появляются четырехъ и пяти-колерныя перротины и быстро распространяются на русскихъ набивныхъ фабрикахъ. Во Владимірской губерніи первая перротина показалась въ Шуѣ у Посылина въ 1847 году; вслѣдъ за этимъ и въ Ивановѣ. Первая перротина въ Ивановѣ поставлена была у Гарелиныхъ, а затѣмъ онѣ быстро распространились, такъ какъ значительно сокращали время и трудъ, увеличивая производство. Набойщики потеряли свое значеніе и принуждены были обратиться къ другимъ занятіямъ. Прослѣдимъ послѣдовательное развитіе и упадокъ дѣла набойщиковъ **). Въ мануфактурной промышленности Владимірской губерніи набойщики получили значеніе послѣ того, какъ вернулись изъ Петербурга, Шлиссельбурга, Нарвы и Риги путешествовавшіе туда Ивановскіе мастера съ цѣлью изучить искусство составленія красокъ для набиванія ситцевъ. Это было въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Ремесло набойщика цѣнилось тогда очень дорого. По увѣреніямъ старожиловъ (жившихъ въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и даже принимавшихъ въ дѣлѣ набиванія ситцевъ дѣятельное участіе) за набивку аршина ситца мелкаго узора платили по 15 коп. асс.; цѣнность аршина ситца доходила въ то время до 75 коп. ассигнаціями. Такъ, напр., въ 1799 году кусокъ (штука) ситца въ 27 арш. стоилъ 20 руб. Самая дорогая цѣна приходилась на долю платковъ: за кусокъ (т. е., за 15 платковъ) отдавали 22 рубля ***). Искусство набойщика ограничивалось въ то время, по большей части, набивкою ситцевъ однимъ маneромъ (набивною доскою), рѣдко двумя и еще рѣже тремя,

*) Несытовъ. Указ. ст.

**) Несытовъ. Указ. ст.

***) Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ конторскихъ книгъ М. И. Гарелина.

и ситцы красились однимъ колеромъ; если же колеровъ было два-три, то послѣдніе были почти всегда *верховые* (смывные, линючіе цвѣта). Въ это время набойщика не стѣсняло ничто— ни аккуратность въ набивкѣ, ни точность и соблюденіе *рапорта* въ рисункѣ (сводъ двухъ или нѣсколькихъ красокъ, положенныхъ на миткаль такъ, что онѣ должны пунктуально совпадать одна съ другой и составлять на матеріи рисунокъ), такъ какъ понятія покупщиковъ и потребителей того времени были очень ограничены, такъ что они не могли браковать не только искусство набойщика, но и самое качество ситца, продаваемаго имъ. Это время для набойщика было золотымъ и только лѣнивый да разгульный не составилъ себѣ капитала, исключительно набивнымъ мастерствомъ.

Но самымъ счастливымъ и благодѣтельнымъ временемъ для набойщика считается эпоха 1812 года и время до 1822 г. Всѣ фабричные обороты и дѣятельность московскихъ фабрикъ перешли въ то время въ руки Ивановскихъ фабрикантовъ. Работы, производящіяся на здѣшнихъ фабрикахъ день и ночь, увеличили производство товаровъ неимовѣрно; набойщики зарабатывали тогда до 100 рублей асс. въ мѣсяцъ, не слишкомъ обременяя себя работой. Въ это десятилѣтіе совершился постепенно переходъ многихъ изъ горшечниковъ въ солидные фабриканты. Процессъ перехода совершался такъ: прилежный и ловкій набойщикъ, при помощи своего небольшаго семейства, напр., жены и двухъ сыновей, могъ приготовить въ день до 20 штукъ ситцевъ, т. е., набить миткаль, предварительно выбѣленный, одною или двумя красками, вечеромъ ихъ смыть, а въ ночь высушить; на другой день накрахмаливъ и опять высушивъ, прогаландривалъ у посторонних, гдѣ ему складывали ситецъ въ штуки, прессовали и въ такомъ опрятномъ видѣ товаръ поступалъ въ полное распоряженіе набойщика. По утру въ базарный день, этотъ

горшечникъ продавалъ свои товары въ томъ же Ивановѣ купцамъ, пріѣзжавшимъ изъ разныхъ мѣстъ для покупки ситцевъ. Такимъ образомъ, не отходя отъ своего семейства, подобный набойщикъ продавая каждый базаръ по 20 штукъ своего ситца, получалъ на худой конецъ до 40 рублей чистой выгоды. Къ концу года у него уже составлялся значительный капиталъ, съ которымъ онъ заводилъ сначала небольшую фабрику, а затѣмъ, если благопріятствовала судьба, то расширялъ ее.

Распространеніе набивнаго мастерства, т. е., собственно увеличеніе числа набойщиковъ совершилось въ третьемъ періодѣ, именно, съ 1822 по 1836 годъ. Здѣсь особенную пользу развитію ситценабивныхъ и бумажно-ткацкихъ фабрикъ принесъ охранительный тарифъ. Увеличеніе числа набойщиковъ приняло въ это время огромные размѣры, особенно въ селѣ Ивановѣ и вообще въ Шуйскомъ краѣ, гдѣ встрѣчалось прежде незначительное сравнительно число набойщиковъ, которые печатали ситцы, какъ блины пекли, и распространяли повсюду ситцы своей фабрикаціи съ самыми замысловатыми рисунками, тоже собственной выдумки. Въ этомъ періодѣ число набойщиковъ въ селѣ Ивановѣ можно полагать до 7,000, а во всей Владимірской губерніи до 11,000 человѣкъ. Понятно, что задѣльная плата значительно понизилась и платили уже не съ аршина, какъ прежде, а со штуки (кусокъ аршинъ въ 40—50). Въ послѣдніе годы этого періода плата ограничивалась отъ 60 коп. до 2 р. 50 коп. асс. со штуки. Навыкъ къ набивкѣ и возникшая конкурренція между набойщиками дали возможность фабрикантамъ понизить задѣльную плату; набойщики вслѣдствіе этого стали усерднѣе къ дѣлу и выработывая почти такую же сумму денегъ, какъ и прежде, стали приготовлять ситцевъ въ день больше, чему много содѣйствовали различныя техническія улучшенія—формы для набивки приготовлялись лучше, чѣмъ прежде, и краски

дѣлались удачнѣе. Въ этомъ періодѣ явились цилиндро-печатныя машины, чѣмъ нанесенъ былъ сильный ударъ ручной набивкѣ. Введеніемъ цилиндро-печатныхъ машинъ заканчивается третій періодъ. Машины вводились, не смотря на явно враждебное отношеніе къ нимъ рабочихъ, вводились потому, что выгода отъ нихъ была слишкомъ явна и произволу набойщиковъ былъ положенъ конецъ.

Четвертый періодъ отъ 1836 до 1855 года—время окончательнаго упадка ручнаго набивнаго мастерства. Въ этомъ періодѣ быстро растутъ паровыя машины, позволяющія увеличивать производство, а потому и число набойщиковъ увеличилось, но имъ указано уже надлежащее мѣсто—прежде они составляли необходимость на фабрикѣ, теперь же являются подчиненными машинѣ и своей работѣ. Задѣльная плата отъ 10 до 15 руб. въ мѣсяцъ при постоянной работѣ. Отъ набойщика требовалось теперь улучшеніе работы и ускореніе ручной набивки до самыхъ высшихъ предѣловъ. Тотъ изъ набойщиковъ, который относился къ дѣлу нерадиво, не могъ имѣть мѣста на лучшихъ фабрикахъ; въ это время фабриканты больше всего стали цѣнить въ набойщикахъ добросовѣстность, удаляя тѣхъ изъ нихъ, которые нерѣдко тайно передавали за ничтожную плату образцы издѣлій съ одной фабрики на другую, чѣмъ сильно вредили выгодамъ фабрикантовъ. Это было въ первое десятилѣтіе описываемаго періода. Второе десятилѣтіе окончательно устранило набойщиковъ. Въ это время введены были пирротины. Нѣкоторые изъ набойщиковъ остались вѣрны своему мастерству и держались на большихъ фабрикахъ для исполненія такихъ работъ, гдѣ замѣнить ихъ машинами было не выгодно (напр., при набивкѣ платковъ) или на маленькихъ фабрикахъ, гдѣ машины не были еще введены или было смѣшанное производтство—и машинное и ручное, а большая часть поступила въ рѣзчики, мытильщики, заварщики, артельщики и т. п. Дѣти ихъ начинаютъ уже

изучать не набивное мастерство, а другія ремесла, какъ-то: граверное, рѣзное, красильное и пр. Такъ кончилось одно изъ замѣчательнѣйшихъ занятій Ивановцевъ, давшее жизнь многимъ изъ тѣхъ фабрикантовъ, которые ворочали потомъ милліонными дѣлами, и поставившее Иваново на ту высоту, съ которой ему трудно теперь свернуться.

Необыкновенное развитіе фабричной промышленности въ с. Ивановѣ привлекло сюда много такихъ лицъ, которыя такъ или иначе приняли участіе въ этой промышленности, частію въ видѣ поставщиковъ бумажной пряжи, частью въ видѣ химиковъ, или, наконецъ, фабрикантовъ. Многіе изъ этихъ пришлыхъ людей поселились не въ Ивановѣ, а въ окрестностяхъ его, рядомъ съ селомъ. Это послужило къ образованію различныхъ слободъ, которыя потомъ вошли въ черту нынѣшняго города. Первой по времени образованія присельной слободой является Ильинская слобода или Воробьевская. Возникла она въ 1820 году, когда купецъ А. Лепетовъ купилъ у помѣщицы Барсуковой пустопорожнюю землю, построилъ на ней домъ и другія зданія, необходимыя для его тогдашней торговли миткалемъ и бумажной пряжей. Года черезъ три послѣ этого являются сюда и другіе купцы, также пріобрѣтають земли и строятъ на нихъ дома и фабрики, такъ что образовался цѣлый поселокъ и рѣшено было построить церковь, что и исполнено было въ 1840 году. Слобода называлась Воробьевской отъ близь лежащей деревни Воробьевой, а послѣ построенія церкви во имя св. Пророка Иліи, она стала называться Ильинской. До 1842 года слобода эта имѣла большое значеніе для здѣшнихъ мѣстъ въ торговомъ и мануфактурномъ отношеніи—здѣсь находились огромные склады и весьма значительная распродажа бумажной англійской пряжи Шуйскихъ купцовъ братьевъ Киселевыхъ и фабрики купца Бабурина и Нѣжинскаго Грека Спиридонова, перваго пустившаго въ ходъ механическое печатаніе ситцевъ,

при помощи цилиндренной машины, что было въ 1828 году. Приводимъ свѣдѣнія о слободѣ, относящіяся къ 1857 году *). Домовъ въ Ильинской слободѣ—каменныхъ 4, деревянныхъ 6; каменныхъ фабрикъ, палатокъ и другихъ построекъ 12,—деревянныхъ 16. Жителей: духовныхъ муж. 10, жен. 8; купцовъ муж. 10, жен. 11; мѣщанъ муж. 4, жен. 3; проживающихъ на фабрикахъ и въ услуженіи въ домахъ муж. 60, жен. 20—всего жителей до 126 человѣкъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на фабрикѣ Грачева явились изъ Москвы, выучившись тамъ составлять краски, братья Корноуховы, жители с. Горицъ, Шуйскаго уѣзда. Они завѣдывали у Грачева красильною частью, но потомъ занялись торговлею москательнымъ товаромъ и чтобы имѣть вблизи Иванова осѣдлость, купили въ 1828 году у Графа (впослѣдствіи князя) Воронцова обширную пустопорожнюю землю и построили здѣсь домъ. Такъ основалась Дмитровская слобода. Черезъ 10 лѣтъ, именно въ 1838 году участокъ земли у Корноухова купилъ П. А. Зубковъ, бывшій въ то время уже Петровскимъ купцомъ; на этомъ участкѣ онъ построилъ ситцевую фабрику. Затѣмъ мало по малу другіе изъ купцовъ стали слѣдовать примѣру Зубкова и покупать у Корноухова участки земли и также строить на нихъ дома и фабрики. Въ 1857 году слобода представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ **). Слобода Дмитровская построена въ одну прямую линію. Земли подъ ней до 70 десятинъ и все это пространство занимаютъ девять купеческихъ домовъ съ ихъ фабриками и заводами. Изъ числа домовъ 4 каменныхъ и 5 деревянныхъ; фабрикъ, заводовъ, палатокъ и другихъ построекъ — каменныхъ до 30, деревянныхъ до 60. Въ постройкахъ она носитъ характеръ современнаго стиля и по правильности и

---

*) *И. А. Бабуринъ.* Влад. Губ. Вѣд. 1857 г. № 43.

**) *И. А. Бабуринъ.* Влад. Губ. Вѣд. 1857 г. № 43.

красотѣ фасадовъ нѣкоторыхъ домовъ и фабрикъ можетъ служить образцомъ для новыхъ этого рода строеній.

Жителей въ ней—купцовъ муж. 30, жен. 30; проживающихъ на фабрикахъ при отправленіи разныхъ должностей—мѣщанъ муж. 65, жен. 20; крестьянъ муж. 1,200 и жен. 55. Всего до 1,400 человѣкъ.

Производительная дѣятельность жителей Дмитровской слободы (въ томъ же 1857 году. Мы цитуемъ здѣсь Бабурина) состоитъ единственно въ мануфактурно-торговой промышленности. Между фабриками, въ ней устроенными, первое мѣсто занимаетъ ситцевая и можно сказать образцовая фабрика Зубкова, вырабатывающая ежегодно до 80,000 кусковъ ситца на сумму до 500,000 рублей. Эта фабрика съ каждымъ годомъ обогащается новыми улучшеніями и пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе ту извѣстность, которая даетъ ей почетное мѣсто между первыми фабриками въ нашемъ отечествѣ. Довѣріе къ издѣліямъ этой мануфактуры почти безпримѣрное въ губерніи. Основатель фабрики П. А. Зубковъ былъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія рѣзчиковъ на ивановскихъ фабрикахъ; главнымъ руководителемъ основанной имъ фабрики былъ сынъ его Ѳ. П. Зубковъ. Состоящій при той же слободѣ химическій заводъ Лепешкина также образцовый и одинъ изъ лучшихъ въ цѣлой Россіи. Учрежденіе его въ этомъ мѣстѣ, средоточіи ситцевой фабрикаціи столь важно и благодѣтельно для окрестныхъ производителей ситцевъ, что излишне было бы разъяснять всю разнообразную пользу, которую онъ имъ приноситъ. Здѣсь комиссіонерство В. Дурденевскаго въ нѣсколько десятковъ лѣтъ основало главный сбытъ крапа, марены, гарансина, индиго (кубовой краски) и бумажной пряжи. Продажа всѣхъ этихъ товаровъ простирается до 40,000 рублей. Ситцевыя фабрики проживающихъ на Дмитровкѣ купцовъ В. Меншикова, О. Полушиной, А. Корноухова и М. Зимина, по отличнымъ ситцамъ и платкамъ,

на нихъ вырабатываемымъ, и по огромному ихъ сбыту, пользуются также большою извѣстностью и уваженіемъ. Вообще же всю годовую выработку ситцевъ и платковъ Дмитровскихъ фабрикантовъ приблизительно можно опредѣлить въ 150,000 кусковъ, а денежный оборотъ по распродажѣ ихъ и вмѣстѣ москательныхъ матеріаловъ и бумажной пряжи въ 2,200,000 рублей. По обширности торговыхъ предпріятій и правильнымъ дѣйствіямъ въ коммерціи проживающіе въ Дмитровской слободѣ купцы оказываютъ на мѣстную торговлю весьма значительное вліяніе.—

Усилившаяся производительность и возраставшія богатства заставляли Ивановцевъ тяготиться крѣпостнымъ своимъ положеніемъ, а потому въ концѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія начался выкупъ крестьянъ на свободу. Первымъ, получившимъ свободу, былъ Савва Кирилловичъ Шомовъ, въ 1825 году. Затѣмъ идетъ рядъ крестьянъ, выкупившихся на волю, главнымъ образомъ, такихъ, которые принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ развитіи промышленности с. Иванова. Въ 1827 году вышли на волю: П. и Н. М. Гарелины, В. П. Дурденевскій, А. Ф. Полушинъ; въ 1829 г. Л. С. Удинъ, И. И. Бабуринъ, И. И. Борисовъ, Я. Я. Куваевъ, Н. А. Бабуринъ, А. Е. Гандуринъ, Д. А. Бурылинъ; въ 1831 г. П. А. Зубковъ и др. Благодаря этому выходу на свободу, положеніе крестьянъ, оставшихся въ крѣпостномъ состояніи, сдѣлалось очень тяжелымъ: оброкъ, который платили крестьяне, нисколько не былъ уменьшенъ, такъ что приходилось платить и тѣ деньги, которыя вносились прежде теперь выкупившимися; вообще приходилось платить отъ 75 до 87 рублей съ тягла. Въ этомъ случаѣ много помогало то обстоятельство, что богатые фабриканты платили за бѣднѣйшихъ изъ крестьянъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ рѣка Уводь была буквально запружена мытилками, а берега ея застроены заварками. Заварки представляли собой подобіе частокола, до такой степени

тѣснились онѣ одна къ другой;—вода въ рѣкѣ уже и въ то время была испорчена, такъ какъ всѣ отбросы изъ заварокъ направлялись въ рѣку. Для новыхъ построекъ мѣста совершенно не было, а между тѣмъ фабричное дѣло расширялось и надо было подумать о новыхъ мѣстахъ для устройства фабрикъ. Тутъ-то и замѣчается то движеніе вверхъ по теченію рѣки, которое дало жизнь Дмитровской слободѣ и послужило къ основанію Вознесенскаго посада. Въ 1838 году П. А. Зубковъ построилъ на купленномъ имъ у Корноухова участкѣ земли свою фабрику, а затѣмъ въ 1844 году положено было основаніе Вознесенской слободѣ, такъ какъ съ этого года начали пріобрѣтать здѣсь участки земли и строить дома и фабрики. Мѣсто, на которомъ расположенъ былъ Вознесенскій посадъ, принадлежало съ конца прошлаго столѣтія Грачеву, который купилъ ее у разныхъ владѣльцевъ, такъ какъ ему нужно было поселить крестьянъ, купленныхъ имъ для своей фабрики въ Ивановѣ на посессіонномъ правѣ. Кромѣ Грачевской земли тутъ были участки и другихъ владѣльцевъ, и первый купленный участокъ, пустошь Ковригино, хотя и не былъ пригоденъ для устройства фабрикъ, но составлялъ потомъ неотъемлемую собственность Вознесенскаго посада. Первая фабрика, устроенная въ Вознесенской слободѣ, была фабрика Бабурина, который устроилъ и прядильное заведеніе на 6,000 веретенъ. Въ 1845 году уже насчитывалось обывательскихъ домовъ—каменныхъ 2 и деревянныхъ до 40. Такъ быстро росла эта слобода, переименованная въ 1853 году въ посадъ. Усердіемъ жителей устроена была въ 1851 году церковь Вознесенія Христова въ память перваго крестнаго хода, бывшаго въ день Вознесенья Христова въ 1844 году и повторяющагося ежегодно. Въ 1854 году 7 Іюня послѣдовало открытіе Посадской думы. Вотъ въ какомъ положеніи находился посадъ въ 1857 году, т. е., черезъ 12 лѣтъ послѣ основанія *). Посадъ расположенъ прямыми правильными

*) Бабуринъ. Влад. Губ. Вѣд. 1857 г. №№ 41 и 42.

улицами, которыхъ насчитывается 5 большихъ и до 10 малыхъ. Домовъ каменныхъ 17, деревянныхъ 130; фабрикъ каменныхъ, палатокъ и надворныхъ построекъ 39, деревянныхъ 210. Въ 1845 году жителей всего было—купцовъ муж. 8, жен. 7; мѣщанъ муж. 81, жен. 96. Въ 1857 году всѣхъ жителей съ фабричными рабочими до 1,700 человѣкъ. На фабрикахъ изготовлялось до 300,000 кусковъ ситцевъ и платковъ на сумму болѣе 1,000,000 рублей. Москательныхъ товаровъ и бумажной пряжи продавалось на 600,000 р. сер. Купцы и мѣщане находились въ вѣдѣніи Посадской Думы, которая состояла изъ Посадскаго Головы *), двоихъ гласныхъ и секретаря. Для письмоводства нанимали двоихъ писцовъ. Съ разрѣшенія высшаго начальства Дума имѣла право принимать купеческіе капиталы, выдавать свидѣтельства на торговлю и довѣренности и продавать разнаго достоинства гербовую бумагу. Для засвидѣтельствованія контрактовъ имѣлся въ Посадѣ маклеръ. Полицейскія дѣла состояли въ вѣдѣніи Помощника Пристава 2 стана Шуйскаго уѣзда; впрочемъ онъ въ дѣлахъ своихъ Приставу никакой отчетности не давалъ, а дѣйствовалъ совершенно самостоятельно. Изъ купцовъ и мѣщанъ выбиралось по одному депутату на случай производства между ними слѣдственныхъ дѣлъ. Дума завѣдывала также опекунскими дѣлами купцовъ и мѣщанъ. Въ Посадѣ имѣлся и Словесный Судъ.

Одновременно съ Вознесенской слободой возникла слобода Троицкая, примыкающая къ ней съ восточной стороны. Названіе свое она получила отъ крестнаго хода, бывшаго на мѣсто, гдѣ она построена, въ Троицынъ день и съ тѣхъ поръ повторяющагося каждогодно. Она составилась изъ бывшихъ крестьянъ Грачева, который поселилъ ихъ на своей землѣ. Земля, на которой построена Троицкая слобода, куплена была у Графа Шереметева купцомъ Бурылинымъ для

*) Первымъ Головою былъ И. А. Бабуринъ.

священно-церковно-служителей строющейся въ то время Единовѣрческой цевкви. Въ 1843 году она уступлена была съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода (съ аукціоннаго торга) проживавшему въ Ивановѣ Почетному Гражданину Н. Гарелину, а послѣдній въ 1844 году безденежно уступилъ часть этой земли мѣщанамъ, жившимъ прежде на землѣ Грачева, которая куплена была для постройки домовъ и фабрикъ. Въ 1857 году жителей въ ней числилось 305 человѣкъ обоего пола. Всѣ они вошли въ составъ Вознесенскаго посада.

Такимъ образомъ рядомъ съ Ивановомъ выросли и быстро стали развиваться слободы, которыя отличались отъ Иванова тѣмъ, что населеніе ихъ было не крѣпостное, а свободное. Не смотря на такое различіе въ положеніи, Иваново продолжаетъ идти впередъ. Въ 1832 году является первая въ дѣйствіи паровая машина въ 12 силъ на фабрикѣ братьевъ Гарелиныхъ, сработанная на заводѣ Берда. Машина работала очень хорошо. Сороковые года замѣчательны развитіемъ примѣненія къ ситцевому производству пара. Главнымъ образомъ выписывали паровыя машины изъ Бельгіи. Мало того, что паръ употреблялся какъ двигатель, его стали примѣнять и къ другимъ операціямъ—такъ имъ согрѣвали воду при бѣленіи, при вареніи красокъ, для высушиванья и запариванья ситцевъ. Запариванье заключается въ томъ, что нѣкоторые сорта ситцевъ, напр., розовые, подвергаютъ извѣстное время дѣйствію паровъ, отчего цвѣтъ ихъ становится ярче. Сорта эти называются запарными. Мало по малу этотъ способъ вытѣснилъ завариванье ситцевъ, которое въ настоящее время держится здѣсь въ видѣ анахронизма. При такомъ развитіи фабричнаго дѣла, скоро поняли, на сколько важно для фабричнаго хотя бы даже начальное образованіе и вотъ стараніями Я. П. Гарелина устроено было въ 1847 году, такъ называемое, Покровское Приходское Училище. Училище посѣщалось довольно усердно и съ разу оказалось поступившими

при открытіи 72 человѣка (въ промежутокъ съ 11 Іюля по 1 Августа). Затѣмъ число учениковъ постепенно возрастаетъ, за исключеніемъ 1850—51 учебнаго года, когда замѣчается весьма, впрочемъ, незначительное пониженіе. Вотъ таблица показывающая успѣхи этого училища, по отношенію къ числу учениковъ:

Въ 1847—48	учебномъ	году	было	83	челов.
„ 1848—49	„	„	„	84	„
„ 1849—50	„	„	„	87	„
„ 1850—51	„	„	„	84	„
„ 1851—52	„	„	„	92	„
„ 1852—53	„	„	„	100	„
„ 1853—54	„	„	„	104	„
„ 1854—55	„	„	„	108	„
„ 1855—56	„	„	„	109	„

И такъ, въ теченіи девяти лѣтъ своего существованія училище заключало въ себѣ 851 ученика, среднимъ числомъ каждогодно 94 человѣка—успѣхъ несомнѣнный и сочувствіе къ училищу видимое, тѣмъ болѣе, что тогда уже существовало Графское училище, основанное еще въ 1791 году. На содержаніе училища употреблено было учредителемъ—на жалованье законоучителю и учителю, на наемъ двухъ-этажнаго каменнаго дома, на отопленіе и освѣщеніе, на учебныя пособія и первоначальное обзаведеніе училища до 7,000 рублей сер. Училище обладало порядочной фундаментальной библіотекой, по крайней мѣрѣ, въ 1856 году въ ней заключалось до 680 томовъ разныхъ наименованій, пожертвованныхъ учредителемъ. Окончившіе курсъ ученія частью заняли разныя должности при фабрикахъ и по торговлѣ, частью поступили въ обученіе различнымъ ремесламъ и немногіе вернулись къ домашнимъ занятіямъ родителей.

Въ томъ же 1847 году, но не много ранѣе, именно 19 Января положено было начало устройсту школъ при

фабрикахъ, именно — устроена была школа при фабрикѣ И. А. Бабурина. Здѣсь имѣли цѣлью обучать грамотѣ, чистописанію, Закону Божію, счетоводству, техническому рисованію и церковному пѣнію мальчиковъ, работающихъ на фабрикѣ. Успѣхи школы вполнѣ оправдали старанія и заботливость фабриканта — нѣсколько учениковъ его школы перваго же выпуска заняли мѣста приказчиковъ и отличались знаніемъ дѣла и прекраснымъ поведеніемъ *).

Постоянное развитіе ситценабивной фабрикаціи вызвало и бумажно-ткацкую промышленность, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Англійская бумажная пряжа вытѣснена была русской, что, какъ извѣстно, случилось въ 1842 году. Явились и фабриканты, выдѣлывающіе миткаль, вмѣстѣ съ ними и ткачи, а затѣмъ комиссіонеры. Что это за дѣятели и какъ производится операція тканья миткаля, прекрасно изобразилъ г. Журовъ въ своей статьѣ: „Миткалевые фабриканты, ихъ ткачи и комиссіонеры во Владимірской губерніи“ **), которой мы и будемъ пользоваться въ данномъ случаѣ. Рѣчь, конечно, будетъ не о тѣхъ фабрикантахъ, которые имѣютъ механическо-ткацкія заведенія, а о ручныхъ миткалевыхъ фабрикантахъ. По состоянію и по количеству выработки миткаля этихъ фабрикантовъ можно раздѣлить на три разряда; къ первому относятся такіе, которые вырабатывали миткаль на 1500—5000 станахъ; ко второму—отъ 100 до 1500 становъ, и къ третьему принадлежали тѣ, которые имѣли отъ 5 до 100 становъ. Въ первомъ разрядѣ были купцы 1 и 2 гильдіи; они владѣли большими капиталами и вырабатывали миткаля отъ 30 до 100 тысячъ штукъ ежегодно. Миткаль этотъ употреблялся или на своихъ фабрикахъ, если были таковыя, или продавался ситцевымъ

*) Влад. Губ. Вѣд. 1857 г. № 23.

**) Вѣстн. Пром. 1858 г. № 8. Интересующіеся подробностями могутъ прочитать эту статью, языкъ которой очень простъ и ясенъ.

фабрикантамъ, у которыхъ не было своихъ ткацкихъ. Бумажную пряжу покупали почти исключительно въ Москвѣ, частью за деньги, частью въ кредитъ съ положеніемъ отъ 6% до 10%. За деньги покупали только самые крупные фабриканты—ткачи, а остальные всѣ въ кредитъ. Миткаль вырабатывали лучшаго качества, чѣмъ фабриканты второго и третьяго разрядовъ; происходило это отъ того, что употребляли пряжу лучшаго качества, и имѣя хорошихъ комиссіонеровъ и платя имъ дороже, строго взыскивали за плохую работу. Разсчитывались съ рабочими всегда честно, вполнѣ сознавая, что такимъ разсчетомъ можно привлечь къ себѣ хорошихъ рабочихъ. Конторами управляли сами или имѣли прикащиковъ, отличавшихся честностью и опытностью, изъ крестьянъ, мѣщанъ и не богатыхъ купцовъ. Жалованье прикащикамъ платили большое, отъ 500 до 1,000 рублей въ годъ, что заставляло тѣхъ дорожить своимъ мѣстомъ и относиться честно къ своимъ обязанностямъ. Выработка миткаля для этихъ фабрикантовъ производилась главнымъ образомъ комиссіонерами,—ткачей мелочныхъ, работающихъ дома или на фабрикѣ, у нихъ было весьма мало.

Второго разряда фабриканты состояли изъ купцовъ 3 гильдіи или крестьянъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ и безъ нихъ. Работали они миткаль далеко не такой, какъ перворазрядные. Происходило это оттого, что и пряжа была плохая и комиссіонеровъ хорошихъ не было, а главнымъ образомъ потому, что сами фабриканты желали получить миткаль низшей доброты. Такъ они постоянно приказывали своимъ ткачамъ и комиссіонерамъ работать миткаль недостаточно плотно, чтобы онъ былъ легокъ, а слѣдовательно и не дорогъ (въ смыслѣ платы за работу), чтобы легче можно было продать его съ большимъ барышемъ. Миткаль свой продавали они въ Москвѣ или Ивановѣ, главнымъ образомъ. При продажѣ надували своихъ покупателей самымъ безсовѣстнымъ

образомъ: такъ продавали 800-й миткаль за 900-й, 900-й за 1000-й и т. д. Но послѣ того какъ они потеряли довѣріе и покупатели стали разсчитывать на обманъ и принимать подпись на миткалѣ за увеличенную на 100 зубовъ, тогда они стали уже приписывать не по сту, а по триста зубовъ. Бумажную пряжу такіе фабриканты покупали почти всегда за деньги, такъ какъ въ кредитъ имъ неохотно вѣрили. Конторами управляли сами, а если и были у нихъ прикащики, то на счету полурабочихъ и получали отъ 100 до 200 р. въ годъ. Выработка миткаля для этихъ фабрикантовъ производилась тѣми же самыми лицами, что и для фабрикантовъ перворазрядныхъ, но съ тою разницею, что у нихъ больше бывало ткачей мелочныхъ, которыхъ они завлекали къ себѣ всевозможными способами; это дѣлали они и потому, что хорошіе комиссіонеры рѣдко обращались къ нимъ, а шли больше на фабрики перваго разряда, и не потому, что работать тамъ было много выгоднѣе, а что комиссіонеръ, взявши работу на значительной фабрикѣ, зналъ, что его не остановятъ въ ней, какъ это нерѣдко бывало на фабрикахъ менѣе значительныхъ. Но за то, когда миткаль былъ въ спросѣ, фабриканты проявляли необыкновенную дѣятельность. Распродавъ свой миткаль и имѣя запросы на него, они бросались къ фабрикантамъ третьяго разряда, по деревнямъ, и покупали или заказывали привезти къ извѣстному времени. При этомъ происходило нерѣдко, что сторговавъ миткаль за деньги или на промѣнъ бумажной пряжи, они уѣзжали, взявъ честное слово доставить миткаль; но вслѣдъ за нимъ пріѣзжалъ другой и давалъ цѣну высшую, такъ что перекупалъ этотъ миткаль. Фабричныя строенія этихъ фабрикантовъ заключались въ деревянныхъ и рѣдко каменныхъ зданіяхъ. Вырабатывали они отъ 2 до 30 тысячъ штукъ ежегодно.

Къ третьему разряду принадлежали фабриканты—ткачи или мастерки, которые вырабатывали миткаль иногда однимъ

своимъ семействомъ, иногда съ помощію ближнихъ и знакомыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ заведенія ихъ нерѣдко принимали видъ фабрики и на нихъ вырабатывалось до 2,000 кусковъ. Мастерки эти состояли почти исключительно изъ крестьянъ, торговали безъ всякихъ свидѣтельствъ и только платили становому, когда тотъ пріѣзжалъ. Вели торговлю бойко—годовой оборотъ нѣкоторыхъ простирался отъ 5 до 10 тысячъ рублей. Торговали главнымъ образомъ на Ивановскомъ базарѣ. Миткаль, вырабатываемый ими, самаго низшаго достоинства; бывалъ нерѣдко и такой, что продавая его по 12—13 коп. асс. за арш., получали еще барышъ. Заведенія у нихъ были очень бѣдны, большею частью работали въ своихъ избахъ. Эти фабриканты были въ то же время и рабочими: они клеили, сновали и разматывали пряжу по большей части сами съ женами и дѣтьми. При первой невзгодѣ, напр., при худомъ требованіи на миткаль, они бросали свои заведенія, обращались за работой къ фабрикантамъ побогаче и становились рядовыми ткачами.

Ткачей можно раздѣлить на два разряда—одни ткали на фабрикахъ, другіе у себя на дому. Почти всѣ ткачи были крестьяне и развѣ сотая часть ихъ принадлежала къ мѣщанамъ. Фабричные ткачи всегда возраста средняго, такъ какъ ни малолѣтніе, т. е., подростки, ни старики на фабрику ткать не ходили, а занимались этимъ дома. При первомъ появленіи ткацкихъ фабрикъ въ рабочихъ нуждались, а потому всегда съ удовольствіемъ принимали всякаго являющагося. Ткачъ приходилъ принося съ собой одинъ челнокъ, стоющій 60 или 80 коп. сер; прочія ткацкія принадлежности были хозяйскія. Являясь на фабрику, ткачъ прежде всего отправлялся въ ткацкую свѣтелку осмотрѣть, хороши ли основы и пр., и послѣ всѣхъ справокъ являлся въ контору съ просьбой: „не посадите ли поткать?“ Контора справясь, а иногда и не справляясь, объ его поведеніи, съ охотой давала мѣсто. Получивши

мѣсто и основу, ткачъ тутъ же просилъ или приходилъ нѣсколько позже за деньгами и просилъ впередъ рублей 5—10. Контора не отказывала обыкновенно, но требовала отъ него свидѣтельства отъ извѣстныхъ ей ткачей объ его безъукоризненномъ поведеніи, т. е., что онъ не воръ и заработалъ взятыя впередъ деньги, если это случалось. Получивъ основу съ вѣсу, навивъ ее на навой и продѣвъ въ ниты и бердо, ткачъ получалъ на 1 штуку утку около 2 фунтовъ. Все это записывалось въ конторѣ въ книгу въ особой для каждаго ткача статьѣ подъ извѣстнымъ №. Выткавъ штуку въ двое—трое сутокъ или въ недѣлю, ткачъ приносилъ ее въ контору. Тамъ принимали, вѣсили, записывали въ книгу и браковали т. е., смотрѣли, хорошо ли она сдѣлана. Если она сдѣлана небезъукоризненно хорошо, т. е., если имѣетъ *близны* (полоски вдоль полотна) или *недосѣки* (полоски поперегъ полотна), то штрафовали ткача, смотря по найденнымъ недостаткамъ отъ 25 до 35 коп., въ рѣдкихъ случаяхъ до 50 коп. асс. Въ общемъ штрафъ никогда не превышаетъ 5% съ заработной платы. Когда ткачъ вытыкалъ всю основу и доставлялъ послѣднюю штуку (штукъ въ основѣ было отъ 4 до 6, а длина основы всегда была одинакова 250 арш.), контора повѣряла вѣсъ выданной ткачу пряжи, при чемъ на угаръ и растерю скидывала ему фунта полтора съ пуда. Если оказывался недостатокъ утка, то вычитали за недостающую часть, а иногда прощали—совѣстливый ткачъ никогда не дѣлалъ провѣса или недостатка, такъ какъ на угаръ скидывалось больше, чѣмъ нужно. По окончаніи первой основы, давалась другая и миткаль принимался такимъ же порядкомъ. Ткачи эти были гораздо полезнѣе для фабрикантовъ, чѣмъ работавшіе дома, такъ какъ находились постоянно на глазахъ, ткали лучше постороннихъ и дѣлали меньше злоупотребленій, которыя заключались иногда въ томъ, что забирали деньги впередъ и уходили, не заработавъ ихъ и не отдавъ ихъ, или же

уносили утокъ и проматывали его, также ушедши съ фабрики.

Мелочные ткачи, работающіе дома, брали основы изъ фабричной конторы къ себѣ на домъ для своего семейства и ткали ихъ у себя въ избахъ или въ особо устроенныхъ свѣтелкахъ. Такіе ткачи являлись въ контору обыкновенно съ такими просьбами: „не пожалуете ли основки?“ или: „не дадите ли основки?“, а то и просто задавали вопросъ: „раздаете ли основы-то?“ Контора, справясь о мѣстѣ ихъ жительства, о поведеніи, о томъ, не промотали ли уже у кого изъ сосѣднихъ фабрикантовъ основы или утка̀, и получа одобрительный отзывъ, давала основы съ утко̀мъ и бердами, а иногда и деньгами впередъ отъ 3 до 5 рублей на станъ. Порядокъ выдачи этимъ ткачамъ основы и утка̀ и пріема миткаля такой же, какъ у фабричныхъ ткачей, только на угаръ скидывалось вдвое меньше, т. е., около 3/4 фунта съ пуда. Происходило это отъ того, что миткаль, приносимый ими въ контору, постоянно былъ сырой и тяжеле фабричнаго. Для этого употреблялись различныя уловки: одни потили его въ сыромъ мѣстѣ; другіе клеили утокъ въ пшеничной мукѣ; иные насыпали песку или снѣгу въ средину штуки,—а не то безъ всякой хитрости напрыскивали штуку водой и такъ мокрую приносили безъ зазрѣнія совѣсти. Улика на лицо, но штрафовать нельзя, потому что штрафа ткачъ не приметъ, да и работать не станетъ, а деньги всегда были за ткачемъ, а не за хозяиномъ. Вообще эти ткачи, будучи во всѣхъ отношеніяхъ честны, рѣдко могли удержаться, чтобы не утаить часть утка̀. Такихъ утайщиковъ г. Журовъ насчитываетъ ни много, ни мало 95%.

Выработка фабричныхъ ткачей бываетъ несравненно болѣе выработки работающихъ дома. Происходило это отъ того, что на фабрику являлись обыкновенно лучшіе ткачи и работали постоянно, а во вторыхъ, и отъ того, что имъ

выдавались для тканья при фабрикахъ сорта миткаля самые высокіе, шириною отъ $1^1/_4$ до 3 арш., счетомъ зубовъ отъ 1,200 до 3,000. Цѣна за эти сорта полагается отъ 13 до 25 руб. асс. и болѣе съ основы. Если ткачъ вытчетъ въ продолженіи зимы (на лѣто они уходили домой) въ теченіи 9 мѣсяцевъ, 10 основъ, что очень не трудно для старательнаго, то онъ получалъ отъ 130 до 250 и болѣе руб. асс. Среднюю цифру заработка фабричнаго ткача смѣло можно положить въ 140 руб. асс. Ткачи, работавшіе дома, рѣдко получали до 130 руб.,—среднюю цифру ихъ заработка можно положить въ 60 рублей асс. Весь инструментъ у такого ткача, за исключеніемъ берда, долженъ быть свой. И при такихъ даже условіяхъ ему оставалось около 50 руб. асс. за годъ, т. е. за зиму. Было время, когда въ рѣдкомъ домѣ въ Ивановѣ не было слышно щелканья челнока,—теперь этого ничего нѣтъ, такъ какъ со введеніемъ механическаго ткачества, домашнее ткачество исчезло и держится въ видѣ домашняго промысла въ нѣкоторыхъ деревняхъ.

Наконецъ развитіе ткачества выдвинуло и такихъ ткачей, которые брали у фабрикантовъ на комиссію бумажную пряжу для обработки въ миткаль. Это такъ называемые комиссіонеры. Пряжу они брали или обработанную въ видѣ клубьевъ (основъ) или не обработанную въ видѣ пачекъ. Поэтому и раздѣлялись они на комиссіонеровъ—клубовщиковъ и комиссіонеровъ—бумажниковъ или пачечниковъ. Комиссіонеры—клубовщики большею частью крестьяне изъ ткачей, заслужившихъ нѣкоторое довѣріе и пріобрѣтшихъ опытность. Образованіе у нихъ самое ничтожное, а то и вовсе никакого, но если они честны, то товаръ находится въ сохранности и счета подаются фабрикантамъ вѣрно. Для ткачей у нихъ были свои свѣтелки на 5, 10, 15 и болѣе становъ. Отъ явившагося въ контору комиссіонера съ просьбой о довѣріи ему основъ на комиссію, прежде всего требовалось свидѣтельство

о его званіи и мѣстѣ жительства, потомъ спрашивали, производилъ ли онъ на кого-либо комиссію въ послѣднее время и на кого именно. Если онъ показывалъ на кого-либо изъ фабрикантовъ, требовалась книжка того фабриканта для разсмотрѣнія, сдѣланъ ли по ней разсчетъ. Потомъ спрашивали у знающихъ его комиссіонеровъ о его нравственности. Затѣмъ требовалось еще свидѣтельство отъ крестьянъ казеннаго вѣдомства изъ волостнаго правленія, а крестьянъ помѣщичьихъ отъ помѣщика или управляющаго о его добропорядочномъ поведеніи. Послѣ уже всего этого контора заключала съ нимъ словесное или письменное условіе, въ которомъ подробно излагался весь порядокъ и всѣ цѣны за работу и комиссію, и выдавалась книжка, въ которую заносился отпускъ товара и денегъ, а также пріемъ отъ него миткаля. Книжку эту комиссіонеръ всегда имѣлъ при себѣ и хотя товаръ заносился въ нее конторщикомъ, но непремѣнно при личномъ наблюденіи комиссіонера, и по этой книжкѣ онъ отвѣчалъ въ недостаткѣ товара. Помолясь Богу и выдавъ книжку, фабрикантъ отпускалъ требуемое комиссіонеромъ количество основъ и утка съ вѣсу (выдавался и принимался товаръ непремѣнно съ вѣсу). Послѣ того, какъ товаръ отпущенъ и записанъ, какъ въ конторскую книгу, такъ и въ книжку комиссіонера, послѣдній тщательно просматривалъ свою книжку, чтобы убѣдиться, что въ ней все записано вѣрно, и уѣзжалъ. Основы онъ раздавалъ въ одну или двѣ недѣли и являлся опять въ контору. Контора успѣвала въ это время навести справки о комиссіонерѣ, и если ничего дурнаго не слышала о немъ, то опять отпускала требуемое количество. Черезъ мѣсяцъ комиссіонеръ уже привозилъ часть выработаннаго миткаля, пріемъ котораго совершался также, какъ отъ ткачей мелочныхъ. Когда товаръ былъ принятъ, выдавали комиссіонеру слѣдующія ему за комиссію деньги съ вычетомъ въ случаѣ неисправности. Такіе комиссіонеры—

клубовщики вырабатывли въ годъ отъ 100 до 1,000 основъ. Плату они получали различную. Такъ въ 1829 году они получали за кусокъ 850 миткаля по 3 р. 50 коп. асс.; въ 1858 году отъ 2 до 4 руб. асс. съ основы. Не смотря на то, что половину денегъ имъ приходилось отдавать ткачамъ, комиссіонеры имѣли порядочные барыши и если медленно, то все же наживали порядочное состояніе.

Комиссіонеры—бумажники отличались отъ предъидущихъ только тѣмъ, что были промышленнѣе ихъ, имѣли побольше капитла и вырабатывали больше. Вырабатывали они отъ 5 до 50 тысячъ штукъ въ годъ. Платили имъ больше, такъ какъ пряжу они получали не клеенную, не размотанную и не основанную. За комиссію они получали отъ 2 до 5 руб. асс. больше, чѣмъ клубовщики.

Мы говоримъ такъ подробно о миткалевыхъ фабрикантахъ и ручныхъ ткачахъ потому, что этотъ промыселъ, бывшій когда-то такимъ же роспространеннымъ, какъ и промыселъ набойщика, также сошелъ со сцены, вытѣсненный механическимъ ткачествомъ. Теперь ручной ткачъ встрѣчается также рѣдко, какъ и набойщикъ.

До сороковыхъ годовъ почтоваго отдѣленія въ с. Ивановѣ не было ,—почту привозили изъ Шуи два раза въ недѣлю. Какъ ни хлопотали мѣстные купцы объ открытіи почтоваго отдѣленія, всѣ ихъ ходатайства передъ помѣщикомъ оставались тщетными, хотя почтовое вѣдомство и согласилось устроить почтовое отдѣленіе. Такъ и жили Ивановцы до тѣхъ поръ, пока наконецъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1845 г. помѣщичье управленіе не разрѣшило устроить почты. За это приходилось платить крестьянамъ. Затѣмъ время до 1861 года мы видимъ послѣдовательное развитіе Иванова во всѣхъ отношеніяхъ. Въ 50-хъ годахъ считалось въ Ивановѣ двѣ богадѣльни, но одна изъ нихъ тогда же уничтожена была помѣщикомъ, который устроилъ на ея мѣстѣ лавки. Дѣло благотворительности

взяло на себя купечество. Въ 1850 году Н. М. Гарелинъ устроилъ при своей фабрикѣ больницу на 20 кроватей, поставленную на очень хорошую ногу. При ней имѣлся врачъ и фельдшеръ и достаточное количество медикаментовъ. Въ 1855 году Н. А. Бабуринъ устроилъ при Покровской церкви богадѣльню на 20 человѣкъ для призрѣнія сиротъ изъ духовнаго званія. Капиталъ на содержаніе былъ внесенъ въ одно изъ кредитныхъ учрежденій. По смерти Н. А. попечителемъ былъ братъ его И. А. Бабуринъ, а послѣ его смерти завѣдывали церковные старосты.

Такимъ образомъ, не взирая на различныя невзгоды, которыя обрушивались на Ивановцевъ, то въ видѣ увеличенія налоговъ по случаю выхода многихъ на свободу, то въ видѣ платежа аренды за свои собственные дома и фабрики вольноотпущенными, Иваново неудержимо движется впередъ и растетъ съ каждымъ годомъ. Приводимъ любопытныя цифры, количество населенія въ Ивановѣ по 8 и 9 ревизіи и въ 1855 году, заимствованныя изъ статьи И. А. Бабурина *). *По 8 ревизіи* (1833 года) числилось въ Ивановѣ: купцовъ муж. 80, жен. 87; мѣщанъ муж. 68, жен. 70; крестьянъ Графа Шереметева муж. 2,367, жен. 3,204; иностранцевъ (Англичанъ, Французовъ и Нѣмцевъ) обоего пола 28. *По 9 ревизіи*—купцовъ муж. 125, жен. 137; мѣщанъ муж. 85, жен. 92; крестьянъ Графа Шереметева муж. 2,154, жен. 2,700; иностранцевъ до 60 обоего пола. Въ *1855 году* числилось—купцовъ, осѣдло живущихъ, муж. 95, жен. 102; мѣщанъ муж. 57, жен. 62; крестьянъ Графа Шереметева муж. 2,220, жен. 2,736; иностранцевъ до 62 обоего пола. Кромѣ того временно проживающихъ по торговлѣ и при фабрикахъ—купцовъ муж. 20, жен. 23; мѣщанъ муж. 308, жен. 250; крестьянъ разныхъ вѣдомствъ и владѣльческихъ муж. до 2,500, жен. до 500. Такимъ образомъ въ 1855 г. число наличнаго

*) Влад. Губ. Вѣд. 1855 г. № 51.

населенія въ с. Ивановѣ простиралось до 8,930 человѣкъ обоего пола. Цифра почтенная! Кромѣ того по нѣкоторымъ сословіямъ свѣдѣній не имѣется, такъ что можно цифру населенія полагать выше 9,000.

Вознесенскій посадъ съ слободами, какъ свободное поселеніе, развивался чрезвычайно быстро. Мы уже привели цифры 1845 и 1857 годовъ, достаточно показывающія быстроту роста посада. Достаточно упомянуть, что въ 1857 году въ немъ вмѣстѣ съ слободами считалось до 3,630 человѣкъ обоего пола. Въ 1855 году учреждены были еженедѣльные базары по Воскреснымъ днямъ. Но рядомъ съ Посадомъ было село Иваново, гдѣ базары были два раза въ недѣлю, по Понедѣльникамъ и Четвергамъ, и притомъ старинные, такъ какъ учрежденіе торжковъ въ Ивановѣ относится къ 1705 году. По привычкѣ тяготѣніе окрестныхъ жителей и торговцевъ было къ Иванову. Посадъ началъ было хлопотать о перенесеніи базара изъ Иванова къ себѣ, мотивируя тѣмъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не дозволено закономъ устраивать торговли, въ смыслѣ ежедневной, но право это Иваново умѣло отстоять. Еще раньше купечество Вознесенскаго посада хлопотало предъ правительствомъ о выкупѣ Иванова съ землей изъ крѣпостной зависимости съ тѣмъ, чтобы соединить обѣ части въ одинъ городъ, но Графъ Шереметевъ не согласился, выставляя на видъ довольно сильный, повидимому, аргументъ, что Ивановцы попадутъ къ купцамъ въ неволю худшую, чѣмъ въ какой были у помѣщика. Такимъ образомъ и это не удалось. Наконецъ наступило 19-е Февраля 1861 года и Иваново сдѣлалось свободнымъ. Съ этихъ поръ, оставаясь даже селомъ, оно жило совершенно городскою жизнью, а потому считаемъ нужнымъ дальнѣйшую его судьбу изобразить во второй части.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:				Слѣдовало:
Стран. 8	Стр. 15	— въ Уводѣ		въ Уводи
— 35	— 4	— во кругъ		вокругъ
— 36	— 18	— въ переди		впереди
— 36	— 23	— впечатленіе		впечатлѣніе
— 67	— 25	— клалали		клали
— 70	— 13	— отцвѣдшая		отцѣтшая
— 79	— 8	— ни когда		никогда
— 154	— 15	— чорную		черную
— 184	— 21	— обеспечена		обезпечена
— 190	— 28	— должноснтыхъ		должностныхъ
— 193	— 32	— исчезъ		изчезъ
— 221	— 17	— исчезло		изчезло
